Azərbajcanı Öqrənən Cəmijjətin Əsərləri
Труды О-ва Обследования и Изучения Азербайджана

№ 10.

И. И. МЕЩАНИНОВ.

Поч. чл. Общ. Обсл. и Изуч. Азербайджана.

ХАЛДОВЕДЕНИЕ.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВАНА

включая древнейшие сведения о Закавказье. Система письма и чтение клинописных текстов халдов-урартов.

Издание Общества Обследования и Изучения Азербайджана.

Баку — 1927

ПРОВ. 1988

Печатается по постановлению Президиума О-ва Обсл. и Изуч. Азербайджана 10—III—26.

Ученый Секретарь О-ва **А. Зифельдт-Симумяги.**

Напечатано под общим наблюдением зав. типографией **А. С. Айзенштарка**, зав. наборным отделением **И. К. Топольницкого**, метранпажей— **С. П. Богданова** и **С. И. Смородинова.**

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
946
29

Типография „Красный Восток"
Бакполиграфа
Баку, Карантинная, 84.
Главлит 3988 Заказ 1062 Тир. 1000 экз.

Сто лет тому назад трагически погибший молодой немецкий ученый положил начало собиранию клинописных памятников древнего Вана. Богатый собранный им эпиграфический материал, опубликованный многими годами после безвременной его кончины, служит до сегодняшнего дня настольною книгою каждого халдоведа.

Материал разросся, исследовательский к нему подход углубился. Сейчас он, этот материал, занял подобающее ему место в сложной работе по изучению культуры первого тысячелетия до христианского летосчисления, именно той заманчивой по своему интересу переходной поры, которая вызвала новые и политические и экономические группировки на территории Передней Азии, строившей иную жизнь на смену отошедших в историю великих держав Древнего Мира. Здесь же, в тесной связи со всем передне-азиатским культурным кругом выступает на сцену и наше Закавказье, выявляющее свой культурно-исторический облик в освещении клинописных текстов халдов-урартов.

Сложный вопрос о периодизации богатого до-исторического прошлого Закавказья упирается в определенном своем периоде именно во времена халдов-урартов, и тут древне-ванский эпиграфический материал явится прекрасным опорным пунктом для уяснения далекого прошлого Кавказского Двуречья, для правильного понимания тех обильных до-исторических памятников, которые столь ярко выступают на почве Азербайджана.

Общество Обследования и Изучения Азербайджана с чувством глубокой благодарности за понесенный труд вспоминает, в исполнившуюся столетнюю годовщину, ценное в научной его работе имя *Фр. Эд. Шульца.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3— 6
История древнего Вана:	
Хронологическая таблица	7
XV—XII века	8—10
XII—X века	10—11
Первая половина IX века	11—14
Вторая половина IX века	14—17
Ишпуин, сын Сардура	17—20
Менуа, сын Ишпуина	20—23
Аргишти, сын Менуи	23—28
Сардур III, сын Аргишти	28—37
Руса I, сын Сардура	37—46
Аргишти II	46—49
Руса II, сын Аргишти	49—56
Сардур IV	56—57
Еримена	57—60
Руса III, сын Еримены	60—63
Внешний вид надписей	64—68
Графика	68—71
Клинописные знаки (в порядке значений)	72
Клинописные знаки (в порядке начертаний)	73—76
Об'яснения к таблицам халдского алфавита	77—80
Об'яснения к слоговым знакам халдского написания	80—84
Об'яснения к детерминативам	85—86
Об'яснения к идеограммам	86—105
Об'яснения к числительным	105—107
История дешифровки надписей	107—110
Положение халдского языка среди других языков	110—116
Фонетика	116—125
Грамматика:	
А. Склонение	126—130
Б. Спряжение	130—137
В. Множественное число	137—146
Г. Прилагательные	146—147
Д. Местоимения	147—148
Е. Союзы и предлоги	148—149
Ж. Числительные	149—152
З. Аффиксы	152—155
И. Идеографические знаки	155—160
К. Синтаксические особенности	160—162
Названия времен года	163—164
Чтение текстов	164—169

Стр.

Разбор и перевод текстов:
тексты в транскрипции:
I Надпись из Ардамеда (Менуа) . . . . . 170—171
II Надпись из Эйляра (Аргишти I) . . . . . 171—174
III Надпись из Маку (Руса II), см. фотогр. надп. № XVII . . . . . 174—181
Общие замечания ко всем трем надписям . . . . . 181—182

Об'яснения к халдским текстам даваемым клинописью:
IV Надпись из Захалу (Сардур III) . . . . . 183—185
V Летопись Сардура III (5-ый столбец, на пьедестале) . . . . . 185—187
VI Надпись из Армавира (Руса III) 187
VII Надпись из Варага (Менуа) 188
VIII Надпись в мечети Хосров-Джами в Ване (Менуа) . . . . . 188—191
IX Надпись из Варага, св. Сион (Менуа) . . . . . 191—192
X Надпись близ селения Ардамед (Менуа) . . . . . 192—193
XI Хорхорская летопись (Аргишти I) . . . . . 193—198
XII Надпись из селения Дзвистан (Ишпуин) 198
XIII Надпись из Вана, Айгестан (Руса I) . . . . . 198—202
XIV Надпись у Шамирам-Су близ Ардамеда (Менуа) . . . . . 202—204
XV Строительная надпись из кладки халдского укрепления в Ване, на ассирийском языке (Сардур I). Перевод и об'яснения А. Рифтина . . . . . 204—205
XVI Надпись из Ганлиджи (Аргишти I) . . . . . 206—207
XVII Надпись из Маку (Руса II), см. надп. № III 207
XVIII Надпись из Ванской крепостной стены (Менуа) . . . . . 207—209
XIX Надпись из Варага (Ишпуин) 209
XX Надпись из Вана, Айгестан (Руса I), см. надп. № XIII 210
XXI Глиняная таблетка из раскопок в Топрах-Кале . . . . . 210—211
XXII Надпись из Звартноца (Руса II) 211
XXIII Летопись Сардура III (4-й столбец) . . . . . 211—212
XXIV Фрагменты глиняных сосудов с клинописью из Хайкаберда 212—213

Общие замечания и выводы . . . . . 213—230
Краткий халдо-русский словарь . . . . . 231—244

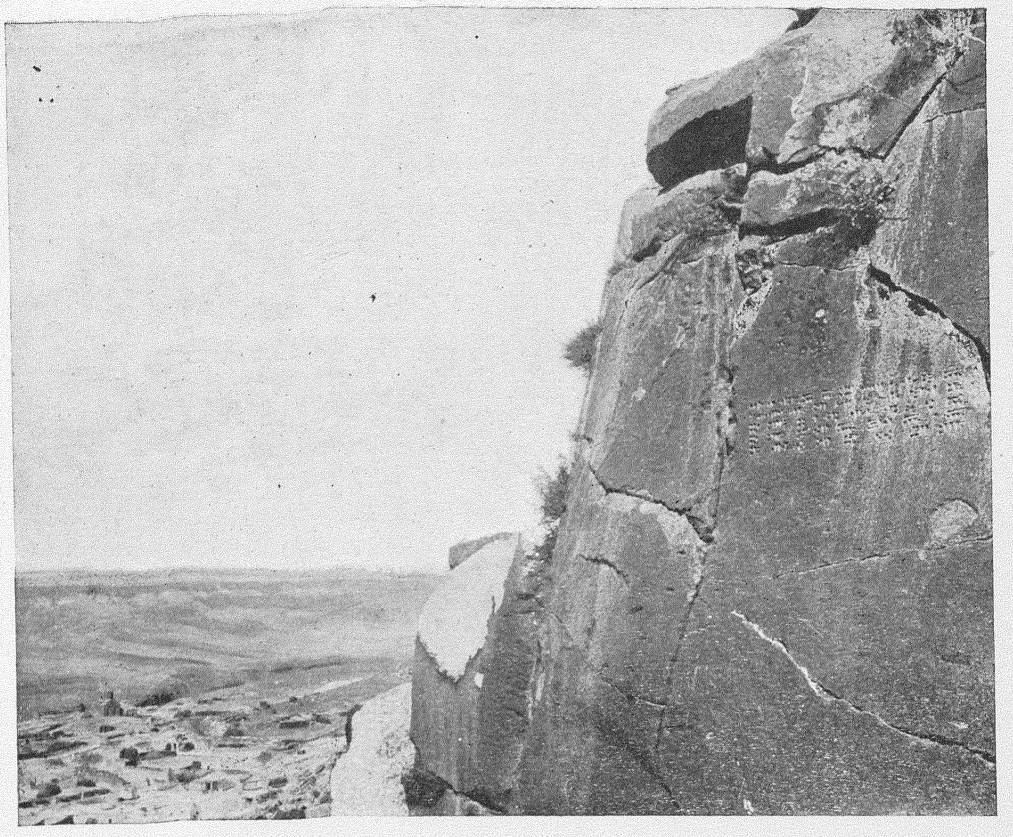
Халдские клинописные тексты:
В транскрипции (№№ I—III), см. стр. 170—182
Клинописью с транскрипциею и переводом:
IV Надпись из Захалу (Сардур III) 245
V Летопись Сардура III (5-ый столбец, на постаменте) . . . . . 247—249
VI Надпись из Армавира (Руса III) 249
Клинописью:
VII Надпись из Варага (Менуа) 251
VIII Надпись в мечети Хосров-Джами в Ване (Менуа) 251
IX Надпись из Варага, св. Сион (Менуа) 253
X Надпись близ селения Ардамед (Менуа) 253
XI Хорхорская летопись (Аргишти I) . . . . . 255—257
XII Надпись из селения Дзвистан (Ишпуин) 257
XIII Надпись из Вана, Айгестан (Руса I), см. фотогр. надп. № XX . . . 259
XIV Надпись у Шамирам-Су близ Ардамеда (Менуа) 259
С фотографий:
XV Строительная надпись из кладки халдского укрепления в Ване, на ассирийском языке (Сардур I) 208
XVI Надпись из Ганлиджи (Аргишти I) 2
XVII Надпись из Маку (Руса II) 261
XVIII Надпись из Ванской крепостной стены (Менуа) 263

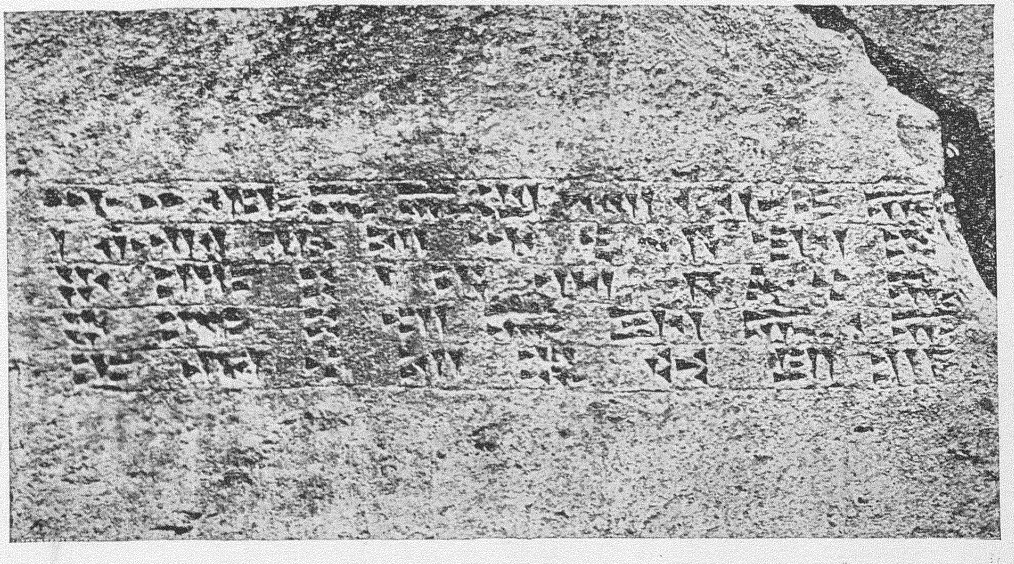
Стр.

XIX Надпись из Варага (Ишпуин) 263
XX Надпись из Вана, Айгестан (Руса I), см. ее же под № XIII . . . 265
XXI Глиняная таблетка из раскопок в Топрах-Кале 244
XXII Надпись из Звартноца (Руса II) . . . . . В конце
XXIII Летопись Сардура III (4-ый столбец) . . . . . В конце
XXIV Фрагменты глиняных сосудов с клинописью из Хайкаберда . . 265
Указатель упоминаемых в тексте географических названий . . . . . 267—270
Указатель собственных имен 271
Примечания и исправления . . . . . 272—274
Карта древнего Вана 275

Перечень рисунков в тексте.

Бронзовый грифон из Топрах-Кале. По C. F. Lehmann-Haupt, „Mat. ält. Gesch. Arm. und Mesopot.“ . . . . . на обложке
Ванская скала (на ней ступени халдской эпохи). По фотогр. Яфет. Инст. . . 32
Ван. Надпись Мехер-Капуси (общий вид). По фотогр. Яфет. Инст. 64
Барельеф Саргона в Хорсабаде. Взятие ассирийцами храма бога Халда в Мусасире. По Б. В. Фармаковскому, Мат. Арх. Рос., № 34 183
Бронзовая фигурка из Вана (Топрах-Кале). Из собрания Эрмитажа, по фотографии любезно предоставленной И. А. Орбели 213
Бронзовая статуетка из Топрах-Кале. По C. F. Lehmann-Haupt, ц. с. 218
Золотой медальон из Топрах-Кале. По C. F. Lehmann-Haupt, ц. с. 230
Фотографии клинописных текстов, см. под соответствующими номерами в отделе „Халдские клинописные тексты—с фотографий“.





XVI. Надпись из Ганлиджи (Аргишти I) на верху общий вид.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий мой краткий очерк халдоведения явился результатом совместных работ со студентами Азербайджанского Государственного Университета, которых я, по предложению Восточного Факультета, ознакомил с последними достижениями в области изучения древнейших письменных источников, говорящих о походах на Закавказье, то есть тех, которые дошли до нас в клинообразных письменах народа, населявшего, по словам ассирийцев, области северных стран Наири, называемого теми же ассирийцами народом страны Урарту, и который сам именовал свою страну Биайною, а себя халдами, термином выясненным в результате долгих исследовательских работ немецких ученых Белька и Леманн-Хаупта.

Источники эти обращают на себя особое внимание тем, что в них перечисляется длинный ряд областей и городов, не ограничиваясь одними только пределами бывшей Эриванской губернии, наиболее часто посещенных халдскими полчищами, но также захватывающих районы на запад от нее и на восток по Куро-Араксскому междуречью, переходя границы нынешнего Азербайджана и вторгаясь в него. Довольно подробный в перечне своих завоевательных достижений, правитель Биайны дает нам ценнейший материал не только для возбуждения вопроса о приурочении тех или иных топонимических названий к ныне существующим географическим пунктам, но и для суждения об экономическом состоянии Закавказья в восьмом и двух последующих веках до начала нашей эры, суждения, конечно, ограниченного рамками сухого и сжатого изложения клинописных памятников древнего Вана.

Халдские цари любили Закавказье и любили его в корыстных целях. Надписи их уделяют значительное место походам за левый берег Аракса и, несмотря на постоянные восстания, Биайна не желала расстаться со своею властью над

краем, очевидно, ценным ей своим материальным благосостоянием, и не рассталась с ним до самого своего собственного падения, то есть до начала VI века. Но если мы вправе считать клинообразные тексты древне-Ванского царства халдов-урартов древнейшим историческим источником по интересующим нас сейчас районам, то все же мы не вправе видеть в урартах-халдах первых устроителей обширной площади Закавказского двуречья. Цветущая жизнь была здесь еще задолго до их прихода, может быть, задолго до самого образования коллектива Биайнского государства. Во всяком случае, халдские письменные памятники рисуют край, хотя и раздробленный на мелкие феодальные владения, но живший хорошо развитою жизнью с дворцами и храмами, с обилием населенных пунктов, которых повествователь не стесняется называть городами, с обильным населением и развитым сельским хозяйством. Царь, вероятно, получал отсюда дань, но, кроме того, уводил отсюда и добычу как единовременный доход, связанный с посещением края его войсками. Он заботился об обогащении своего государства и не очень церемонился со странами, являющимися об'ектом его завоевательных помыслов.

Здесь, в этих чуждых ему местах, он со свойственною властелину Востока того времени жестокою откровенностью заявляет о разрушении дворцов, о сожжении городов, об обращении в пепел других населенных пунктов, о разгоне населения, иногда отрываемого от родной почвы и перекидываемого в другие области. С точностью достойной математика, царь перечисляет захваченную добычу, и если цифры его не очень преувеличены, то Закавказье восьмого века предстает пред нами в виде густо, по масштабу тех времен, заселенного и богатого края. Другим оно и не могло быть, судя по цифровым данным, которыми заканчиваются летописные тексты походов. Одним только продвижением на запад от Карса-чая, в область Ионию, халды-урарты захватили 35 дворцов, 200 городов и населенных пунктов, а походом на восток от Севангского озера до пределов Албании, которая тоже ими покоряется, они грабят 20 дворцов, 120 городов и ряд селений, а в общем итоге уводят пленными 10.000 отроков, 4.600 мужчин, 23.200 женщин, то есть всего 37.800 человек, и, кроме того, 3.500 коней, 40.353 быка,

214.700 овец. Добыча настолько богатая, что царь был со своей стороны прав включить в текст славословие богу Халду, „милость которого оказалась велика“, и „обратиться к нему с благодарственною молитвою“.

Текст весьма своеобразный, и интересен, он, конечно, не своим тоном грозного поработителя, он интересен тем перечнем стран, которые покорялись халдским оружием, интересен перечнем добычи, свидетельствующем об экономическом положении северных от Вана местностей, интересен даже тем, что самый факт сожжения дворцов и городов указывает на наличие их до халдского нашествия, при том в таком числе, что остается только признать логичность Биайнского владыки, стремящегося к обогащению за счет Закавказья.

Благодаря клинописным памятникам древнего Вана мы узнаем не только имена целого ряда мелких феодальных владений, но и крупные об'единения в пределах двуречья Куры и Аракса, знаем область Етиуни, тянувшуюся от Арпачая до берегов Гёкчи, где расположился коллектив четырех приозерных стран Цуиниа; с известною долею вероятности можем поместить выше Етиуни, примерно в Ленинаканский (бывший Александропольский) округ страну Эрах и ее, повидимому, восточного соседа Абилианих. Знаем мы также, что целая серия 19-ти царств, политически тяготеющих к области Ридуани, тянулась на восток от Севангского озера.

Но не в одном только этом заключается ценность халдского клинописного материала. Вскрываемая надписями структура его языка выявляет пред нами не семитическую речь Передней Азии первого тысячелетия до начала нашей эры, не ассирийский язык, а язык родственный кавказским. Таким образом, потусторонний араратский мир, в языковом отношении, не отрывается от языковой среды Закавказья.

И если древний Ван, по распространенному мнению историков искусства, в культурном отношении зависит от Ассирии, которая дала ему и свое клинообразное письмо, то все же в этнографическом отношении он, как отмечено и в посмертном издании труда Б. А. Тураева, тяготеет скорее к хеттам. Возможность же видеть в халдах восточную разновидность хеттов еще более привлекает к ним наше внимание, в особенности теперь, когда обострился интерес

к хеттской культуре и к хеттскому языку и когда, в то же время, не ослабели еще раньше делавшиеся попытки к прослеживанию хеттских элементов в культуре Закавказья.

С другой стороны, исторический очерк древнего Вана, составленный мною гораздо подробнее, чем это требуется в педагогических целях, может до известной степени послужить исходным пунктом и для будущих научных исследований лиц, желающих сейчас ознакомиться со сводкою наличного клинописного материала, мною проделываемою. Такой исторический очерк, ограниченный только халдским-урартским периодом, есть первая попытка, за последние годы делаемая на русском языке. Но, в то же время, история древнего Вана, сама по себе, есть и история Закавказья древнейших исторически известных его времен, так как сюда же полностью входят и сведения об ассирийских продвижениях на север, то есть весь древнейший клинописный материал; кроме того, она есть и история вообще всего Передне-азиатского мира первой половины первого тысячелетия до начала нашей эры, так как вся жизнь этой части ближнего Востока настолько тесно переплетается с жизнью самой Биайны, что они совершенно не отделимы. Поэтому, в предлагаемом историческом очерке выступают и киммерийское нашествие, и вторжение скифов, и образование Мидийского государства, вообще вся картина гибели великих держав древнего Востока, к числу которых несомненно принадлежал и сам Ван-Биайна, вся картина того исключительного исторического момента, который предшествовал образованию великой Персии на развалинах отжившего свой век старого мира.

Все теснее и теснее связывается Биайна с судьбами бассейнов Куры и Аракса, миры родственные, хотя бы и политически враждебные. Что же представляло собою древне-Ванское царство халдов-урарту?

Ответом на этот вопрос и служит тот краткий очерк по „халдоведению“, который я предлагаю вниманию лиц, интересующихся далеким историческим прошлым Закавказья.

История древнего Вана.

Хронологическая таблица.

Цари Ассирии:		Цари древнего Вана:	
Ашур-насир-апли II	884—860	Лутипр	
		Сардур I	
Салманассар III	860—825	Араме	
		Сардур II	
Шамши-адад V	825—812	Ишпуин	
(Семирамида	812—808)		
Ададнирари III	808—783	Менуа	(810—778)
Салманассар IV	783—773		
Ашурдан III	773—764	Аргишти I	(778—750)
Ададнирари IV	764 —755		
Ашурнирари V	755—747	Сардур III	(750—733)
Тиглатпилассар III	747—728		
Салманассар V	728—723	Руса I	(733—714)
Шаррукин II	723—706		
Санхериб	706—682	Аргишти II	(714—680)
Асархаддон	682—669	Руса II	(680—646)
Ашурбанипал	669—627	Сардур IV	(646—620)
Ашур-етил-илани Син-шум-лишир Син-шар-ишкун	627—606	Еримена	(620—605)
		Руса III	(605—585)

XV—XII века.

Самым древним, пока известным, упоминанием о гористой местности на севере от Ассирии, о странах Наири являются ассирийские походы Ашур-надин-ахе (Ашшурубаллит, 1410—1393 г.) в обширные области Субари, повидимому области от гор Касиари (Антитавр) до восточного Евфрата, известного под именем Арсанис'а.

Сто лет спустя, между 1310—1281 годами, царь Ададнирари I, сражаясь против Субари, поднялся к истокам Тигра, где, около Диарбекира, в развалинах Амиди найден его меч, повидимому, хранившийся в каком-нибудь храме.

Преемник Ададнирари, Салманассар I (1280—1261 г.) покорил Нири, на западе верховьев Тигра, и Мусри, на западе Софен. Он взял город Ири на юге гор Касиари в области Курхи (Кирху), устроил ассирийские колонии в области Халцидипха и в городах Синабу (Кинабу) и Тиду. Здесь ставились им форпосты против еще не покоренных провинций Наири.

Его сын и преемник Тукулти Нинурта I (Тиглат-адар I, 1260—1232 г.) расширил владения Ассирии на юго-востоке Наири, взяв страну Карду.

Движение завоевательных волн Ассирии на северо-западной части Наири продолжалось и в XII веке. Есть основание полагать, что Нинурта-апал-екур I (Нинибаласар, 1202—1173 г.) принудили к дани области Алзи и Пурукуци, то есть распространили влияние Ассирии и на западный Евфрат.

В дальнейшем история не благоприятствует Ассирии и в первой же половине XII века начинается усиление враждебного ей элемента в северной части Наири, но, повидимому, не местных сил, а иноземных, так как соперничают с Ассириею не племена областей Наири, а западные их соседи, мушки, отвоевавшие в 1158 году у ассирийцев упомянутые выше области Алзи и Пурукуци.

Есть основание предполагать, что сами племена Наири еще настолько слабы, что не в состоянии противопоставить

свои собственные силы иноземному завоеванию. И они, когда ослабевает Ассирия, переходят в руки других иноземцев. Впрочем, у соседей Наири соперничество идет только по отношению западной ее части, где завоевательная захватная политика Ассирии простирается на весь запад Наири от западного рукава Тигра до западного Евфрата, на востоке же ассирийское влияние не подымалось выше страны Карду. Но Ассирия начинает ослабевать, и при Ашурдане I (Ашурахидине, 1175—1141 г.) и его ближайших преемниках мушки сохраняют за собою власть над междуевфратскими областями Алзи и Пурукуци. Повидимому, Ассирия ослабевает даже настолько, что от нее отпадают города Субари, то есть области между западным Тигром и Арсанисом, захватываемые хеттами, уруми и касками.

Противоассирийское движение на западе сказалось и на востоке стран Наири, здесь уже об'единяются сами ее провинции и когда Ашур реш-иши I (1127—1116 г.) захватывает в стране Карду область Адаус, царьки Наири открыто выступают против ассирийского завоевателя.

Даже по этим весьма малочисленным источникам до известной степени вырисовывается картина политического состояния древнего Вана до рубежа XII—XI века.

С XV века идет движение ассирийцев на западную часть Наири, и завоевательные волны их доходят до Арсаниса.

XIV век и XIII ассирийцы продолжают борьбу в том же районе, очевидно борьбу весьма длительную, так как мы видим их воюющими в тех же Мусри и Халцидипха. XIII век выравнивает линию ассирийского продвижения захватом юго-восточной части стран Наири, именно области Карду, позднейшей Гордиен.

Выравнивание завоевательной линии с запада на восток повело к наступлению ассирийцев на север в западной части Наири, где в XII веке обращены в данников Ассирии области Алзи и Пурукуци, занимающие район на север от Арсаниса до западного рукава Евфрата. В середине XII века наблюдается перелом, и названные две области переходят в 1158 году к мушкам. Таким образом, северный бассейн Арсаниса утрачен ассирийцами, а через несколько лет утрачиваются ими и субарские области Мусри и Халцидипха, от-

воеванные хеттами, уруми и касками. В результате, Ассирия теряет всю западную Наири.

Во второй половине XII века ассирийцы делают попытку в другом районе, они продвигаются на восток Наири, и около 1120 года Ашур-реш-иши I присоединяет к уже завоеванным раньше областям Карду еще одну ее же провинцию Адаус. Но, неуспех Ассирии на западе Наири сказывается и здесь: правители отдельных областей Наири об'единяются, чтобы собственными усилиями противустоять ассирийцам. Впрочем, слабость Ассирии оказалась временною, и положение резко меняется со вступлением на престол Тиглапилессара I.

XII — X века.

Положение в странах Наири было, очевидно, достаточно угрожающим, если Тиглатпилессар I (1115—1103 г.) в первый же год своего вступления на престол совершает поход на север. Повидимому, восточная часть с об'единяющимися царьками была менее опасна, и ассирийский царь движется на северо-запад. Он разбивает полчища южно-наирских областей Курхи, разрушает покоренные страны и, перейдя Арсанис, возвращает Ассирии область Пурукуци и Алзи.

Сильный натиск ассирийцев вызывает восстание в только что отвоеванных ими областях. Во главе восстания становятся 23 царя Наири и число их вскоре увеличивается до 60. Восстал весь запад и при этом восстал собственными средствами об'единением своих собственных правителей. Тиглатпилессар движется сюда вторым походом. Вступив в южную область, Курхи, он преследует врага и разбивает его, местами перейдя на правый берег Арсаниса. Ассирийский царь преследует коалицию до берегов Ванского озера и захватывает в плен наирских царьков, в их числе и Дайаини (Диаухини), правителя страны Тариуни, которой в дальнейшей судьбе древнего Вана придется сыграть далеко не последнюю роль. Поход носил погромный характер, и ассирийский царь увел к себе на родину 1.200 коней, 2.000 быков и похитил 25 статуй богов. В итоге борьбы плененные царьки выразили покорность и получили свободу, оставив ассирийцам заложниками своих детей.

Третий поход Тиглатпилессара направлен на запад от Курхи в страну Мусри. Ассирийцы вновь завоевывают и эту область, несмотря на оказанную ей помощь со стороны Комаген. Тиглатпилессар берет дань и с тех и с других.

На востоке стран Наири перемен не происходит и, таким образом, отвоевав на западе юг Наири до реки Арсанис, ассирийцы вновь восстанавливают прямую линию с запада на восток.

Разгром этой части Наири был настолько силен, что в течение 200 лет ассирийцы не испытывают беспокойства с севера. Положение обостряется только в первой половине IX века, когда в странах Наири происходит новая политическая группировка.

Первая половина IX века.

При Тукулти-Нинурта II (Тиглат-Адар II, 890—885 г.) начались на севере какие-то беспокоющие ассирийцев действия. Чем реагировали на них ассирийцы, не ясно, но известно, что Тукулти-Нинурта двинулся к истокам западного Тигра (Субнат) и в гроте реки поставил клинописный памятник.

При сыне и преемнике Тукулти-Нинурта, при Ашур-назир-апли II (Ашурназирабал, 884—860 г.), движение на севере принимает более грозные размеры. В ассирийских источниках впервые упоминается имя Урарту и имена урартийских царей Лутипра и Сардура, при чем упоминаются они как враждебные Ассирии страна и правители. В 884 году, в год своего вступления на престол, Ашур-назир-апли движется на гористый правый берег Арсаниса, то есть переходит на его северную сторону к месту слияния его с западным Евфратом, и громит здесь область Нимми (Нумми).

Так как в тех же ассирийских надписях упоминается имя Урарту, то переход ассирийского царя через Арсанис и вторжение в область Нимми считаются за вторжение в пограничные земли Урарту. Здесь придется несколько задержаться в дальнейшем изложении исторического очерка, так как всплыло название, которое потом отожествилось с именем Наири, и так же как оно оказалось приуроченным ко всему древне-Ванскому царству, но отожествилось и приурочилось только в ассирийских источниках, хотя и настолько

прочно, что оба они, и Наири и Урарту, сохраняются за этим царством до самого конца его исторических судеб.

В первой половине IX века такого отожествления Наири и Урарту еще не наблюдается даже в ассирийских текстах. Напротив, они как бы противополагаются один другому, и Урарту представляется по летописному изложению ассирийского царя как область, лежащая выше стран Наири, по другую сторону Арсаниса. Мы имеем здесь как будто бы отдельное государство, имя которого, с об'единением царств Наири, передалось в ассирийской литературе всему древнему Вану и сохранилось за ним в представлении ассирийцев даже в то время, когда новое государственное образование халдской Биайны уже не застало отдельного Урарту, исчезнувшего как самостоятельная область и не попавшего в халдские клинописные тексты. Получилась странная картина игнорирования этого имени халдами, которых ассирийцы продолжали именовать урартами. Как бы то ни было, повторяю, в первой половине IX века Урарту, вероятно, существовало как самостоятельное государство. Топонимика местности подтверждает это предположение, так как именно между восточным и западным Евфратом начинается бассейн Аракса, до сего дня изобилующий „раз'скими" названиями, к числу которых по своей основе относится и само Урарту, и, во всяком случае, изобиловавший ими в халдский период истории древнего Вана. На этом основании можно поддерживать мнение о распространении ядра урартской земли от евфратского междуречья по бассейну Аракса в сторону Севангского озера. Равным образом, и имя первого исторически известного ванского царя Лутипра принадлежит, по основе своей, той же „раз'ской" семье. Впрочем, как я уже отметил выше, халдская письменность не присвоила халдской коалиции имени Урарту, и об'единенное халдское царство не знает этого имени. Халдские цари, в древнейших своих клинописных текстах, называют себя царями Наири и Шура, а потом царями Биайны, и в именах самих халдских царей не встречается „раз'ской" основы, если не считать сомнительного по этимологии имени Руса, повидимому, произносившегося с неясным гласным впереди при общем для халдской речи правиле о непроизносимости начального р. Это и могло в ассирийской передаче дать имя Урса (из Эруса,

в полной форме Эрусан, ср. диалектическую разновидность в имени мусасирского царя Урзан). Но ассирийские источники прочно запомнили имя Урарту и до самого своего конца продолжали этим именем называть Биайнское царство халдов.

Ашур-назир-апли ограничился разгромом небольшой территории Нимми и дальше не пошел в урартские земли. Его внимание обращено теперь на восток стран Наири, где он берет область Хубускиа и прилегающие к Урмийскому озеру земли. Здесь он ставит ассирийских наместников. Но северные страны не оказываются уже такими покорными, какими они были раньше. Укрепление ассирийского господства в уже давно отвоеванных и несколько столетий принадлежавших Ассирии областях южной Наири между рукавами Тигра и Арсаниса встречает на этот раз сильное противодействие, и в том же 884 году ассирийский царь вынужден повернуть войска и подавить восстание в области Курхи. Но, движение в мятежные западные города дает повод к восстанию на востоке, и царь спешно направляется обратно в Карду, где тоже подавляет восстание. Страна по всему югу Наири об'ята мятежом, и ассирийцы в течение одного 884 года вынуждены кидаться с запада на восток и обратно. Год завершается подавлением восстания на востоке в Карду. В это время вспыхивает восстание на западе в Мусри.

Для подавления его царь уже в следующем 883 году направляется на северо-запад. Смирив Мусри Ашурназирапли проходит к левому берегу Арсаниса в область Нирбу и спускается в Тушхан, где строит себе дворец. В это время восстают области Курхи. Восстановив в них ассирийскую власть, царь уходит в Ниневию. Мятеж подавлен, но на очень короткий срок, и через три года ассирийцы вновь вынуждены двинуть войска в те же западные области. Упорное непокорство сламливается на этот раз жестокою карательною экспедициею.

Третий поход Ашурназирапли имел место в 880 году для подавления нового восстания на юго-западе стран Наири. Царь направляется западнее Тушхана и сжигает восставшие города. Отсюда он вынужден подняться в область Дирра, где у горы Матни берет города Питура и Кукуну. В первом из них он сжигает восставшее население и из голов убитых

устраивает пирамиду. Засим он спускается в область Курхи, где убивает 1.000 воинов и берет в плен 2.000. Население бежит в горы. Но мятеж юго-запада Наири на этом не прекращается: в области Бит-Замани знать города Амиди убивает сторонника Ассирии царя Аммибала. Ашурназирапли наказывает убийц, но попутно грабит и сокровищницы своего ставленника. Отсюда он должен двинуться на северо-запад к истокам Тигра, где население областей Арими захватило крепости Синабу (Кинабу) и Тиду, уведя пленными всех ассирийцев находившихся там еще со времени Салманассара I, то есть с начала XIII века. Ашурназирапли восстанавливает их в правах, назначает ассирийских наместников и возвращается в Ниневию, разрушив 250 городов.

Жестокость в подавлении мятежа и на этот раз не надолго успокаивает юго-запад Наири. В 867 году, то есть через 12 лет, Ашурназирапли вновь движется в Курхи для усмирения нескольких восставших городов. Повторяется прежняя история, и ассирийский царь принужден опять покорять те же области. Из Курхи он снова, как и в 880 году, идет в страну Дирра. Здесь он сжигает города ее и соседних областей. Отсюда он опять, как и 12 лет перед тем, спускается в Бит-Замани, где захватывает в плен 3.000 человек. Правитель города Амиди, Илани, преемник убитого Аммибала, оказывается враждебным Ассирии, и Ашурназирапли жестоко громит его город. Потом на севере Касиарских гор он захватывает 3.000 пленных. Восстание подавлено, и ассирийский царь возвращается в Ниневию, оставив в своем непосредственном управлении расположенные в Бит-Замани области, то есть присоединяет их к своему дворцовому ведомству.

К этому времени относятся и древнейшие из дошедших до нас халдские надписи, начертанные Сардуром, сыном Лутипра, на ассирийском языке и найденные в кладке развалин церкви св. Иоанна в Ване.

Вторая половина IX века.

Сын Ашурназирапли, Салманассар III (II, 860—825 г.) в год своего вступления на престол, 860, начинает военные действия против Урарту и в тексте летописной надписи упоминает имя урартского правителя Араме, Салманассар всту-

пает в страны Наири с восточной стороны через город Ариди области Симиси. Соседние правители выражают покорность. Не покоряется область Хубускиа. Ассирийский царь громит ее и сжигает 100 городов. Отсюда он движется на северо-запад и берет город Сугуниа, по пути им сожжено 14 городов. После этого ассирийцы покидают Наири. Краткость летописного текста указывает на то, что Салманассар не был удовлетворен результатами своего похода.

В течение следующих трех лет Ассирия отвлечена войною в Месопотамии и Сирии. В 857 году Салманассар движется вторым походом на Наири-Урарту: теперь он вступает с юго-запада из Бит-Замани. Подымаясь к северу, он переходит Арсанис. Дальше движение идет на северо-восток, и захватывается область Тариуни. Тут ему начинает угрожать войско Араме, и Салманассар поворачивает на север и движется к центру западного Урарту, к городу Арзаску. Араме отступает в горы Аддури, где вступает в бой с ассирийцами и терпит поражение, потеряв 3.400 воинов. Преодолев это препятствие, Салманассар, сжигая по пути города, движется к северу Ванского озера и впервые, насколько нам известно, озеро это обходится ассирийским войском с северной его стороны. По пути своего следования Салманассар не встречает сопротивления, и только Хубускиа, вторично, как и в 860 году, не проявляет покорности, за что вновь разгрампливается и теряет 3.000 пленными.

В следующем 856 году Салманассар движется на юго-запад Урмийского озера в область Замуа (Мазамуа). Войско противника ушло в озеро, где и уничтожено ассиррийцами боем на воде. В 855 году внимание ассирийского царя обращается на запад, и на южной границе Наири он завладевает крепостью Касиара, а через два года, в 853 году, снова направляется на юго-запад Наири и посещает Субнат-Арсанское (Тигро-Евфратское) междуречье. В гроте Субнат он воздвигает клинописный памятник.

В 845 году Салманассар опять направляется в то же междуречье. На этот раз поход носит характер скорее поверки верности населения, чем карательной экспедиции. Царь переходит реку Субнат и вторично ставит клинописную надпись, затем вступает в страну династии Дайани и здесь, в стране Тариуни, останавливается. Правитель области выра-

жает полнейшую покорность, и Салманассар ставит в центре престольного города свою статую. В бой с Араме он не вступает и движется, сжигая города, на восток к истокам Арсаниса, потом поворачивает обратно в Ниневию.

Едва ли в походах ассирийского царя можно видеть неудачу, как это склонен делать, например, Сандалджиан. По-видимому, Салманассар вовсе и не стремился вступать в северо-западную часть Наири, в области Евфратского междуречья. Земли же юга Наири до реки Арсаниса и без того были в его руках. Он, как мы видели, без особого труда даже обходит Ванское озеро с северной его стороны, а восток Наири никаких опасений у него не возбуждал. Старая ассирийская пограничная линия от Арсаниса до Урмии оставалась в его руках. Это подтверждается и тем, что в 836 году Салманассар действует уже на крайнем юго-западе, в области Парсуа, где получает дань с 27 царьков.

В 833 году положение становится серьезнее и на сцену выступает Сарду́р, сын Араме. Салманассар отправляет своего туртана на запад Наири. Туртан вступает в Бит-Замани и, двигаясь горным проходом, переходит Арсанис. Сардур (по-ассирийски Сидури) дает бой, который весьма лаконично описывается ассирийскими источниками. Урартский царь противопоставляет ассирийцам „многочисленные полчища", и хотя туртан „покрывает поле трупами его воинов", но, повидимому, успех был не на его стороне. К тому же, результатом этого столкновения было очевидное восстание, и при том крупных размеров, на замиренном Ассириею юго-западе Наири. В 831 году уже сам Салманассар „подобно потокам бурного моря" вступает в мятежные города Курхи и подавляет восстание.

Одновременно против ассирийского владычества подымается и восток. В 830 году ассирийский туртан вступает в Хубускиа. Отсюда он идет на страну Манна, царь которой Удаки бежит из своей столицы Изирту. Разгромив город, ассирийцы движутся на северный берег Ванского озера, откуда вынуждены повернуть на юг для подавления восстания в Парсуа.

Восстание принимает длительный характер, и в следующем 829 году ассирийский туртан снова движется на северо-восток. Мирно пройдя Хубускиа, он вторгается в Му-

БИБЛИОТЕКА ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА АКАДЕМИИ

сасир, где берет 46 городов. Отсюда он движется на северо-запад, но во всем описании похода не упоминается ни имя Сардура, ни имя Урарту. Ассирийцы берут богатую добычу конями, быками и овцами, и этим заканчиваются операции на востоке стран Наири, так как опять вспыхивает восстание в Парсуа, и ассирийское войско отвлекается на юг.

Здесь мы стоим на грани перелома и новой политической группировки в странах Наири. Не благополучно в самой Ассирии. Мятежный царевич Ашурданинбал восстает против своего отца Салманассара. Сторону царевича принимают и некоторые области юго-запада Наири, в частности. Амиди. Мятеж подавлен только в 822 году на третий год царствования Шамши адада V.

Внутренние беспорядки в самой Ассирии облегчают осуществление централизационной политики в странах Наири. Повидимому, восток ее начинает отходить из рук Ассирии и даже, до известной степени, ослабляется опасность от вторжения в нее ассирийских войск. В связи с этим приписывается Сардуру перенесение около 828 года своей столицы в город Тушпу на юго-восточный берег Ванского озера. Образуется новое царство Шура с династиею халдских царей. Но в последующие годы ассирийцы еще не мирятся с мыслью о самостоятельности Наири и продолжают вести борьбу за свое господство в ее областях.

Ишпуин, сын Сардура.

Все царствование Ишпуина „царя Наири и Шура, живущего в городе Тушпа“ проходит в упорной борьбе с ассирийцами и пока с перевесом еще в пользу последних.

Шамши-адад V (Шамширамман IV, 825—812 г.) совершает 3 похода не север. После первого похода он похваляется покорением всей Наири, начиная с области Манна до страны Инзи, от города Ариди, где-то, на юго-западе Урмийского озера, до севера Сирии. Но из одного указанного перечня видно, что далеко не вся Наири была в его руках. Так, на востоке он упоминает только урмийский район и страну Манна, а на западе не говорит даже про исконно ассирийский район междуречья западного Тигра — Арсанис.

Второй поход направлен уже на Наири-Шура против самого Ишпуина, которого ассирийские источники называ-

ют Успина. Идет не сам царь, он посылает своего туртана, который, двигаясь с востока, берет 11 крепостей и 200 городов, доходит до Ванского озера, но про взятие Тушпы не упоминает. Правитель одной неизвестной области Хирсина теряет 300 городов. Успех несомненно на стороне ассирийцев, и туртан уводит богатую добычу, отроков, девушек, статуи богов и пр., явно и при том неимоверно преувеличивая цифры.

Третий поход ведет сам Шамши-адад. Он движется с юго-востока и не встречает сопротивления ни в Парсуа, ни в Хубускиа, ни в стране Манна. Двигаясь дальше на северо-восток, он разрушает не более не менее как 500 городов. Отсюда ассирийцы вступают в область Гизилбунду, повидимому впервые проникая так далеко на северо-восток, к среднему течению Аракса, и переходят его. Правитель области Гизилбунды теряет в бою 6.000 человек и сам попадает в плен с 1.200 воинами. Тогда большинство областей восточной части Наири выражают покорность и платят дань Шамши-ададу.

С успехом воюет и преемник его Ададнирари III (808—783 г.). В 807 и 806 годах он дважды идет на страну Манна. К сожалению, надписи не говорят о результатах походов. По надписям известны только имена ассирийских наместников в Кирури (814 г.), Арбаха (812 и 803 г.), Мазамуа (811 г.) и Амиди (800 г.), но все эти города лежат на южной пограничной линии Наири, восточной и западной ее частей, и как обстояло дело выше этой линии, остается не ясным. Все же, повидимому, сфера ассирийского влияния резко еще не изменилась, и если им приходилось бороться за отстаивание этой сферы влияния, то бороться на востоке Наири, тогда как запад ее, Тигро-Арсанское междуречье, по всей вероятности, даже не нуждалось в посещении ассирийского войска. Во всяком случае, такая отдаленная область, как Алзи, еще остается в руках Ассирии почти до самого конца царствования Менуи.

По халдским клинописным текстам и по ассирийским источникам известны имена двух сыновей Ишпуина, Менуа и Сардур. Первый пошел по военно-политической карьере, а второй по духовной. Сардур был верховным жрецом в центре культа бога Халда, в городе Мусасире, и, по словам

ассирийских надписей, статуя его, „Сардура сына Ишпуина царя Урарту", украшала мусасирский храм. Здесь она была найдена Саргоном (Шаррукином II).

Около 805 года Менуа становится соправителем своего престарелого отца. С переходом власти в его руки резко меняется судьба древнего Вана, и упорная борьба за гегемонию в областях Наири, ведшаяся все царствование Ишпуина, завершается успехом династии города Тушпы. В предшествующие периоды, разрозненные правители областей Наири один за другим громятся ассирийскими войсками, при чем терпят поражение и цари северной части Наири, цари Урарту. При Ишпуине ясно заметно стремление к об'единению мелких феодальных владений в противовес ассирийской гегемонии, и прежняя политика самозащиты царей Наири-Урарту начинает уступать место наступательной политике царя Нара-Шура. При Ишпуине это еще только намечается, но он уже укрепляет центр господствующего сосредоточения политической власти на юго-востоке Ванского озера, он уже не царь Урарту, а царь Нара (Наири)-Шура, хотя ассирийцы и продолжают упорно именовать его урартским владыкою. Следующий этап, это этап об'единения разрозненных областей Наири в одних руках. Выполнение этой задачи падает на долю Менуи, и он, несомненно, с успехом справляется с этою задачею. Силою оружия он, с одной стороны, удерживает ассирийцев, которые уже при отце его, Ишпуине, не так легко проникают в северные области Наири, с другой стороны, он захватывает разрозненные страны ее и подчиняет их своей власти. Задача крайне сложная, так как мощь Ассирии ослабевает лишь временами и так как самостоятельные царьки Наири не легко прощаются со своею самостоятельностью. Они отстаивают свою свободу феодальных правителей и потому относятся к властителю Тушпы так же враждебно, как до того относились к властителю Ниневии, потому, что оба они — враги раздробленной Наири. Восстания при каждом благоприятном случае вспыхивают в стране, и буквально каждый из преемников Менуи должен подавлять их вооруженною силою, чтобы сохранить в своих руках об'единенную власть совершенно так же, как это вынуждена была делать и Ассирия. Но, несмотря на все трудности, Менуа упорен в проведении своей политики, и

упорство его оказывается не безрезультатным. При нем заканчивается удельный период Наири и тем самым кончается и сама Наири. Менуа уже не царь Нара-Шура, а царь страны Шура-Биайна. Имя Наири исчезает в халдских клинописных текстах, а немного спустя исчезает и имя страны Шура: кончается и переходный период, власть сосредотачивается в руках Биайнских царей, которых ассирийцы по старой памяти, а может быть и умышленно, не признавая тяжелого для себя факта утраты гегемонии на севере, продолжают титуловать царями Урарту.

Менуа сын Ишпуина.

В первые годы совместного правления с Ишпуином, Менуа одним походом одолевает Мусасир, занимает область Курахини (Карду) и на севере Урмии захватывает страну Хатхана. Отсюда, с севера Урмии, он спускается в Мусасир. Утвердившись в этом пункте, биайнский царь перекидывается к югу Урмийского озера и берет рядом расположенные города Ардини, Ушини и несколько соседних, в числе их город Бикура. Первая попытка об'единения восточных областей древнего Вана удается вполне, и Менуа празднует свой успех воздвижением двух стел с клинописными надписями, одной в стране Ину (Инуази) области Курахини у горы Сидек, другой близ города Ушини. В ознаменование торжества об'единительной политики, Ишпуин посещает город Мусасир, местонахождение главного храма бога Халда.

Обезпечив до известной степени юг, Менуа движется на крайний север и берет выстроенные на горах крепости царя Катарца Этиухинского, то есть, очевидно, проникает в пределы Этуни и действует на склонах Арагацких гор (Алагёза), где то там же, у Гокчи, он покоряет область Утарухини и земли царей Лушаши. Повидимому, мы имеем здесь первый поход халдов на Закавказье и первое письменное свидетельство об Алагёзском крае. Тут халдское войско застало богатую провинцию, и в числе добычи им уведено 10.000 пленных.

Первые года совместного с Ишпуином царствования Менуи настолько удачны, что они благодарят богов постановкою у Мехер-Капуси, близ Вана, сакральной надписи, в которой, помимо главенствующей троицы, перечисляется ряд мелких

божеств с указанием числа приносимых каждому из них царственных животных.

Около 800 года умирает Ишпуни, и власть остается в руках одного Менуи.

Внимание биайнского царя обращается опять на восточную часть бывших стран Наири, на еще не покоренные две прилегающих к Тушпе области, Еринуи и Аиду. Присоединив их, Менуа строит там город Менуахина. Завладев почти всем востоком, за исключением области Хубускиа, из-за которой у него в продолжение всего царствования идет вооруженный спор с ассирийским царем Ададнирари III, Менуа движется на запад в область Тариуни династии Диаухини, где берет столицу Шашилу и захватывает в плен правителя ее Утубурши и дома Диев. Отсюда он погнал в Биайну богатую добычу. Потом Менуа поднимается к истокам Арсаниса в страну Шешедина и занимает области городов Зуаини и Утуха. Дальше он идет на Халдириул-хини к северному берегу Ванского озера и потом поворачивает на северо-восток к Арарату, где занимает город Лухиунини царя Еридуахи. Покорив город, он вынужден вновь вернуться сюда же, чтобы усмирить восставшего нового правителя этого города, царя Иркуа. Здесь Менуа восстанавливает разрушенные строения и воздвигнутую им раньше триумфальную арку в честь бога Халда.

Но не все еще обстоит благополучно даже в восточной части древнего Вана. Тут еще не решена судьба области Хубускиа. Несомненно, что из-за нее Менуа упорно воюет с Ададнираром. Последний упоминает свои походы в Хубускиа в 802, 792, 785 и 784 годах. Ассирийцы отстаивают свои права на урмийский район, но исход их борьбы остается нам неизвестным. Мы уже видим, что Менуа укрепил свою власть в этом районе и ознаменовал свой успех постановкою победных стел, между тем и Ададнирари, упомянув о покорении Парсуа, повествует о занятии им Андии, Абдаданы, Аллаприи, Манны и даже Гизилбунды на крайнем для него севере, у берегов Аракса. В своих попытках воспрепятствовать об'единительным стремлениям Менуи, ассирийский царь даже похваляется покорением „всех стран Наири“, то есть стран уже не существовавших в представлении строителей нового Биайнского царства. Кто прав в этих раз-

норечивых показаниях, судить трудно, но известно, что Менуа одним походом восстанавливает свои права на страну Манна.

Известно и то, что Менуа, как бы не придавая большого значения ассирийским домогательствам на востоке Халдского об'единения, идет на отдаленный северо-запад походом в области Мушки, где он воюет с царем Шадалие-хини и берет города Шуришили и Тархигамаша. Менуа подходит даже к границам хеттов и, возвращаясь обратно, отвоевывает у ассирийцев область Алзи, откуда уводит 2.113 пленных.

Новым походом на запад Менуа идет берегом реки Арсанис, занимает область города Путериа и берет область Хузана. Он отнимает у хеттов область Гупа и переходит Евфрат, где берет город Мелита. Им взяты еще неизвестные нам города Килме и Екаршу.

Всего своими походами Менуа захватывает до 400 городов. В покоренных областях он ставит своих наместников, некоторых покоренных правителей он оставляет в их городах, но меняет их „имя", что может быть понято и буквально и как изменение титула самостоятельного правителя. В борьбе с самостоятельностью областей и городов он меняет иногда и имена последних, Кроме того, он издает общие законы для управления замиренными им странами. Таким образом, политика об'единения и сосредоточения власти в одних руках проводится крайне настойчиво, но, как увидим ниже, города и области не могут забыть своих исконных прав на самостоятельность.

Что касается царской резиденции, то Менуа пышно украшает ее дворцами и храмами, ему же приписывается и сооружение водопровода. В ванской скале он строит царскую усыпальницу, а в самом городе устраивает благотворительное учреждение. Вообще, Менуа рисуется пред нашими глазами постолько же воителем, посколько и строителем, при чем строителем не только политического об'единения, но и зодчим.

Известно имя жены Менуи, Тариpиа (обычно читается неправильно Ширириа), и одного из его сыновей, Инушпуа. Преемником и продолжателем политики Менуа явился другой его сын, Аргишти.

Менуа передает ему мощное царство и сам он уже „царь могущественный, царь божественный, царь царей". В соответствии с этим и Биайна получает значение коллектива стран, называется иногда „страною стран", и имя ее, как имя прежней Наири, произносится во множественном числе „Биайны".

Аргишти сын Менуи.

Со смертью Менуи покоренные области бывшей Наири делают попытку вернуть утраченную самостоятельность. Восстание вспыхивает в стране Тариуни династии Диаухини. Аргишти подавляет это восстание и попутно занимает область города Шериази, в которой разрушает дворцы и сжигает селения. Отсюда он движется на юг по западному берегу Ванского озера и захватывает область Биани, город Пути и область Хушани. В Биайну он отправляет богатую добычу.

Завладев ближайшими областями запада, царь движется на крайний север к истокам Куры, где овладевает страною Забаха и отделяет ее от земель города Узинабитарни, затем занимает область Ширимутара и движется, может быть, на восток по Куре до области Бабани, которую и захватывает. Повернув, засим, на юго-запад к Чалдырскому озеру, он берет здесь город Макалтуни страны Иганини, одолевает царство Эрах и вновь занимает область Этиуни, посещенную еще его отцом. Спускаясь отсюда на запад к истокам Евфрата, Аргишти покоряет область Абуни и берет ее город Урейуни.

Следующий поход он совершает в северо-восточном направлении, переходит на левый берег Аракса и занимает здесь область Улуки. Затем берет области Уриени и Таиршуби, в которой некоторые исследователи усматривают позднейшую область Дарандашт на правом берегу среднего течения той же реки. Разбив войско царя Маруба и разрушив его столицу, он с богатою добычею возвращается в Биайну.

Удовлетворившись покорением северных областей, Аргишти, по примеру отца, идет войною на хеттов, одолевает хеттского царя Хитеруада и разбивает войска области Нириба, берет город Пилай и движется дальше по реке Ме-

лиас. Зайдя далеко на запад, он на берегах Галиса занимает области Мармуани и Каманани, а, повернув обратно, захватывает город Мелита и одолевает страну правителя Туалахини. В результате похода Аргишти возвращается с 22.274 пленными.

Отвлечение халдского войска на такой крайний запад влечет за собою восстание в северных областях царства. Аргишти вынужден вновь двинуться к Севангскому озеру и снова брать Этиуни. Вернув себе эту страну, царь движется на юг Севанского озера, побеждает правителя по имени Ишлубура и громит область Убурда. Затем Аргишти занимает город Ирдуани и переводит в Биайну жителей области Уишушини. Весьма жестоко расправляется он с какою-то областью Хахиаени, разрушает здесь дворцы, топит и жгет население и этим оканчивает свой поход на север.

Биайнское царство крепнет и далеко переходит северные границы прежней Наири, Урарту целиком входит в его состав, и Аргишти, продолжая итти по стопам Менуи, сохраняет принятый им титул „царя могущественного, царя божественного, царя царей". Ассирия же бесплодно борется с возростающим могуществом своего северного соседа. Все царствование Салманассара IV (III, 783—773 г.) проходит в почти беспрерывной борьбе за обладание востоком Биайнского коллектива. Ассирийские источники говорят о походах Салманассара на северо-восток в 781, 780, 779, 778, 776, 774 годах, но скромный текст летописного повествования свидетельствует скорее всего о неуспехе ассирийского оружия. Все же в руках Ассирии и при Салманассаре и при его преемнике Ашурдане III (773—764 г.) остается большая часть запада стран Наири, а в пограничных восточных областях Арбаха (769 г.), Мазамуа (768 г.) и на западном берегу Урмии в стране Кирури (765 г.) еще продолжают сидеть ассирийские наместники.

Аргишти не успокаивается и не примиряется с таким положением, он движется походом против „укрепившихся в стране" ассирийцев и вступает в борьбу с Аршитани, то есть с царем Ашурданом. Сначала он идет на юго-восток и занимает расположенные по реке Забус области Кулаши, Бабани, Бушту и Угишти. Отсюда он движется дальше на восток и на берегу Урмийского озера берет область Баруата.

Этим походом вытесняются ассирийцы из района Урмии и даже присоединяется к Биайне обширная область Парсуа. Это, очевидно, второй поход Аргишти на ассирийцев, и им, действительно, нанесен сильнейший удар влиянию Ниневии на восточную часть земель бывшей Наири. Ассирийским наместникам нет больше места ни в Арбаха и Замуа, ни тем более в Кирури. Первый поход Аргишти ассирийские источники приурачивают к 770 году. Успех Аргишти несомненен, и еще много лет спустя Саргон отбирает в Мусасире, в этом центре Халдского культа, многие драгоценности, награбленные халдами в храмах Ашшура и Мардука.

Третьим походом Аргишти пытается вытеснить ассирийцев из западной части бывшей Наири, и бой, можно полагать, разыгрывается около города Низиб на склонах горы Мазиус, то есть южнее Тушхана вне пределов коллектива северных стран. Каковы результаты этого боя, в точности не известно, так же, как и неизвестно время самого похода. Мы знаем лишь, что ассирийские наместники даже при Ададнирари IV (764—755 г.) продолжали оставаться в пограничных областях Тушхан (764 г.) и Амиди (762 г.) Поэтому вероятно, что окончательно вытеснить врага из западной части биайнскому царю еще не удалось.

Так или иначе покончив с западом, Аргишти движется на юг Ванского озера, занимает здесь область Арха и берет 60 городов. После этого он вынужден вернуться к истокам Забуса для подавления восстания в уже раньше покоренной им области Бабани. Подымаясь отсюда к северу, царь захватывает область Ийани и усмиряет мятежную Манну. Хотя он уводит в Биайну 18.827 пленных, но, как увидим ниже, Манна продолжает оставаться неспокойною, и стоило только Аргишти отвлечься военными действиями на юге Арарата в области Ератали, жителей которых он переселяет в Биайну, как маннский царь Аза подымает восстание в своей стране. Аргишти уводит из его области пленных мужчин и женщин.

Усмирив Манна, Аргишти вновь направляется к Урмии, берет город Бихура и область Бамни, казнит здесь враждебно против него настроенное население приурмийского района. Этим он упрачивает свое положение на востоке, и внимание его сюда больше не отвлекается. Аргишти движется на за-

пад походом на Туараши, местоположение которой остается невыясненным, и спускается на юг к неизвестной реке Дайналатиши. Военные действия разыгрываются в области Гургу, то есть в Курхи, вероятно остававшейся еще под ассирийским влиянием. В ознаменование благоприятного похода биайнский царь жертвует Халду одну шестую часть воинов. На этот раз, повидимому, Ассирия вытеснена и с запада.

Продолжительными действиями Аргишти на юге пользуются недавно покоренные им области севера. Вспыхивает восстание в городе Ардини. Мятеж перекидывается на весь север, и положение становится крайне серьезным. Биайнское войско огибает Арагац (Алагез) с востока и, заняв город Дурубани царя Кулуаини, вторгается в Эрах. Здесь занимается им город Ирданиуни близ нынешнего Ленинакана (Александрополь). Затем Аргишти захватывает области Ишкигулу, Катарцае и Луша, откуда направляет в Биайну плененных мужчин и женщин. Двигаясь дальше к Гокче, он берет города Иштикуни и Киехуни, покоряет коллектив приозерных стран Цуиниа и занимает область Улуани с городом Дарани, около селения Эйлер близ Эривани. Продолжая поход, Аргишти захватывает точно не определяемую местоположением область Ибирани и входит в восточные пределы Этиуни, может быть об'единявшей и некоторые перечисленные выше города и области. Двигаясь дальше по Араксу, биайнский царь входит в область, повидимому, Улуку, где вступает в благоприятный для него бой с царями династий Гулута и Уитару. и с областями Абуни и Луша. В результате похода направляется богатая добыча в Биайну.

Покончив с востоком над-араксских стран, Аргишти направляется следующим походом на запад их. Он начинает с истоков Карса-чая занятием города Ахуриани царя Аштуахи. Потом поднимается по Карса-чаю и берет город Калрахи, вероятно нынешний Карс. Отсюда он проходит через западную часть Этиуни и по Арпа-чаю спускается в страну Лулу. Здесь, у Армавира, он основывает город Аргиштихинили или присваивает это имя одному из уже существовавших городских поселений, обращая его, повидимому, в центр халдского владычества на севере. Известно еще движение Аргишти на царя Саски сына Ардара, вероятно, на северо-запад от Ванского озера и к верховьям Арсаниса и еще на

нескольких царей и областей, имена которых читаются с трудом. В покоренных областях Аргишти ставит халдских наместников, а в стране Ашхалаши, все в том же районе, им разрушается 105 дворцов, захватывается 453 города, а население вместе с жителями двух соседних областей переводится в страну Калини. Всего в Биайну он направляет 28.000 человек.

Только что закончив этот поход на север, Аргишти вынужден двинуться в Тариуни, область династии Диаухини, известную также под именем Дайани. Царь ее Утубурши, уже враждовавший с Менуа и самим Аргишти, снова оказывается непокорным. Аргишти разбивает его, отнимает 11 крепостей, жители которых подносятся богу Халду, которому жертвуется и одна шестая часть всей добычи. Дворцы Тариуни сожжены, большое количество мужчин и женщин погнано в Биайну. Сам Утубурши выражает покорность и остается на свободе: он, получив другое имя, назначается халдским наместником, за что дарит биайнскому царю золото, серебро и другие драгоценности. Свой поход на ближний запад Аргишти завершает занятием страны Дидини, вероятно смежной с Тариуни, и города Зуаини, повидимому в верховьях Арсаниса. В области этого города воздвигается клинописная надпись.

Аргишти с успехом продолжил об'единительную политику своего отца и передал сыну сильное государство. Он своевременно использовал слабость Ассирии, не бывшей в состоянии сохранить за собою хотя бы южные области прежнего разрозненного коллектива стран. В течение всего своего царствования и в особенности к концу его, в последнее десятилетие до 750 года, Аргишти не очень отвлекается грозою с юга, может быть даже его больше тревожат внутренние восстания правителей, не желающих распрощаться с отживающим свой век феодальным строем. Известная планомерность в действиях Аргишти в особенности сказалась на севере, в Закавказье. Здесь он безусловно упрочил свою власть над всем районом от Гокчи на запад до Карса-чая, и если у Армавира им воздвигаются крепость и город, носящие его же имя Аргиштихинили, то это лишь свидетельствует о том, что наступило время считать центр Закавказья такою же халдскою провинциею, какими были области

бывших стран Наири. Став твердой ногою на землю бывшей Эриванской губернии, Аргишти дал тем самым возможность своим преемникам расширять сферу халдского влияния по Закавказью на запад и на восток. Этим и воспользовались преемники Аргишти, и войска их несомненно гуляли по обширной площади Араксско-Курского междуречья. Но едва-ли запад и восток его успели стать халдскими провинциями, равноправными с остальными землями Биайны: завоевательные волны начали докатываться до них уже тогда, когда мощь державного города Тушпы начала пошатываться.

Проводя свою завоевательную политику, Аргишти не забывал и уводить на родину богатую добычу, общий подсчет которой достигает колоссальных цифр. Всего в странах бывшей Наири он берет 79.936 мужчин, 52.381 женщину, 10.140 воинов, 73.512 детей, то есть 215.969 человек, кроме того 10.607 лошадей, 126.543 быка, 582.874 овцы и 346 верблюдов.

Счастливый в своих военных действиях в течение всего своего царствования, с начала его и до конца, Аргишти должен был оставить по себе память в потомстве. И действительно, статуя его с божеским головным убором и руками, благославляющими народ, стояла в главном центре культа бога Халда, в Мусасире. Здесь она была найдена Саргоном. Вес ее 60 талантов бронзы, то есть 1818 килограмм.

Царствование Аргишти—расцвет могущества Биайны, но расцвет непродолжительный. Со вступлением на ассирийский престол Тиглатпилессара III положение резко меняется. Окрепшая Ассирия вновь пред'являет свои права на северные области и пред'являет их тогда, когда Биайна увлекается своею завоевательною политикою далеко за пределы своих земель. Неизбежное столкновение произошло уже после смерти Аргишти.

Сардур III сын Аргишти.

В первые годы правления Сардура быстро и мощно продолжает рости древне-Ванское царство. Ослабевшая Ассирия не отвлекала внимания биайнского царя, традиционные же восстания покоренных областей северных стран не представляли собою грозного сопротивления твердо прово-

димой централизационной политике. Хотя восстания эти и приняли большие размеры, но халдский царь быстро подавлял их, перекидывая войска из одной местности в другую; уверенный в своей силе, он иногда даже перекидывал их слишком поспешно, так что ему приходилось возвращаться для подавления новых вспышек. Во всяком случае, обозревая царствование Сардура можно с уверенностью сказать, что биайнское царство уже достаточно окрепло, и карательные экспедиции не воспрепятствовали крупнейшим военным предприятиям, направленным на расширение границ государства. Сардур полностью, если не чрезмерно, использовал наследственно, от отца и деда перешедшую к нему политику возведения Вана на степень мировой передне-азиатской державы. Именно при нем и при его сыне Русе, наиболее ярко выражаются воительские наклонности биайнского владыки-полководца. Теперь уже не только бог Халд, но вся божественная троица руководит его походами, и при их помощи он вторгается на севере в такие значительные государства как Иония, Вели-Кухи (Колхида?), Куха-Албани (Албания), царство ишков (скифов), то есть доходит чуть ли не до берегов Черного и Каспийского морей, распространив свою власть по южному бассейну Куры, тогда как Аракс уже всецело в его руках. На западе Сардур воюет с мушками, коммагенами и хеттами и вторгается в пределы Сирии. Окрыленный успехом, он, в союзе с соседними государствами, замышляет еще большее предприятие, повидимому поход на Палестину. Возможно, что именно теперь наиболее обострился вопрос о судьбе самой Ассирии, как главенствующей в Передней Азии державы, и соперником ее в этом отношении явился ни кто другой, как Биайна. Но Ассирия подводит ванского царя. так как расчеты его на слабость ниневийского центра оказались ошибочными. Внезапно окрепшая Ассирия накладывает конец завоевательным тенденциям Сардура, и Тиглатпилессар громит саму Биайну, правда громит ее не окончательно, но несомненно подрывает мощь ее. Преемники Тиглатпилессара продолжают дело падения так высоко вознесшегося авторитета Халдского царства, и в дальнейшем, правда довольно продолжительном, периоде роли резко меняются, и на очередь встает вопрос о самостоятельности самой Биайны. Сардур во вторую по-

ловину своего царствования и его преемники уже борются не столько за расширение границ страны, сколько за ее цельность и независимость. Перевес Ассирии становится явным, но борьба носит длительный и ожесточенный характер.

При самом вступлении Сардура на престол вспыхивают восстания на западе и востоке. Пример дает уже не раз восставшая Манна, ей следует область Бабилу, восстает также при-урмийская область Баруата. Таким образом, охвачен мятежем последовательный ряд стран середины Ван-Урмийского района. Сардур берет здесь 23 города, разрушает дворцы, сжигает селения и уводит в плен 12.000 лиц высшего сословия.

Через год Сардур вынужден двинуться на север для водворения порядка в Этиуни и Лики. Им усмиряется также царь Абиани страны Едиани, а царь Иркуаини сдает халдам свой город Ируйани, может быть нынешнюю Эривань. Отсюда Сардур движется на юг Гокчи, где покоряет царя Уенида, берет его город Ирдуани (Ирниани) и еще южнее берет в плен население города Буини, правитель которого обращается им в Халдского наместника. Еще год спустя Сардур, считая восстание на севере подавленным, движется вновь к Урмии и разрушает 11 дворцов в области Урме. В Биайну направляется 4.000 представителей знати, много пленных и богатая добыча скотом.

В это время вновь вызывает беспокойства область Манна. Сардур движется в эту страну, громит ее, население гонит в Биайну, разрушает где-то в ней расположенный город Дарбани и этим заканчивает тут свои операции и перекидывает войска снова на север для подавления восстания в расположенной выше Этиуни области Эрах. В результате походов направляется в Биайну еще более богатая добыча.

Следующий поход направлен уже на запад в область ассирийского влияния. Сардур идет в страну Кулха, тождественную, повидиму, с ассирийскою Курхи, а не с Колхидою, покоряет здесь царя Хахани еще Аргиштием занятой области Хуша (Хуша-ни, Хуша-алхи). Год спустя халдское войско вновь перекидывается на север, где длительным перебрасыванием войск усмиряются над-этиунские соседящие области Эрах и Абилианих. Из них Эрах, незадолго перед тем им

усмиренный, оказывает на этот раз упорное сопротивление. Сначала царь берет богатую добычу в стране Абилианих, откуда движется в область Эрах. Но, уйдя из первой, он принужден в нее вернуться, так как с уходом халдского войска там вспыхивает восстание. Положение осложняется тем, что в Эрахе происходит дословно то же самое, и Сардур из Абилианих возвращается в Эрах, чтобы оттуда опять, уже в третий раз, вернуться в Абилианих. Только через год он считает этот район успокоенным достаточно, чтобы двинуться дальше. Здесь в области Руишиани он покоряет царя Рашуни и совершает поход в Иония на царя Диуцина ионийского. Повествующая об этом походе летописная надпись Сардура прерывается дефектными строками в самом конце столбца и, повидимому, мы имеем в данном случае только рекогносцировочную экспедицию, может быть, к берегам Черного моря.

Следующим походом Сардур идет в Комагены (Кумаха-Хали) и какую-то другую область с плохо сохранившимся названием, возможно, (Ар) хаи.

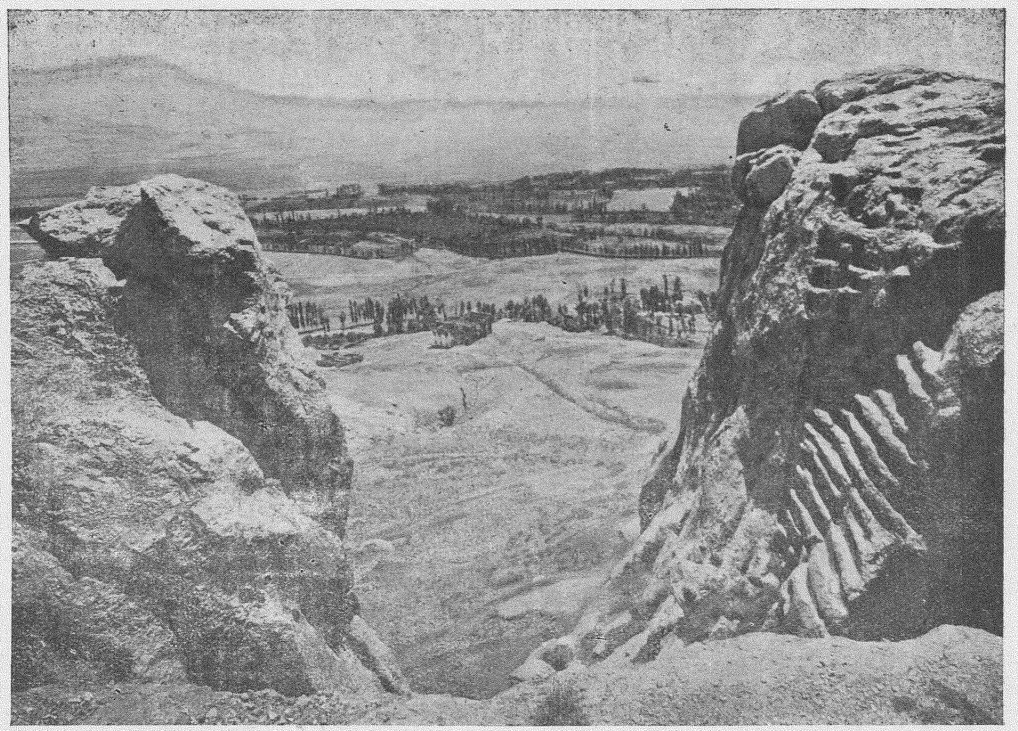
Только спустя три года Сардур опять направляется на север к Севангскому озеру и разграмливает область Уихи-Рухи, расположенную, вероятно, где-нибудь на юге названного озера или на восток от него, так как в южном его районе сын Сардура, Руса I, упоминает область Куме-Рухи. Покоренная Уихи-Рухи представляет собою большую страну, и Сардур ставит в ней шесть наместников, после чего уходит к западному берегу Гокчи и воздвигает дворец в городе Урайани, может быть, тождественном с покоренным в самом начале царствования городом Ируйани, то есть Эриванью. В том же западном гокчинском районе он одолевает четырех царей страны Удури-Этиуни. В летописной надписи дается перечень только троих царей, именно из династий Аргукиуни, Камани и Луерини. Местные надписи дополняют их именем четвертого. В этих надписях говорится о завоевании Сардуром города Тулихуни царя Циналиби сына Луеха. Местоположение названного города определяется местонахождением надписи, именно юго-западным берегом Севангского озера близ нынешнего селения Атамхана. В надписи говорится, что город расположен в области Удури-Этиуни, названной здесь Удури-Этини, следовательно, в ней гово-

рится о покорении четвертого по счету царя этой области. Описанные действия Сардура представляют для нас известный интерес, так как в них заметно стремление биайнского правителя орудовать на южном берегу Гокчи, а другая надпись, из селения Захалу, подтверждает это наше предположение, отмечая присутствие Сардура уже на юго-восточном берегу озера в областях Уртахини и Аргукини. Таким образом, Сардур продвигается на северо-восток в районы Гянджинского округа; и, как увидим ниже, довольно упорен в этом своем продвижении.

Новый поход, повидимому, опять направлен к Араксу и Севангскому озеру. В этот раз Сардур берет город Липлиуни, столицу страны Пулуади, воздвигает здесь надпись, восстанавливает дворец, но сжигает города. Он обращает в пепел также страну Лулуину, в которой без особой натяжки можно усмотреть уже упоминавшуюся выше страну Лулу, то-есть область у нынешнего Сардарабада. Год спустя ванский царь снова водворяет порядок в области Эрах, восстанавливает здесь дворцы, громит область и население ее гонит в Биайну.

Следующим походом Сардур вторично посещает великую страну Комаген (Кумаха-Хали) и одолевает тут царя Хушташпили. Через некоторое время он вновь вторгается в Комагены и уносит богатую добычу золотом, серебром, бронзою и другими драгоценностями из ее городов Уитани, Халпани и Паралани.

Закончив с Комагенами, Сардур предпринимает большой поход на север и придает ему особое значение. Привлеченный новым брожением в странах Лулу, Этиуни и Эрах, царь движется в Араксский бассейн, покровительствуемый „всей божественной троицей“. Но центр его внимания обращается не на эти страны, а дальше на северо-запад и, очевидно, дальше даже Чалдырского озера, где поставленная им Даш-Керпинская надпись повествует о завоевании страны Ухиме с городом Макалтуни. Пройдя Лулу, Этиуни и Эрах, халдское войско вторгается в область Куриаини и через нее направляется на Ионию, предварительно посещенную им в одном из предыдущих походов. „Милостью бога Халда“ он одолевает ионского царя Капурини, берет 35



Ванская скала (на ней ступени халдской эпохи).

дворцов, 200 городов, 60 селений, сжигает города, полонит страну и население ее гонит в Биайну.

Из такого далекого северо-запада Сардур направляется, повидимому, к западному берегу Ванского озера и занимает область Пузуни, а возвращаясь отсюда в Тушпу, он, как можно полагать по летописному тексту надписи, обходит озеро южным его берегом, где разграмливает города Алкани и Цудала.

Новое брожение на севере увлекает биайнского царя в страну Эрах. Здесь он опять громит города, после чего идет в страны Иштелуани, Кади и Апуни. Страна Абилианих, по старой традиции, тоже не забывается карательною экспедициею. Закончив тут свои операции, Сардур движется в Вели-Куни, или по другому варианту Вели-Кухи (Вели-Кохи), в которой можно усмотреть Колхиду. Он покорят ее, грабит дворцы, сжигает города, население гонит в Биайну, а плененному Вели-Кухскому царю Нидину меняет имя.

Через год царь расширяет границы своего государства уже на северо-востоке и поход свой начинает с упомянутой выше области Аргукини, то-есть с южно-восточного берега Гокчи, причем ни одна из перечисляемых им дальше стран не упоминалась при походах в западно-гокчинский район. Очевидно, их и не приходится искать в этом районе, скорее и вероятнее всего, что движение на этот раз шло в сторону Гянджи и дальше на восток по направлению к Каспийскому морю. По пути своего следования Сардур захватывает области династов Адахуни, Луипруни и Ешумиа, доходит до Куры, где на правом ее берегу берет область Камниу, если только область эта правильно отожествляется мною с армянским Камбизен, и вступает в страну Куха-Албани, в которой нетрудно усмотреть Албанию. Тем же походом им захватываются страны Ухуни и Териани. Разграбив 20 дворцов, 120 городов и 60 селений, Сардур разрушает многие дворцовые селения, сжигает города и захватывает в плен местное население. Этим заканчиваются военные действия Сардура на севере. Страны его, после длительной борьбы с междоусобицей, остаются в руках биайнского правителя, уже не ограничивавшего свои завоевательные тенденции районами одной бывшей Эриванской губернии.

Длинный перечень походов Сардур заканчивает в летописной надписи упоминанием о покорении стран Ушкиани и Бамни, по всей видимости, на западе Урмийского озера. Всего в этот продолжительный период походов, захвативший лучшие годы царствования Сардура, им взято в плен 10.000 отроков, 4.600 мужчин, 23.200 женщин, то-есть всего 37.800 человек, кроме того 3.500 коней, 40.353 быка и 214.700 овец. Всю громадную добычу ванский владыка берет себе и делит с исконным населением своей области, с племенем Урурдан. Здесь впервые всплывает в халдских текстах это урартийское название народа. В патриотическом под'еме, довольный успехом, Сардур восстанавливает и забытый титул царя Шура, внеся, таким образом, архаизм в свои клинописные тексты. Участвовавшее в походах 350.000 войско также награждается определенною долею добычи.

В руках Сардура оказывается вся громадная площадь Передней Азии от Колхиды до Ассирии, царь последней Ашурнирари не в силах противодействовать крупнейшему военному успеху древнего Вана, и Сардур резюмирует свои походы несколькими словами стелы церкви Св. Павла: „бог Халд покорил страну Вели-Кухи, область царя Циналиби сына Луеха с его престольным градом Тулиху, покорил земли царя ассирийского Ашурнирари сына Ададнирари, покорил страну Армею, город Нихириани, бог Халд велик, милость бог Халда велика, повержены они (то-есть эти цари, страны и города) пред Сардуром".

Упоминание имени царя Ашурнирари свидетельствует о том, что все эти победоносные походы были совершены в первые годы царствования Сардура, до его столкновения с Тиглатпилессаром III.

Таковы завоевания на севере и востоке, завоевания на западе были не менее блестящи. Мы знаем, по халдским клинописным текстам, что Сардур перешел границы страны Муша, по ассирийски Мусхи, посещенной еще войсками Менуа. Сардур покорил мушского царя Хитеруада сына Саху, взял его столичный город Мелита. Потом он захватил и посвятил богам Халду, Арди и Тейшебе (Теишбе) страну Каури. Заняв засим город Тумишки, он прошелся по соседним областям разрушительной волною. Кроме города Мелита, им покорены еще страна Карниши (может быть,

Теаниши), страна Бабани, город Дзапша страны Мушани, где им захвачена богатая добыча. Он взял и вторую резиденцию мушского царя Хитеруада, город Нишини. Плененному царю он изменил имя и громадную добычу направил в Биайну. В этот поход он сжигал страны и сжигал города по течению западного Евфрата и прилегающего восточного его рукава (Арсаниса). В надписи близ Изоглу дается перечень этим разоренным городам, как то Хазани, Урахи, Тумишки, Анини, Манину, Аруши, Кулбитарри, Умеше, Тикулраиташе, а в верховьях Аракса им обращается в пепел город Мелуйани.

Достигнутым военным успехом Сардур превзошел отца своего Аргишти и к покоренным им Каппадокийским областям Маруани и Каманани присоединил еще Теаниши (Карниши) и ряд других, дойдя на юго-западе до Киликии. В своем движении в том же юго-западном направлении Сардур дошел до города Арпад в Сирии.

Положение резко меняется со вступлением на ассирийский престол Тиглатпилессара III (747—728 года). Первые три года Тиглатпилессар не предпринимает крупных действий против Сардура, но уже в 743 году он решается на открытую борьбу. К этому году приурачивается движение Сардура к Арпаду сирийскому. Встреча соперников происходит у Арпада, и побежденный биайнский царь отступает в границы своего царства. Впрочем, одержанный ассирийцами успех на этот раз лишь приостановил движение халдов на юго-запад, а вовсе не разрешил старого вопроса о правах Ниневии на прежние области стран Наири. Успех, очевидно, был только частичный, хотя и достаточный для того, чтобы через несколько лет поставить этот вопрос на первую очередь. И действительно, четыре года спустя, в 739 году, Тиглатпиллессар уже приступает к решительным действиям и все остальные шесть лет царствования Сардура упорно борется за восстановление старой пограничной линии от Урмии на запад по Арсанису. В 739 году ассирийский царь вторгается в область Курхи (Кулха) и на западе Ванского озера занимает страну Улуба, здесь он строит город Ашур-икиша и по завоеванным городам ставит ассирийских наместников. В Ашур-икиша он воздвигает царский дворец и учреждает культ бога Ашшура. Упрочив тут свою власть, он

уходит, оставив постоянные ассирийские гарнизоны. Через три года, в 736 году, Тиглатпилессар предпринимает поход на северо-восток и за Урмийским озером захватывает область Бит-Капси, но в том же году вновь движется в горы Нал, в область Улуба, где, очевидно, требовалось его присутствие для устранения какой-то опасности, и нам не трудно догадаться, какая именно опасность отвлекла внимание ниневийского царя на запад.

Тревожимый движением ассирийцев в северном направлении, Сардур сосредотачивает свои войска и решается на грандиозное предприятие, для которого собственных сил ему было уже недостаточно. Наступил момент, когда нужно было решительным образом сломить соперника, и в этот критический момент Сардур достаточно осторожен. Пользуясь своими еще не подорванными силами и авторитетом, он находит союзников в лице своего вассала властителя города Мелита, мушского царя Сулумал, к которому примкнул коммагенский царь Гушташпи, а также царь Тархулар области Гамгум на западе среднего Евфрата и князь Матиилу области расположенной близ Сирии — Киликии. Военные действия важнейшего исторического значения начинаются в 735 году, когда Сардур направляется к своим союзникам, но Тиглатпилессар предупреждает его и вторгается в Кимух, повидимому, до соединения коммагенских войск с халдскими. Двумя боями ассирийцы разбивают союзные Сардуру полчища Кистана, Халпи и Кумуха, а запоздавший Сардур отступает, преследуемый ассирийцами, которые занимают всю южную часть запада Биайнского коллектива до нару Буратту, то-есть до реки Арсанис. Сардур оттеснен к Ванскому озеру и, имея за собою ассирийское войско, отступает с такой поспешностью, что грозный враг не может настичь его, хотя отступление и продолжается до самого престольного города Тушпы, в цитаделях которого и запирается халдское войско. Тиглатпилессар осаждает биайнскую столицу, но взять ее не решается и уходит в Ниневию, воздвигнув перед Тушпою победную надпись. Тиглатпилессар уводит в Ассирию многих царевичей и оставляет за собою области Бушту, Бибилу и все земли от реки Зап до Урмийского озера. Он занимает также страны Ину и Парсуа. В покоренных областях им утверждается культ Ашшура и ста-

вятся наместники. Известны имена ассирийских наместников в Мазамуа (733 г.) и в Арбаха (735 г.), в которой ассирийский наместник был еще в 745 году. Юго-западная часть бывшей Наири образует особую ассирийскую провинцию, управляемую туртаном. Таким образом, Тиглатпилессар достигает своей цели: пограничная линия от Урмийского озера до слияния двух Евфратов восстановлена. Смерть Сардура, последовавшая в 733 году, передает судьбы Биайны в руки его сына Русы.

Первая половина царствования Сардура — несомненный расцвет Биайны. Значительно развивается строительная деятельность, воздвигаются водопроводы и храмы со строениями для служителей культа, расширяется город садов Тушпа, особые парки разводятся для царской жены Ууани. Саргон приписывает Сардуру построение и нового города Риар в области Армарили на северо-востоке Ванского озера. Последние годы царствования Сардура—длительная и упорная, но неудачная борьба.

Руса I сын Сардура.

При тяжелых обстоятельствах вступает на престол Руса. Блестящий, почти семидесятилетний период расцвета Биайнского государства завершается потерею всей южной части северного коллектива стран, и ассирийские войска только что стояли у стен самой Тушпы. Печальный финал столь удачной в начале царствования Сардура завоевательной его политики имел место всего лишь за два года до вступления на престол его сына Русы, и дальнейшие намерения Тиглатпилессара едва ли были ясны новому владыке северных стран. Быстро справившись с очередным восстанием у Севангского озера и попутно округлив халдские владения в районе Куры, царь Биайны присматривается к Ассирии. Он не отвлекается походами на крайний запад ни в Коммагены, ни к хеттам, ни к мушкам, он как будто бы выжидает решительного боя со своим вечным соперником и, не видя из Ассирии никаких поползновений на повторные походы, сам начинает задирать южного соседа и каваллерийскими набегами тревожить его пограничные земли. Заканчивается царствование Тиглатпилессара, на ниневийский престол вступает Салманассар V (728—723 г.). Руса удачно

пользуется моментом и укрепляет южные границы, захватив приурмийский район. Таким образом, юго-восток опять сосредотачивается в руках Биайнского царя. Мало того, быстрым перебрасыванием войск, он совершенно вытесняет ассирийцев, доходит до гор Ассирии и „помощью двух коней и возницы" возвращает себе старые земли Урарту. Теперь уже вновь делается попытка под'ема страны, обстоятельства благоприятствуют, и культ бога Халда процветает в Мусасире, правитель которого Урзана возглавляется королевскою короною. Первые десять лет царствования Русы дают ему право ставить победную стелу и с успехом для себя беспокоить Ассирию, пока революционная волна не вынесла на ее престол Саргона (Шаррукина II). Начинается интереснейшая в истории летопись соревнования двух соперников. На этот раз события разыгрываются не на западе, как раньше, а в самом Ван-Урмийском районе, мелкие царьки которого изменяют по очереди обоим воюющим сторонам, за что иногда караются, иногда милуются, так как воюющие стороны нуждаются в их поддержке; а они, эти мелкие царьки, тяготеют не к ласке, а к силе, изменяя более в данный момент слабому и часто в оценке своей ошибаются. В итоге сила оказывается на стороне Саргона, виновника безвременной кончины трагичного царя Биайны.

В начале своего царствования Руса совершает поход на север и переходит Аракс. Частью усмиряя восстания, частью расширяя свои владения, он занимает четыре приозерные страны Цуиния, именно Адахуни и Аркукини, покоренные еще его отцом, и Уелида, Куме-Рухи. Затем Руса покоряет 19 царств об'единенной провинции Ридуани и, завершив поход, ставит надпись у Келаны-Кирланы, где эти царства и перечисляются. Имена их не встречаются в западном гокчинском районе, то-есть в пределах бывшей Эриванской губернии, и едва ли они могут быть отнесены к этому району, и без того густо наполненному названиями различных городов и стран. С гораздо большею долею вероятности мы должны отнести их к восточной части Куро-Араксского междуречья, откуда и мог возвращаться Руса, поставивший упомянутую выше надпись в конечном пункте своего похода на обратном пути у юго-восточного берега Севангского озера. Перечень этих стран следующий: Убимени, Шанатуаини (чте-

ние не ясно), Териуишаини, Ришаини, Зуаини, Акуани, Амани, Иркимаини, Елаини, Ериелтуаини, Аидаманиуни, Гуриаини, Алзирани, Пируаини, Мелааини, Ушедуини, Атазаини, Ериаини и Азаниеруни. Некоторые из них отожествляются с уже покоренными Сардуром, как-то Аргукини с Аркукини и Териуишаини с Териаини, Руишаини с Ришаини. Таким образом, часть стран и севангского и восточного от него района покоряются халдами вторично. Приурочение этих стран к ныне существующим географическим пунктам и окончательное разрешение самого вопроса о направлении Русовского похода могут быть сделаны лишь обнаружением новых местных надписей, каковые в данном случае следует, как мне кажется, искать в пределах нынешнего Азербайджана. В перечисленных областях плененные цари заменяются наместниками, а часть мужского и женского населения переводится в Биайну. Отсюда мы можем заключить, что результатом военного похода было покорение края, зная же постоянные тенденции халдских правителей к перекидыванию населения одних областей в другие, то-есть к частичному их переселению, чем в значительной мере ослаблялась сплоченность массы местного населения, не можем ли мы и появление незначительной горсти этиунов (удинов) в Нухинском уезде приписать политике халдского царя? Принудительно переселенные, они сплотились в новом месте своего жительства и до последнего времени сохранялись в селениях Варташен и Нидж, тогда как основная масса этиунов осталась на месте и утратила свой облик в процессе нового государственного образования. Здесь я ничего не предрешаю, а ставлю лишь вопрос, весьма не маловажный для истории Азербайджана и Грузии.

Покончив дела на севере, Руса направляется на юг. Он доходит до гор Ассирии и производит там опустошения. С кавалерийскими отрядами он вторгается в пределы Ниневийского царства, то-есть, вероятно, в отошедшие к ней области северного коллектива, и освобождает плененную ассирийцами знать, очевидно, захваченную прежними походами Тиглатпилессара. В походах Русы принимает участие мусасирский царь Урзана, но не совсем удачно, так как он попадает в плен. Боем на юго-западе Урмийского озера Руса освобождает своего союзника, берет здесь город Ар-

дини, разрушает его так же, как и некоторые соседние города. Упоминание сражения при Ардини до известной степени определяет район военных действий и едва ли можно предполагать о вторжении халдских войск в пределы самой Ассирии. Руса вновь обстраивает город Ардини и воздвигает тут вторую дошедшую до нас надпись, следы же ассирийского влияния тщательно искореняются и во всех покоренных при-урмийских областях в первую очередь восстанавливается культ бога Халда. Возобновляются и воздвигаются новые культовые сооружения, причем в работе над ними принимает участие плененная по городам ассирийская стража. Считая результаты похода весьма для себя благоприятными, Руса ставит у Топсана на востоке Сидикан в Гордиенах победную стелу на ассирийском и халдском языках и направляется на поклонение богу Халду в Мусасир. Здесь, в торжественной обстановке, он возводит Урзана в королевское достоинство, а самому ему, Русе, воздвигается бронзовая статуя на колеснице, запряженной двумя конями, с надписью, прочтенной Саргоном: „С двумя моими конями при помощи моего возницы, я своими руками отвоевал царство Урарту".

Только три сохранившиеся надписи Русы принуждают дальнейшую историю его царствования восстанавливать по ассирийским источникам.

На одиннадцатый год царствования Русы в Ниневии происходит междуусобица, и на престол всходит Саргон. Отошедшие от Ассирии урартские области вступают с ним в переговоры. Первая признает суверенитет ниневийского царя и прежде отличавшаяся сепаратизмом Манна в лице ее правителя Иранзу, то же самое проделывает Ианзу, правитель области Хубускиа. Царь Манны Иранзу упорно держит ориентацию на Саргона, и Руса ежегодно вторгается в его области и разрушает ее города. Но Иранзу не встречает единодушной поддержки в соседних правителях, особенно у северных маннских же провинций, которые продолжают оставаться верными Биайне. Против Иранзу даже восстают города Скандихул и Дурдукка (Зурзукка), которым оказывает помощь Митатти, правитель области Зикирту. В итоге разгорается внутренняя борьба, и Саргон в 719 году движется в пределы Манна, поддерживает своих сторонников,

а плененных врагов направляет частью в Ассирию, частью в Сирию. Из Манна он спускается в Мусасир, куда впускается беспрепятственно, так как царь Урзана признает его главенство и спешит пред Ашшуром и Мардуком принести клятву в верности. Саргон посещает храм бога Халда.

Поспешный переход прежних союзников Биайны на сторону ниневийского царя об'ясняется, может быть, не одним только присутствием ассирийского войска в пределах страны Манна. Повидимому, и сам Руса входит в переговоры с Саргоном, который, позднее, упрекает его в измене какому-то клятвенному обещанию, данному пред ассирийскими богами. Причина миролюбивого отношения Русы та, что халдские войска вынуждены срочно перекинуться на крайний запад для предотвращения новой, грозившей оттуда опасности. Что эта была за опасность, можно судить по письму Урзани мусасирского, который в 718 году, будучи уже союзником Саргона, сообщает придворному сановнику Ассирии, что урарты потерпели поражение в земле Гамир (Кападокии), потеряв в бою девять высокопоставленных лиц. Письмо сообщается Саргону его сыном Санхерибом. Но вторгшиеся в Каппадокию киммерийцы не двинулись на Биайнское царство, и границы его на западе остались неприкосновенными, по крайней мере шесть лет спустя Саргон подтверждает это тем, что, попав на запад Евфрата, он ставит гарнизоны в пяти выстроенных им городах для защиты от Урарту.

Вернувшись с запада, Руса не считает себя связанным данною Саргону присягою, и в Ниневию доходят слухи о том, что биайнский царь, хотя и с целью поломничества, направляется в Мусасир. Одновременно ассирийский наместник в Амадиа, Ашуррисуа, доносит о движении к Мусасиру трехтысячного урартского войска. Урзана же, на запрос ассирийского царедворца, отвечает весьма уклончиво: „ты говоришь, что без разрешения царя (Ассирии) никто не вводит войска для поклонения богам, но когда (сам) ассирийский царь пришел, разве я мешал ему? То что он делал, делает и этот, как же я воспрепятствую ему?“.

По смерти Иранзу на престол Манны восходит сын его Аза II, остающийся, как и его отец, союзником Саргона. Положение Аза осложняется тем, что не только Митатти, пра-

витель области Зикирту, но и родной его, Азы, сын Багдатти, правитель области Умилди, примыкают к Русе. Движение в пользу последнего усиливается, царьки отдельных областей Манна убивают Азу и труп его бросают в ущелье Арарата. Осведомленный о брожении в стране Манна и о насильственной смерти своего союзника, Саргон вторично входит в ее пределы, на склонах Арарата убивает царевича Багдатти и усмиряет область. На престол Манны им возводится другой сын Азы, Улусун, но выбор оказался неудачен, так как этот, по уходе ассирийских войск, перекидывается на сторону Русы, склонив к тому же Ашурли, правителя области Карала, и Итти, династа Алабира. В 716 году Саргон в третий раз посещает Манну, сжигает ее столицу Изирту, вешает Ашурли, область которого Карала захватывает себе, и берет в плен Итти. Его вместе с жителями Карала переселяет на Оронт в Сирию, в город Амат. Жителей Шукки и Бала и некоторых других городов он переводит в Дамаск и в область хеттов. Но к царю Манны, к Улусуну, он относится милостиво, дарует ему прощение и оставляет на престоле Манны. Возвращаясь с похода, Саргон берет области Никзама, города Гану и Сургадиа, которые присоединяются им к землям Парсуа.

Только что Саргон ушел в Ниневию, как Улусун через одного из маннских правителей, Дайукки, снова входит в соглашение с Русой, который берет в заложники одного из его сыновей и занимает 22 его крепости. В 715 году Саргон в четвертый раз идет на Манну, отбирает эти 22 крепости и уводит в Амат Дайукки и его семью. Улусун „как птица" скрывается в горы и просит пощады. Саргон явно заискивает перед местными правителями, поэтому он не только прощает Улусуна, приписав его повторную измену происками Русы, но передает ему те же 22 крепости с придатком еще двух городов, только что отнятых у Русы и Митатти. Кроме того, Саргон сам восстанавливает причиненные им в стране Манна разрушения, а в ее столице, в Изирту, ставит свою статую и надпись. В Ассирию им уводится богатая добыча, но про столкновение с войсками самого Русы умалчивается. Вероятнее всего, что такое столкновение и не входило в планы царя Ниневии. Достигнув своей цели восстановления ассирийской ориентации в при-

урмийском районе, Саргон возвращается и этот раз обратно к себе. По пути он прошел через область Андиа и занял в ней небольшую страну Туайади провинции Тилушина. Отсюда им уведено 4.200 пленных. Спускаясь на юг в оставшуюся ему верною Хубускиа, Саргон у престольного города того же имени встречен царем Ианзу, получившим в ассирийских анналах титул „царя Наири", и принял от него дары. В итоге четвертого похода Саргон мог считать своими вассалами Улусуна маннского, Урзану мусасирского, Ианзу царя Хубускиа и правителей многих урмийских областей, но все же не вся Манна была на стороне Ниневии: по данным ассирийских текстов, область Уишди сохранилась за Русою.

Борьба на этом вовсе не заканчивается, наоборот, она продолжает носить затягивающийся и выжидательный характер. Саргон упорно отвоевывает юго-восток земель, по прежнему называемых им странами Наири. С своей стороны и Руса с неменьшим упорством отстаивает свои права на те же земли. Оба они избегают столкновения друг с другом и по очереди вторгаются в области Манна, не встречаясь в их пределах. Саргон входит в них, когда войска Русы оттягиваются в Биайну, а Руса громит сторонников соперника, когда ассирийские полчища вышли из ван-урмийского района. Так повторяется четыре раза, и все четыре раза Саргон не идет на Русу и ограничивается лишь странами Манна, где он карает противников и восстанавливает разрушения, причиняемые постоянными вторжениями враждующих сторон. Создавшееся неестественное положение ждет выхода, и Руса первый идет на решительный шаг с целью выяснить затянувшийся спор.

Саргон знает о намерениях Биайны, до него доходят слухи, что не только Андиа и ряд мелких правителей Манны опять склонились к ванскому царю, что биайнская политика привлекла на свою сторону Мусасир, но что в союз с Русою вошли Амбари, царь тубалов, и Мита, царь мушков. На этот раз Саргон принимает вызов, и в 714 году выступает уже против самого Русы. Сначала он входит в дружественную ему часть Манна, где Улусун и знать „как собаки на четверинках умоляют его". Отсюда движется на север к истокам Арсаниса, то-есть проходит Ванское озеро и вступает в область Зикирту, правитель которой, Митатти, был

все время верным союзником Русы. Происходит вооруженное столкновение, в результате которого разбитый Митатти теряет три крепости и 24 города, столица его Парда сожжена, а сам он со всем войском бежит „не оставив по себе следа". Справившись с первым врагом, ассирийский царь двинулся на восток к Масис-Арарату, где сосредоточены „громадные полчища" Русы. Последний не уклонился от встречи и принял бой. Саргон набрасывается на него как „стремительный дротик", разбивает Урсу (ассирийская передача имени Русы), делает страшный погром в его войске и ущелья гор покрывает трупами халдских воинов. Руса скрылся в горах.

Вооруженное столкновение состоялось, и им разрешен не один только спор из-за областей Манны, страшный удар нанесен всей Бдайне. В результате разыгравшегося боя Саргон занял на севере Ванского озера область Бари, взял и сжег 55 городов и 11 крепостей в семи урарских провинциях, захватил Арбу, наследственный город Русы и некогда выстроенный Сардуром город Риар. В семи близлежащих городах жили братья Русы и отчаянно оборонялись, но и эти препятствия были устранены. Саргон торжествовал победу и распоряжался покоренными областями. Он присоединил часть земель Урарту к землям Улусуна, а в области Гизилбунда на Араксе поставил ассирийского наместника. Закрепив свой суверенитет над провинциями Манна и вновь присоединенными к ней странами, Саргон двинулся на юг, захватив с собою 260 плененных царевичей.

Неожиданное препятствие встретило уходившего к себе на родину ассирийского царя: Урзана мусасирский преградил ему путь. Ожидаемое столкновение утомленного в бою ниневийского войска с непринимавшими в нем участия свежими силами Мусасира разрешилось быстро и неожиданно. Повидимому, даже и никакого столкновения не было. Армия Саргона не остановилась и не свернула с пути, а, продолжая движение на юг, вступила в земли Урзаны, который „как птица" скрылся в горах, оставив незащищенными свой престольный город, а в нем свою жену и детей. Саргон беспрепятственно вошел в столицу, захватил там семью Урзаны и поселился в его дворце, полном золота, серебра и других драгоценностей. Все это, естественно, было заграблено,

при чем в плен было захвачено какое то количество жителей, которое Саргон не совсем точно исчислил, назвав один раз, на барельефе, цифру 20.170, а в другой раз, именно в письмах к богу Ашуру, только 6.110. В храме бога Халда была захвачена статуя самого бога и его жены Багбарту, взято три царских статуи, в числе их статуя великого жреца Сардура сына Ишпуина, статуя Аргишти в божеском головном уборе с благославляющими народ руками, и Русы на колеснице с надписью, текст которой приводился выше: „при помощи двух копей и возницы, я своими руками отвоевал царство Урарту". Захвачено также большое количество сокровищ, похищенных когда то халдами в землях Ашура и все это направлено в Ниневию. Таким образом, главное место культа национального бога Халдской державы, бога, громившего врагов биайнского царя, разрушено, Мусасир сожжен и область его присоединена к Ассирии.

Осведомленный об этом, Руса в 714 году ударом собственного меча кончает жизнь самоубийством.

Пройдясь „владыкою по землям Урарту, Зикирту, Наири и Мусасир, как собака полная ярости, опьяняющая ужасом", Саргон милует своих союзников: на юго-востоке, страна Андиа разрушена, но смежная с нею Хубускиа не пострадала, потому что правитель ее Ианзу, верный сторонник Ассирии и названный в ее летописях „царем Наири", своевременно встретил Саргона за четыре мили до столичного города, целовал его ноги и поднес дары. Равным образом не пострадал и не изменивший на этот раз Улусуна, он признается властителем своих наследственных областей Манна и части вновь покоренных Саргоном. Спускаясь дальше на юг, Саргон спокойно прошел по землям Кирхи и вернулся к себе с богатейшею добычею, вывезенною им из стран Урарту и Мусасир.

Может быть, неудаче научных экспедиций в район древнего Вана, а может быть и бурному течению всего царствования Русы мы обязаны тем, что нам известны только три упомянутых выше надписи этого царя. Из такого ограниченного эпиграфического материала слабо вырисовывается облик Русы в качестве мирного строителя своего государства. До нас дошли лишь отрывочные указания на восстановление им храмов, в частности храма Тейшебы (Теишибы) у

Севангского озера, на покровительство музыке и пению в культовых обрядах. Ассирийские источники, естественно, не очень расположены к личности своего биайнского соперника и мало склонны оттенять положительные стороны его, как правителя страны. Все же таковые были и даже враждебные ему письма Саргона к богу Ашуру местами бросают свет на детали, слабо оттененные в малочисленных Халдских текстах. Саргон приписывает ему построение облицованного кипарисовым деревом пышного дворца в городе Улху близ Арарата, окрестности которого богато оросились целою системою выстроенных по велению Русы каналов и плотин „и веселая песня пахаря доносилась до жителей (города) с доселе пустовавших полей".

Энергичный и самолюбивый воитель, Руса не пережил своего поражения как пережил его Сардур. Письма к богу Ашуру тесно связывают его кончину с разрушением главного места культа бога покровителя Биайны и с пленением самого бога: статуя Халда увезена в Ниневию. Правда, преемники Русы имеют бога Халда своим „милостивым" владыкою и он остается для них „всемогущим" богом, но все же это не прежний по значению Халд и нет больше его резиденции в Мусасире. Пошатнулся весь государственный механизм, все государственное об'единение, державшееся на силе оружия и хотя бы это не отразилось в текстах царей, но оно отразилось в самой историй древнего Вана, так как Биайна—не прежняя могучая, независимая Биайна.

Аргишти II.

После Русы на престол всходит Аргишти, может быть его сын. В ассирийских источниках он упоминается как современник Саргона, к которому царь Ниневии относится более чем снисходительно и во всяком случае не считается с ним как с достойным внимания соперником, тогда как Аргишти шлет ему дары. Наступает для Биайны какая-то бесцветная пора с бледным царем второстепенной державы.

Правда, Саргон продолжает военные действия в северных для Ассирии странах, но не против Урарту, которую считает разбитою. Он идет на прежних союзников Вана на тубалов и мушков. В 713 году он одолевает тубалов и царя их Амбарис отправляет пленным в Ассирию, а Мита, царь

мосохов (мушков), изгоняется из своего царства, земли его захватываются ассирийцами, которые на восточной границе их строят города для защиты от Урарту. Саргон продвигается еще далее на северо-восток и покоряет области касков.

В 710 году Саргон отвлекается борьбою с Вавилоном. Этим воспользовался Мутталу, царь кумухов (коммаген), который, доверясь Аргишти, отказал в обычной дани Ассирии. Впрочем, расчет не оправдался: Саргон в 708 году вторгся в земли Муталлу, покинувшего свой город с тем, чтобы больше туда не появляться. Хотя ассирийский царь и приписал все происшествие происках Аргишти, но ограничился только весьма непочтительным о нем отзывом, идти же войною на Биайну он, повидимому, счел излишним.

Полное молчание в ассирийских источниках о походах урартов свидетельствует о сохранении в руках Ассирии всей южной части бывшего коллектива северных стран, и едва ли были со стороны Аргишти предприняты какие-либо попытки к отвоеванию земель, покоренных тремя его предшественниками. Вероятнее всего, что он вынужден был в западной части довольствоваться старыми землями „Урарту“ с южною границею по реке Арсанис, а на севере—по западному Евфрату, и почти береговою полосою Ванского озера на востоке до потерянных его отцом земель Манна. В городах Тушхан (707 г.) и Амиди (705 г.) сидели ассирийские наместники, тогда как север с араксским бассейном, повидимому, оставался еще во власти Биайны.

При преемнике Саргона, сыне его Санхерибе (706—682 г.), Биайна представляется столь ослабленною, что молодой царь Ассирии похваляется покорением земель от Ванского озера до Персидского залива, и естественно, что север не особенно беспокоил его. Источники отмечают лишь один случай, когда восстание вспыхнуло в областях Карду (Кирху), впрочем едва ли в большем районе. Санхериб все же двинулся к горам Нибур и взял здесь несколько городов, в числе их Ту-мур (?)-ри и Сарум. Во время этого похода царек Маниай, властитель города Укки в стране Даи, бежал, оставив ассирийцам 32 города. Этим и ограничилось восстание, во время которого Аргишти продолжал оставаться спокойным и послал Санхерибу дань конями.

В самом конце царствования Аргишти, около 685 года, происходит на западе новое движение киммерийцев, но оно не отражается на границах владений Биайны. Киммерийцы вытеснили мушков, которые частью передвинулись к западу от Трапезунда, частью поднялись по Чороху.

Что касается халдских надписей, которые могли бы быть приурочены этому царю, то таковых, с большою оговоркою, можно считать только три: ордаклинскую, гулиджанскую и деревни Сикке на северо-востоке от города Вана. Все три надписи имеют имя Аргишти без отчества, но по одному только факту отсутствия отчества нельзя еще с полною уверенностью приурочить все эти надписи именно этому Аргишти. Последняя надпись дефектна, во второй говорится о покорении города Дурубани страны Кулиаини, в первой—о городах Киехуни и Иштикуни по выделении приозерной страны Сууни, но все эти названия относятся к местности, видевшей у себя войска Аргишти I.

За год, может быть, за два до смерти Аргишти обстоятельства сложились для него весьма благоприятно: в это время Ассирия переживала острый момент в связи со спором из-за престолонаследия. Старшие сыновья Санхериба, Ниргил-шар-усур и Адармалик, убивают своего отца и оспаривают права на трон младшего своего брата Асархаддона, находившегося в это время на северо-западе в походе против киммерийцев. Войска братьев сталкиваются в стране Хани-раббат, носившей у халдов название Кумух, то есть в Коммагенах. Одержавший победу Асархаддон преследовал своих братьев по Евфрату до города Бизана и вогнал их в земли „Урарту“, где они и остались, так как молодой ассирийский владыка повернул в Ниневию, очевидно, спеша закрепить там за собою престол отца. Но ни Аргишти, умерший около 680 года, ни сын его Руса не использовали благоприятного момента временного неустройства в правительстве своего грозного соседа. Ослабевшая Биайна оставалась простою свидетельницею разыгрывавшегося события; впрочем, ей уже самой приходилось искать помощи против надвигавшегося с севера нового врага.

А враг этот мог внушить только сильнейшие опасения, особенно, когда, вскоре после смерти Аргишти, в руки его перешли области Манна. И вот, вмешательство в дела Пе-

редней Азии ашкузов нарушило и перевернуло старые взаимоотношения двух соперников, последние годы споривших именно из-за областей Манна. Одному из них, Биайне, и без того ослабевшей, было уже не до Ассирии, последняя же, не желая отказаться от дорого стоивших прав своих на маннские земли, должна была бороться, но бороться приходилось ей уже не с Биайной. Быстрый ход событий запутал плавное течение истории с планомерными движениями ниневийской захватной политики на север и с планомерным же отпором ей со стороны выступавшего под покровительством бога Халда царя Биайны. Вековая борьба в самое короткое время резко переменилась и поставила перед прежними соперниками новый скифский вопрос, насторожив обоих на вторгшийся третий воюющий элемент, в результате чего биайнский властелин из исконного врага обращается в брата царя Ассирии, хотя и не на очень длительный срок.

Тяжесть весьма серьезной борьбы ложилась на плечи, главным образом, Ассирии, прибегавшей и к дипломатии и к оружию. Биайна, вероятно, боролась насколько могла и насколько это было необходимо для защиты ее собственных границ, страна же Манна и без того вышла из сферы ее влияния, и спор из-за нее Ассирии со скифами Биайну уже не интересовал. Если же военные действия ослабляли и ассирийцев и скифов, то это было только на руку ванскому правительству, но, конечно, Ассирия еще продолжала оставаться сильнейшим государством Передней Азии, и халдский царь, в подтверждение своих „братских" отношений, посылал ей богатые дары. А это льстило самолюбию страны Ашура, не забывавшей упоминать о них в своих летописях.

Руса II сын Аргишти.

Медленно, но неотвратимо приближается решительный момент для судеб Передней Азии, и старые его царства становятся в угрожающее положение. Может быть, еще не сознавая того, могучие державы Древнего Востока начинают уже бороться за самое свое существование против молодых, но быстро крепнущих государственных образований. Вавилон, разрушенный ассирийцами в 690 году и вновь восстановленный, как столица, преемником Санхериба, фактически уже перестал существовать, служа местом раздора для более

сильных соседей. Другая, когда то мировая держава, Элам доживает свои последние дни, терзаемый внутри самого себя династическими распрями. Только Ассирия еще находится в полном расцвете, но тоже накануне своей гибели.

В первые годы царствования Асархаддона (682 – 669 г.) особое внимание ассирийцев привлекают на себя северо-восточные гористые местности, где формируется молодое Мидийское царство. Один из мидийских князей, Каштарити, правитель города Каскаши, склоняет Мамитнарсу, царя области Мада, к совместному выступлению. К ним присоединяется и страна Манна, из-за которой так длительно боролась Ниневия с владыками Биайны. В союз вступает и скифский царь Ишпакаи (Спака). Таким образом, Каштарити чуть ли не со всего северного фронта грозит Ассирии об'единенными войсками гимирра, мада и мана. Он захватывает ряд областей и осадою берет города Хартам и Кисаши. Асархаддон, со своей стороны, пытается разрешить надвигающееся столкновение мирным путем, но к простым его переговорам присоединяется и хитрая дипломатия. Для ослабления союза Каштарити с Ишпакаи, ассирийский царь завязывает дружеские сношения с возглавляющим скифские войска в Манна ашгузским вождем Бартатуа, по Геродотовской передаче Πρωτοθεύς, и выдает за него свою дочь. Вместе с тем он отправляет к Каштарити послов с мирными предложениями, хотя вовсе не уверен в том, останутся ли живы его послы, или нет. Каштарити отвергает мирные предложения Асархаддона и в результате разбит им в 677 году. На этот раз Ассирия с успехом вышла из тяжелого положения, и надвигавшаяся с севера волна, достигшая уже границ области Хубускиа, приостановилась. Мало того, Асархаддон обеспечил себя от скифской опасности, когда зять его Бартатуа выдвинулся на первое место среди правителей ашгузов в ущерб тоже потерпевшего поражение Ишпакаи. Это имело и другой весьма благоприятный для Ассирии результат, именно расторжение союза киммерийцев со скифами.

Предоставленные сами себе гимирра не представляли для Ассирии чрезмерной опасности, к тому же войска Асархаддона были с ними уже знакомы. Повидимому, и киммерийцы сознавали некоторую слабость своего самостоятельного выступления, по крайней мере, царь их Тиушпа не риск-

нул бороться один и вступил в союз с каким-то другим царем, от имени которого в ассирийских источниках сохранились лишь последние буквы „са", то есть один клинописный знак. Но дефект надписи восполняется и, мне кажется, безошибочно, причем восполняется весьма существенно для данного исторического очерка. Дело в том, что Биайна на этот раз не оставалась простой свидетельницей разыгрывавшихся событий, и тогда, когда Ассирия вошла в дружеские сношения со скифами, взяла ориентацию на киммерийцев: оставшиеся две буквы царского имени могут быть с полною уверенностью восполнены в целое имя Урса, то есть в ассирийскую передачу имени халдского царя Русы. Положение значительно осложнилось с выступлением на поле действий до сих пор не упоминавшегося биайнского правителя, и ассирийцы в молитве к богу-Солнцу высказывают весьма серьезные опасения словами: „удастся-ли Урсе из Урарту его поход. . . . удастся ли . . . . его сановникам или гимирра завладеть путем и грабежом двинуться на земли Суприа?". Ответ последовал очень скоро: Русе это не удалось, но киммерийцы оказались в стране Суприа, где и были разбиты в 673 году, после чего вынуждены были отойти в Малую Азию. Передавая свой успех, Асархаддон упоминает о подчинении себе Ишпакаи ашгузского, повидимому не желавшего признать главенство Бартатуа и вторгавшегося в область Хубускиа.

При всех затруднениях со скифами, мидянами и киммерийцами, царствование Асархаддона, вне всякого сомнения, представляет собою расцвет ассирийской державы, и грядущие беды еще не чувствуются. Так, на севере, при всем создавшемся сложном там положении, Ассирия пока с честью выходит из всех осложнений, на юге же ее гегемония бесспорна. Там Асархаддон распоряжается свободно, он восстанавливает разрушенный его отцом Вавилон и об'являет его своею столицею, перенося свою резиденцию на юг, конечно, не из страха перед Биайною. Только Элам еще сохраняет самостоятельность, но и на его престоле появляются цари —ставленники Ассирии. Что же касается покоренной части земель бывших стран Наири, то о них почти не упоминается. Ассирийские источники говорят только о восстании в области Мусри, на самом крайнем западе, при слиянии Ар-

саниса с Евфратом. Восстание это было незначительным событием, оно быстро подавлено, и мятежный правитель, сын Сихили, отвезен пленным в Ниневию. Область Мусри возвращена Ассирии, а город Арзани отдан на разграбление.

Возможно, что сравнительно быстрое течение роковых для судеб старых держав Передней Азии событий в значительной степени обязано отвлечению Ассирии на юго-запад, ее походам в Финикию и длительной, правда, весьма успешной, борьбе Асархаддона с фараонами XXV династии, борьбе, продолженной и преемником Асархаддона и приведшей к восьмилетнему владычеству Ассирии над землями Египта (663—651 г.). Ашурбанипал торжественно справлял в Ниневии свои победы как раз тогда, когда на севере положение принимало наиболее грозные размеры.

В 669 году Асархаддон умер, возвращаясь с похода в Египет, и мать его Нокиа, вдова Санхериба, издала манифест, приглашая население оставаться верным новому царю Ашурбанипалу.

Дружеские отношения со скифами продолжались и при преемнике Асархаддона, даже, повидимому, страна Манна вновь отошла под суверенитет Ассирии, во всяком случае Ашурбанипал непосредственно заинтересован судьбами ее и в 663 году движется с войском в пределы Манна, когда царь ее Ахсери отказал в повиновении ассирийскому владыке. Ашурбанипал победоносно прошел по стране Манна до ее столицы Изирту, сжигая по пути города и набирая богатую добычу людьми и скотом. При приближении ассирийских войск царь Ахсери бежал в город Иштатти, по другой ассирийской версии в Адрана, и был убит самими жителями города, Ашурбанипал же, взяв Изирту и уничтожив „семью царя, его брата и нисходящее потомство", двинулся на отвоеванную Манною область города Паддири, которую разгромил и присоединил к Ассирии. Попутно, в области Харсишади у города Аткании он сжег области городов Аршиани и Ириштиани, забрав и оттуда очередную добычу. На границе им захвачены маннские города Гушуни. Эта карательная экспедиция ничем не отличалась от предыдущих таких же экспедиций предшественников Ашурбанипала в ту же область Манна, и преемнику Ахсери по маннскому престолу, Уалли, оставалось, при таких условиях, лишь выра-

зить покорность ассирийскому царю и возобновить ему дань, которая некоторое время не уплачивалась и которую теперь царь Ассирии увеличил на 30 лошадей.

С середины VII века снова обостряется положение с оттесненными на запад киммерийцами, в связи с чем, в 660 году основатель лидийской династии Мермнадов, царь Гигес (Гугу), признает над собою власть Ашурбанипала. Благодаря этому он отражает нашествие гимирра и в доказательство победы посылает в Ассирию двух пленных киммерийцев. Но вскоре затем тот же Гигес вступает в переговоры с фараоном Псамметихом, находившемся во враждебных отношениях с прежним союзником Лидии. Результатом явился отказ Ашурбанипала в новой помощи Гигесу против тех же гимирра, вновь напавших на его страну, и в 650 году Гигес падает в сражении с ними. После этого, сын его Ардис выражает покорность ассирийскому царю „так как отец его пострадал за измену".

В это же время в нижнем междуречье и прилегающем к нему востоке разыгрываются события исключительного значения: заканчивает свое существование Эламское царство. После ряда быстрых смен царей одной и той же династии, сопровождаемых крупными династическими распрями, на престол Суз входит узурпатор Хумбанхалдаш, задавшийся целью спасти умирающее царство и не скрывавший своих враждебных отношений к Ассирии. Но это были только посмертные судороги умирающего могикана: Ашурбанипал около 646 года берет Сузы и разрушает их. Такому крупнейшему событию на юге соответствует по времени созревание другого не менее крупного события на севере, где все шире и шире развертывается скифская завоевательная волна, грозившая захлеснуть пока еще уцелевшую Биайну. Повидимому, в непосредственной связи с этим, вскоре за разгромом Суз, Ашурбанипал принимает у себя послов Русы с дарами.

Знак униженной вежливости со стороны царя Биайны, конечно, свидетельствует о сильных переживаниях последнего, может быть, крайне опасавшегося скифов, перед которыми явно заискивал сам царь Ассирии. Но в биайно-ассирийских взаимоотношениях этого времени интересны два явления, именно, с одной стороны, бросается в глаза редкое упоминание ассирийскими источниками имени Урарту

и ее царя, с другой стороны, такое редкое упоминание почти забытой Урарту каждый раз как-то особенно подчеркивается, указывая то на внутреннее самоудовлетворение Ашурбанипала, которому визит биайнских послов был как будто бы даже и лестным и, во всяком случае, не заурядным явлением, каким должен был быть самый факт поднесения подарков, конечно, сыпавшихся к нему со всех сторон, то, в иных случаях, на некоторые опасения, каковые проскальзывают даже в особого рода текстах, в молитвах к богам, с упомянутыми выше возгласами: „удастся ли Урсе его поход... пройдет ли он грабежом в землю Суприа?". Такие фразы в молитвы спроста не вставляются и, во всяком случае, здесь нет места какому-либо издевательству над державным властителем страны, которая по самому ходу истории начинает казаться падающею и обезсиленною. Странным кажется и тот факт, что разрушительные волны скифов обходят Биайну не только у Ванского озера, но и в покоренных ею областях севера между Кара-чаем и Севангским озером, где Руса продолжает свою строительную деятельность до весьма отдаленной на севере области Ишкигулу включительно, и ставит победную стелу. Вероятнее всего, что Биайна замкнулась в своих пределах и, почти не участвуя в наступательных действиях, была еще достаточно сильна для защиты своих границ в тех уменьшенных рамках, в каких страна досталась в наследство Русе сыну Аргишти.

Вся приведенная история царствования Русы касается собственно не Биайны, а ее соседей, уже переживавших крупные события, долженствующие потом развернуться в события гораздо большего масштаба. Получается впечатление, что Биайна в них принимала весьма слабое участие, и впечатление это едва ли обманчиво. Мне кажется, что именно так и было почти до самого конца правления Русы, когда события изменили спокойное к ним отношение Халдского коллектива. До этого момента, не тревожимый пока в пределах своего царства ни Ассириею ни скифами, Руса как будто бы слабо воспринимал то, что творилось в остальных частях Передней Азии. Все три дошедшие до нас надписи этого царя полны отражениями мирной, даже цветущей жизни крупной, казалось бы, государственной единицы. О покорении стран упоминается только в одном месте над-

писи из развалин церкви Звартноц близ Эчмиадзина, где говорится про завладение областью Кубиарлини. В остальных местах надпись, довольно обширная, из 47 строк, толкует о деяниях совсем иного характера: о больших насаждениях, сделанных самим царем, очевидно, в этой местности, орошенной специально проведенными каналами. Постройкам этим царь придавал исключительно важное значение, так как, удачно выполнив задание, он дважды приносит особые жертвы богам.

Такой же мирный характер носит и вторая надпись Русы сына Аргишти из района Макинского ханства. Царь говорит в ней о проведении дороги, может быть водопроводной системы к городу, названному им по своему имени малым городом Русы. Третий текст тоже толкует о постройках, каковые поручаются вассальному царьку племени Ишкигулу, имевшему получить единственную дошедшую до нас халдскую глиняную таблетку, ему адресованную, но, может быть, до него и не дошедшую. Найдена она в Топрахкалэ. В ней говорится о постройке города Русахина.

Все три надписи полны величественного спокойствия царя, покровительствуемого богом Халдом, храмы когорого восстанавливаются. Вся божественная троица по традиции продолжает призываться к наказанию смельчака, который решится покуситься не на царство Биайны, а только на целость самой надписи, и, вопреки всем внешним событиям, царь продолжает оставаться „могучим и великим владыкою многих стран, царем страны Биайны, царем царей".

Резким контрастом самоуверенным текстам Русы является только исторически засвидетельствованный факт посылки им даров через особое посольство Ашурбанипалу. Но это имело место в самые последние годы правления Русы, когда он, очевидно, начал утрачивать надежду на продолжение более или менее спокойного отсиживания в пределах своего царства и, не беспокоимый Ассириею, для которой Биайна, повидимому, служила буфером против воинствующих северян, сам почувствовал неизбежность заручения помощью более сильного соседа, хотя бы и своего исконного врага. Необходимость такой помощи еще ярче и конкретнее выразилась в следующем за Русою периоде, при царе Сардуре, когда наиболее ясно выступили наружу все слабые

стороны Биайны, не прежней, а Биайны середины седьмого века, уже несколько десятков лет переставшей быть почти первостепенною державою Востока. При преемнике Русы эти слабые стороны выступили не замаскированными традиционным повторением напыщенных слов царских надписей, столь смущающим нас в правильной оценке действительного положения страны.

Сардур IV.

Преемник Гигеса (Гугу) по лидийскому престолу, царь Ардис (650—625 г.), хотя и признал главенство Ашурбанипала, но, повидимому, оставался в течение всего своего царствования во власти вторгшихся киммерийцев.

Другая, выдвинувшаяся за последние годы, держава, Мидия, еще продолжала самостоятельное существование и даже значительно крепла. Геродот приписывает мидийскому царю Фраорту (660—634 г.) покорение области Парсуа и поход на самую Ниневию, правда, окончившийся, по его словам, неудачно: осажденная Ниневия отсиделась, Фраорт погиб во время осады (634 или 630 год). Но, судя по ходу истории, передаваемой Геродотом, неуспех Мидии слабо отразился на возрастающем значении этой молодой по политической роли державы. Мидия быстро приобретает положение виднейшего государства Передней Азии. Преемник Фраорта, Киаксар (Увакхшатра 634—584 г.) захватывает северо-запад бывших стран Наири и Каппадокию, а в 630 г., по сведениям того же Геродота, вновь грозит самостоятельности Ассирии. В этом году, по словам греческого историографа, мидяне делают вторичную попытку завладеть Ниневиею.

На совести Геродота лежат эти сведения. Во всяком случае, были ли эти два поход мидян на Ниневию или нет, но час гибели Ассирии еще не настал, и сама Мидия, разросшаяся в своих границах до крайних пределов Малой Азии, находилась под ударом другого врага.

Примерно в это же время достигает апогея движение скифов, спускающихся на юг. Скифы надвигаются на Мидию как раз тогда, когда царь ее Киаксар мог осаждать Ниневию (630 г.). Напор скифов спас Ассирию, оттянув мидийские войска, которым пришлось уже боротся за само-

стоятельность своего государства. Перевес оказался на стороне скифов; хотя и не надолго. Разгромив Мидию и тем на некоторое время освободив старую Ассирию от захватных тенденций молодого соперника, скифы двинулись через Сирию в Палестину и дошли до Египта. Пребыванию их на восточных берегах Средиземного моря, около 626 года, посвящены жалобные тексты пророков Иеремии и Иезекииля, с ужасом взиравших на движение Гога и Магога, своим грозным потоком сметших мусков и тубалов.

Центр внимания сосредоточивается теперь на скифах и, может быть, именно страх перед ними и слабость Мидии, страны к тому же только что перед тем покушавшейся на самостоятельность еще уцелевших держав Востока, принудили Биайнского царя Сардура, очевидно преемника Русы, последовать прежним примером своих предшественником и взять равнение не на молодые державы, а на старую Ассирию, еще казавшуюся мощным государством вопреки всем переживаниям. В своих анналах Ашурбанинал упоминает о том что Сардур царь Урарту, отцы которого, цари, считали себя в братских отношениях с его, Ашурбанипала, отцом, внял громким деяниям, ниспосланным великими богами на его долю. „Подобно сыну он, как к отцу, обратился ко мне со словами „владыка". Он сказал: „привет царю, моему владыке" и, полный почитания и покорности, обратился ко мне с богатыми дарами", Таким образом, Биайна понизилась в дипломатической иерархии, и царь ее оказался уже не „братом", а „сыном" царя Ассирии.

Биайна-Урарту и на этот раз промахнулась. Около 626 года умирает Ашурбанипал, и Ассирия сама переживает тяжелые годы скифскаго вторжения.

Еримена.

Датировка царствования последняго правителя Биайны, Русы III, определяется Бельком и Леманн-Хауптом. Она же повторена и Холлем в его последнем издании истории Ближнего Востока, 1924 года. Царствование Русы ими относится к годам 605—585, причем промежуточное время, между концом правления Сардура IV и началом царствования Русы, то-есть, приблизительно, года 620—605 падают на предшественика его, каковым и считается отец Русы, Еримена, хотя ни одного кли-

нописного памятника этого царя до нас не дошло, и он, как царь Биайны или Урарту, не упоминается ни в каких письменных источниках. Впрочем, в этот промежуток времени, между 620 и 605 годами, разыгрываются вне пределов древнего Вана столь крупные события, что имя Биайны и ее правителя смело могли остатся в тени и не быть отмеченными историком, поглощенным крушением старого мира Передней Азии.

Тысячелетние державы Востока доживали свой век, и на смену им должны были образоватся новые государственные центры. Наступившая переходная пора создала весьма благоприятную почву для самых разнообразных формаций, и более жизненным организмам суждено было занять место гибнущих царств. Вопрос только в том, кто именно из них, из молодых организмов, окажется действительно жизнеспособным и кто сам погибнет в вихре событий, блеснув на время своим, казалось бы, сильным государственным телом и исчезнув засим, оставив по себе лишь память более или менее яркую. Такими жизнеспособными организмами не были ни скифы ни киммерийцы. Им не суждено было на развалинах старого мира Передней Аэии создать новое государственное образование. Они были только предтечами мимолетными, хотя и грозными.

Киммерийцы сыграли свою роль и отошли со страниц истории. О судьбе их известно только то, что внук лидийского царя Ардиса, сын Садйатта, царь Лидии Алиатт (615-565 г.) нанес им сильнейшее поражение, сверг их гегемонию над своею страною, и рассеянные гимирра прекратили свое существование. Но слишком крупные переживания, захватившие весь ближний Восток, пронеслись над погибшим народом, к тому же слишком молодым, чтобы иметь свое историческое прошлое, и слишком слабым, чтобы использовать момент. Конец VII века не имел времени и желания заинтересоваться павшим кратковременным деятелем. О дальнейщей судьбе так ничего и не известно. Были, не пережили и исчезли.

Пребывание скифов в Передней Азии затянулось несколько долее. Но, если и правильны сведения Страбона о том, что они были разбиты лишь незадолго до столкновения Мидии с Лидией, то-есть между 600—590 годами, то все

же вне сомнения, что власть их над Мидией была не столь долговременною и едва ли могла продолжаться даже те 28 лет, о которых говорит Геродот. Нашествие на Мидию скифов имело место около 630 года, когда Киаксар Мидийский осаждал Ниневию, между тем, уже 18 лет спустя, в 612 году, Мидия представляет настолько сильную державу, что от ее ударов гибнет Ассирия. Заканчивается историческая роль и переднеазиатских скифов, разбитых мидийцами, вероятно, тоже рассеявшихся по стране и вошедших в состав новых формирований этнических масс. Впрочем, мы знаем, что скифы в другом месте оказались все же весьма жизнеспособными и создали там государство, поэтому переходный период VII-VI веков отметил ликвидацию их пребывания в странах Древнего Востока, но отметил очень порерхностно, и позднейшие историки занесли в свои сказания легенду о возвращении их по родину, на юг России. Легенда эта попала и к Геродоту.

На расшатанной киммерийцами и скифами почве быстро выростает авторитет Лидии и Мидии. Мидийский царь Киаксар, в союзе с первым халдейским царем Вавилона Набополассаром, в 612 году берет Ниневию, разрушает ее до тла, и ассирийская держава, в судорожном биении своего мощного когда-то тела, доживает последние дни в каком то другом месте. Теперь, с падением Ассирии, на некоторое время главенство над югом переходит к халдейскому Вавилону, а север до Тигра и Галиса подпадет под власть Мидии.

Борьба с Ассириею была для молодой Мидии событием первостепенного значения и, естественно, что все военные силы ее и ее союзников должны были сосредоточиться на этом решительном шаге. Между тем, исторические источники ни одним словом ни оговариваются об участии Биайны в мидийских войсках. Повидимому, Биайна продолжала и теперь прежнюю свою политику отсиживания в пределах границ своего царства. Но это не спасло ее: более молодая, чем Элам, Вавилон и Ассирия, она все же органически тяготела к старому передне-азиатскому миру и была связана с ним, как младший по возрасту и по значению брат тех же великих держав Востока. Как член той же семьи отживавших свой век держав, она должна была погибнуть вме-

сте или в след за ними, и она погибла, весьма немногим пережив их.

Последние часы гибнущего народа всегда обращают на себя внимание, вызывая интерес к внутренним переживаниям, омраченным сознанием грядущей беды или, напротив, как бы игнорирующим приближающийся свой конец. С этой стороны представляют интерес и последние часы Биайны,

И как ни странным может показаться, но именно в последние часы Биайна вновь заговорила своими письменными памятниками и заговорила прежним гордым и спокойным языком.

Руса III сын Еримены.

Гористая местность юго-восточного берега Ванского озера вполне благоприятствовала построению столицы, так как подступы к ней сушею были прекрасно защищены горами, а дороги через них были открыты лишь мирному движению. Идущий ныне караванный путь с востока от Урмийского озера через Баш-кала был, как и теперь продолжает быть недоступен проходу вражеского войска. Другой путь, окружный, по дороге от Тавриза к Баязету и с поворотом почти от последнего сразу на юго-запад к Вану идет тоже хорошо защищенною гористою местностью и равным образом затруднителен для похода не мирного характера. По этим двум дорогам неприятельские полчища к Вану не шли. Единственный враг, видевший цитадели Тушпы, Тиглатпилессар III, противник Сардура сына Аргишти, проник к столице Биайны совсем другим и весьма сложным путем. Он шел с северо-запада через Мурад-чай, то есть Арсанис, прошел между Мушем и Мелазгердом и обогнул гору Сипандаг, вероятно попавшую в клинописные тексты под именем Иритиа. Отсюда ассирийские войска берегом Вана спустились к Тушпе. Но и этот единственный случай проникновения неприятеля, идущего по стопам стремительно отступавшего Сардура, лишь засвидетельствовал тонкую предусмотрительность биайнских правителей, давших возможность потерпевшему поражение царю укрыться и отсидеться за крепостными стенами, взять которые был не в состоянии даже ниневийский властитель. Вообще, вся история

древнего Вана подчеркивает особое значение гор, куда „как птицы" уносились разные правители злосчастных областей бывших земель Наири и куда скрылся, после неудачного сражения с Саргоном, сам Руса.

Вполне естественно, что пострадавшая при Тиглатпилессаре Тушпа, от которой может быть только одна цитадель и сохранилась после ухода ассирийских войск, начала обстраиваться в противоположную, защищаемую горами, сторону, именно к возвышенности Топрак-кала (земляная крепость). У подножия ее и выросло селение Русахина, получившее имя одного из первых царей этого имени, возможно, и самого первого, то есть ближайшего преемника Сардура, при котором пострадал город от вражеского нашествия. На долю Русы I выпало восстановление разрушенного города и потому построение Русахины может быть свободно ему приписано. Но Руса I сам потерпел поражение и, хотя Тушпа при нем не пострадала, но пострадал другой видный пункт халдского коллектива, и в нем, в Мусасире, погиб центр религиозного культа, религиозная столица царства, куда на поклонение направлялся еще Ишпуин после удачного завершения его сыном Менуей походов в восточный при-урмийский район. Гибель мусасирского храма не могла не отразиться на положении Тушпы. Если Мусасир продолжал оставаться в руках Ассирии, то и Халд тоже продолжал оставаться верховным богом биайнского народа и естественно, что местопребывание его должно было быть перенесено в другой политический центр. При обилии храмов бога Халда, строившихся в различных городах весьма обширного царства древнего Вана, требовалось центральное место его культа, и на роль такового теперь, за разрушением мусасирского храма, могла уже претендовать сама Тушпа.

Раскопки немецких ученых в Топрак-кала и исследовательская их работа над обнаруженными в руинах памятниками с неопровержимою точностью доказывают, что во вновь обстроенном городе уже при Русе II сыне Аргишти был храм бога Халда с торжественными посвятительными щитами. Обломки одного такого щита хранятся в Британском музее, ошибочно набитые там на общую подставку с фрагментами щитов Русы III сына Еримены. Оплошность хра-

нителей величайшаго музея мира вполне оправдывается тем, что подавляющее количеством число вещей из храмовых развалин относится именно к периоду царствования последнего. Вещи эти исключительного значения и свидетельствуют о времени процветания культа верховного божества, и время это приурочивается к конечным годам жизни самостоятельной Биайны.

Если храм бога Халда существовал в Тушпе уже при Русе II. то при Русе III он не только сохранился, но и подвергся значительным украшениям, и эти последние, до известной степени, проливают свет на состояние столицы накануне гибели царства Биайны. Почти весь ценнейший в археологическом отношении инвентарь храм Халда относится ко времени именно Русы III сына Еримены, и его царствование наиболее богато представлено памятниками материальной культуры. Раскопками в Топрак-кала найдены четыре щита этого царя. Щиты украшали храм бога Халда, выстроенного, вероятно, по образцу Мусасирского, который, судя по его изображению на Хорсабадском барельефе Саргона, имел тоже четыре щита, расположенные по два на краях главного фасада храмового здания снаружи его. Щиты Русы носят посятительную надпись, ясно указывающую на сакральное значение самого предмета: здесь, в сохранившемся тексте на щитах, царь Биайны говорит: „Милостью бога Халда владыки это святилище Руса сын Еремины соорудил в честь щитоносца бога Халда высокомилистивого, в честь Русы сына Еримены, царя могущественного, царя живущего в Тушпе-граде". Постановка Русою всех наружных четырех щитов как бы указывает на реставрацию храма и, действительно, найденный в нем инвентарь указывает на новую отделку его, и при том на отделку весьма пышную и художественную. Среди храмовых предметов обнаружены спускающийся на колени бронзовый бык с посвятительною на нем надписью Халду, там же найдены бронзовые с остатками позолоты статуетки грифонов, служивших некогда ручками трона, там же оказались браслеты, розетки и другие предметы украшения, свидетельствующие не только об избытке свободного времени для украшения столицы и ее храма, но и об известном материальном достатке, допускавшем роскошь в житейском придворным обиходе. С

этой стороны, царствование последнего Русы могло бы показатся даже завидным для других правителей Биайны, его предшественников. Жизнь Русы вырисовывается археологическими находками как окруженная богатством и довольством. Каким-то спокойным величием пышет из раскопок в Топрак-кале.

Но не одни только раскопки говорят о таком спокойном конце Биайны, то же самое свидетельствуют и две дошедшие до нас надписи Русы. В одной из них, найденной к тому же на севере, в Закавказье, у подножья скалы древнего Армавира, где еще Аргишти I построил резиденцию для халдского правителя северных областей, говорится о построении дворца из 1.432 камней. В другой надписи у сел. Тони близ города Вана, Руса, вероятно третий (отчество его в тексте не сохранилось) говорит о разведении садов и виноградников, о построении каналов для стока воды и бассейна, названного именем Русы и снабжавшего водою Тушпу, дворцы и окрестные земли. Надпись стоит около небольшого искусственно обстроенного водохранилища, носящего теперь имя Кешиш-гёл.

Судя по этим данным, мы находимся в каком то мирном и даже наслаждающемся довольством уголке, в котором воздвигаются дворцы, заново украшаются храмы, разбиваются парки и сады, проводятся оросительные каналы, водопроводы. И эта мирная жизнь резким контрастом вклинивается в ту бурю, которая продолжает разыгрываться снаружи, достигая максимума своего напряжения. Пали киммерийцы и скифы, пало ассирийское царство, остались лицом к лицу два новых властелина судеб Передней Азии, Лидия и Мидия, но и они столкнулись. Войска их в 585 году сходятся для решительного единоборства. Алиат лидийский борется с Киаксаром царем Мидии. Сражение разыгрывается при реке Галис, но в разгар его наступает солнечное затмение, и бой приостанавливается. Засим, при энергичном вмешательстве Киликии и Навуходоносора вавилонского, происходит примирение, и Передняя Азия делится между столкнувшимися соперниками. При этом дележе окончательно решается и судьба Биайны, а в 550 г. для Передней Азии наступает новая эра: Кир берет Экбатаны.

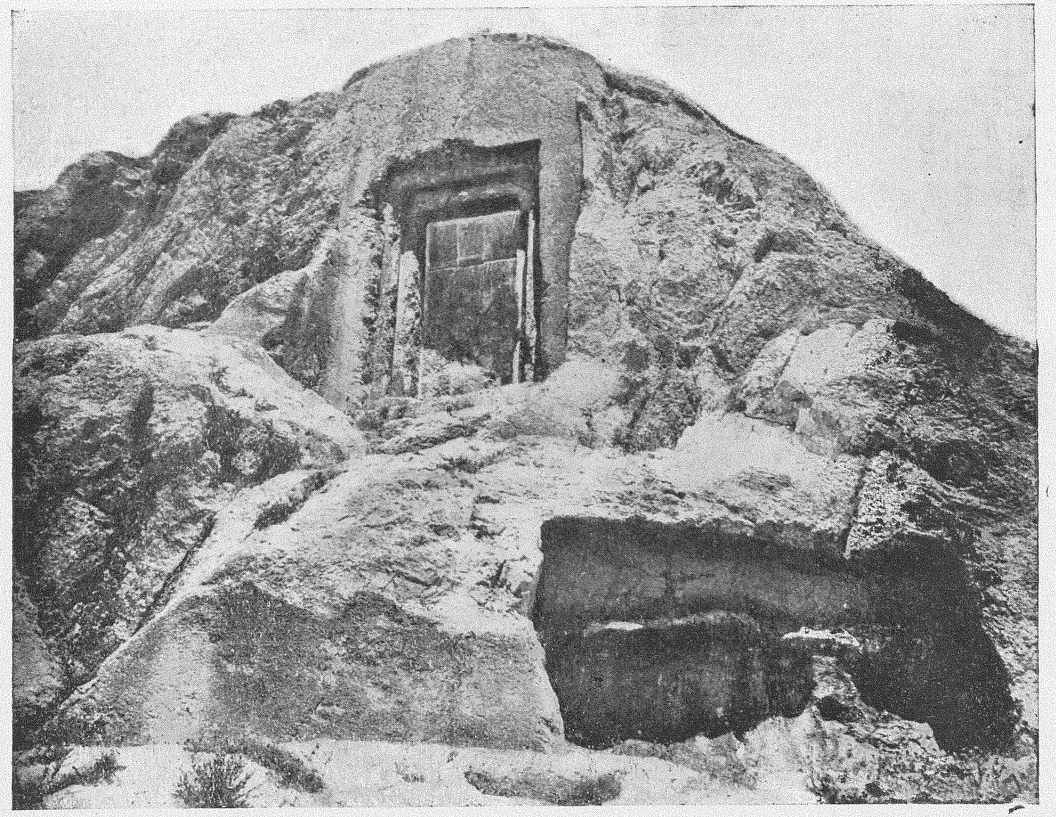
Пали великие державы древнего Востока, закончился и переходный период.

Внешний вид надписей.

Халдские клинописные памятники почти все начертаны на камне.

Целый ряд надписей имеется на базах колонн больших дворцовых или культовых сооружений. В тексте таких надписей всегда упоминается имя правителя: „такой-то сын такого-то этот храм (или дворец) соорудил". Надпись обходит базу колонны кругом, и последние слова фразы точно подогнаны к начальным, оставляя небольшое место для двух вертикальных линий, отделяющих конец надписи от ее начала. Таким образом, получается непрерывный круг, заполненный знаками одинакового размера и очень тщательной, аккуратной работы. Надпись обычно повторяется на той же базе иногда два, иногда три раза, причем одинаковые клинописные знаки всех двух или трех рядов точно расположены один под другим. Между строками обыкновенно идут тоже две, на этот раз уже горизонтальные линии.

Громадное количество надписей начертано на типичных халдских строительных камнях совершенно ровных и обработанных в виде параллелепипедов, весьма массивных и потому большой тяжести. Очевидно, надписи эти вставлялись в кладку при сооружении зданий. И без того довольно хорошо обработанный камень еще тщательнее сглаживался в месте предназначенном для надписи, вследствие чего нередко получалась своего рода углубленная площадка с выступающею по краям рамкою. Такого вида строительные камни с клинообразными надписями часто обнаруживаются совсем не в том месте, где они должны были находиться, так как отжившее свой век урартское сооружение обрушивалось, и камни растаскивались жителями соседних селений для новых их построек, удаляясь таким путем иногда на весьма далекое расстояние от места древнего строения. Это, между прочим, широко применялось к Армавирским постройкам халдской резиденции Аргиштихинили близ Сардарабада, сильно от того пострадавшим. Мало этого, такие камни часто вставлялись в новые кладки и далеко не всегда надписью наружу, вследствие чего много их осталось и, может быть, еще надолго останется не обнаруженными. Эти камни, благодаря прочности и удобству их использования, употреблялись населением также как ступени



Ван. Надпись Мехер-Капуси.

лестниц, приступки, иногда просто бросались во дворе для сидения. Один такой камень служит алтарем в церкви св. Павла в Ване. Наблюдается много случаев позднейшего выдалбливания в камне довольно значительного углубления для хранения воды и в других хозяйственных целях.

В некоторых случаях клинописец не ограничивался наложением знаков на одной только стороне камня и покрывал ими иногда одну, иногда две боковые стороны, а иногда и все четыре. Но в этих случаях камень по типу своему уже отходит от форм строительных. Здесь используется камень меньшего размера, придается ему четырехугольная отделка и в кладки, очевидно, он не вставлялся. Тут надпись иногда идет по одной стороне камня сверху вниз и продолжается по другой самостоятельными строками, но есть случаи, когда строка не прерывается углом камня, а непосредственно переходит через него и продолжается по следующей стороне.

Несколько надписей, начертанных в том же виде, покрывают камень, отделанный в виде четырехгранной колонны. Таковые обычно называются стелами, по-халдски пулужами; такой вид имеет и открытая в 1916 году экспедициею Русского Археологического Общества летописная надпись Сардура сына Аргишти, покрывающая сплошь, сверху до низу все четыре стороны стелы, образуя четыре отдельных столбца. Но текст надписи здесь, на этих четырех сторонах колонны, не уместился, и летописец использовал еще другой камень, подставленный под стелу в виде пьедестала. На нем он использовал только одну лицевую сторону и закончил текст на стене за стелою. Отдельный клинописный текст покрывал и восточную стену ниши, в которую был водружен весь этот памятник. Он один только и занимал всю нищу, которая имеет ширину 2,10 метров и глубину 2,30 метров. Пьедестал стелы представляет собою квадратный монолит, размер которого в метровом измерении представляет ширину в 1,56 и вышину 1,08. Сама стела довольно высокая и при толщине в 0,46 имеет ширину в 1,00 и и вышину 2,27, низ ее поврежден. Как видно из приведенных обмеров, мы имеем здесь памятник весьма значительной величины.

Наконец, целый ряд надписей начертан непосредственно на диких камнях и скалах. В этих случаях надпись сохранялась на месте, причем выравнивалась только площадь для самой надписи. Работа по нанесению клинописных текстов подобного рода представляла значительные трудности, которые как будто бы умышленно осложнялись тем, что выбиралось место скалы наиболее недоступное человеку. В частности именно такой характер носит надпись у Севангского озера близ селения Кёланы-Кирланы, которую с большим трудом и со значительной для жизни опасностью эстампировал и фотографировал Ивановский после ряда бесплодных в этом отношении попыток со стороны немецких ученых. Надписи на скалах достигают иногда, хотя и редко, даже весьма значительных размеров, так, сакральная надпись Мехер-капуси, помещенная в нише горы ры Земзем-даг близ Вана, достигает 94 строк, а известная Хорхорская летопись Аргишти, высеченная в пещерах Ванской скалы, доходит в некоторых своих столбцах до 81 строки. Работа по гравированию таких надписей была весьма ответственна и требовала большого умения отдельных специалистов, несомненно существовавших для выполнения такого рода заданий. Затруднение же доступа к надписи, в частности помещение ее на большой высоте над обрывами, в пещерах и нишах, может быть, указывает и на то особое ее значение, не допускавшее близко к ней каждого смертного, а, может быть, об'ясняется желанием предохранить ее от умышленной порчи или осквернения, от чего предостерегает и текст самих надписей, их конечная формула проклятия, грозящая смельчаку небесною карою: „Тот кто на эту надпись покусится, тот кто ее похитит, тот кто ее с землею сравняет, тот кто ее осквернит, да разгневаются на него боги Халд, Тейшеба и Арди и, обнаружив имя его, предадут огню и воде город его, семью его и все имущество".

Все эти надписи имеют официальный повествовательный характер, в них отмечается завершение определенного события, или удачное выполнение похода, или удачное окончание строительных работ. Есть и отдельные, своего рода законодательные тексты культового значения, в которых указывается, каким богам,—а таковых у халдов было большое количество,—какого рода жертвы и в каком числе

должны быть приносимы, такова упомянутая выше совместная надпись Ишпуина и Менуи в нише Мехер-капуси. Несомненно существовала и служебная переписка, но она почти до нас не дошла, за исключением одной, найденной в Топрак-кале таблетки, адресованной Русою Ишкигулскому правителю; есть еще в Эчмиадзинском музее один кирпич с надписью, впрочем, вызывающий некоторые сомнения в своей подлинности. Что же касается частной переписки, то таковой не найдено вовсе.

Засим следует упомянуть о нескольких глиняных сосудах, носящих на себе клинописные знаки, и бронзовых культовых изделиях из храма бога Халда в Тушпе (раскопки Топрак-кала), тоже снабженных надписями, как то бронзовые щиты и коленопреклоненный бык.

Текст надписи идет обычно сплошным рядом от начала до конца, но есть несколько случаев, когда тот же самый текст повторяется два раза, таков, между прочим, и текст надписи ниши Мехер-капуси. Эти параллельные тексты имеют большое значение в деле дешифровки халдских текстов, так как в них иногда раскрывается чтение идеограмм, написанных в одном случае условным знаком, а в параллельном тексте фонетическим начертанием, то есть полным словом.

Что касается размера надписей, то они в большинстве случаев не достигают большого числа строк, и некоторые имеют только от 3 до 10. Правда, значительное количество несколько длинее, но едва переходит 50 строк. Только очень ограниченное число надписей достигает сотни строк, например, сакральный текст ниши Мехер-капуси имеет 94 строки, но и то в обоих своих параллельных текстах. Лишь две надписи значительно переходят это число, но обе они представляют собою летописные своды. Один из них почти сто лет тому назад найден Шульцем и опубликован в 1840 году в Journal Asiatique, находится он в Хорхорских пещерах Ванской скалы и в восьми своих столбцах достигает 378 читаемых строк. Этой надписи Аргишти сына Менуи придается особое значение, она ставится Б. А. Тураевым в ряд с величайшими надписями правителей Ассирии, Персии и Египта. Второй летописный свод, Сардура сына Аргишти, найден в 1916 году в западной нише Ванской скалы во

время производства раскопок экспедициею Русского Археологического Общества. Она имеет на четырех сторонах стелы 221 строку, но с содержанием стелы непосредственно связаны текст пьедестала в 32 строки и две надписи на стенах в 29 и 13 строк. Таким образом, вся летопись Сардура, в общем ее об'еме, то есть, считая стелу, пьедестал и обе надписи на стене, достигает 295 строк, при чем на двух широких сторонах стелы, на ее пьедестале и на стенах ниши, строки надписи значительно длиннее строк Хорхорских аннал. Но оба летописных свода, и Аргишти и сына его Сардура, представляют собою именно анналы, а число таковых должно быть весьма ограниченно. Повторяю, пока их найдено только два.

Как ни старались халды обезопасить свои клинообразные тексты от порчи рукою чужеземца, это им в полной мере не удалось, несмотря даже на грозную формулу проклятия. Многие клинописные памятники в значительной мере пострадали от нанесения на них армянских крестов, которые врезывались прямо в клинописный текст.

Графика.

Халды не имели своего собственного письма, то есть ими выработанных клинописных знаков, и древнейшие их клинообразные тексты, как то две надписи Сардура сына Лутипра, середины IX века, находящиеся у Вана, начертаны ассирийскими знаками на ассирийском языке. Ассирийская клинопись осталась за халдами и тогда, когда они перешли к написанию текстов на собственном языке, и эта система знаков сохраняется в халдской-урартской письменности без изменения, начиная с последней четверти IX века, с Ишпуина и до начала VI века, до правления последнего царя Биайны, Русы сына Еримены. Перейдя к письму на собственном языке, цари древнего Вана почти игнорировали ассирийскую речь, и только в одиночных случаях, как бы на зло ассирийцам, описывая свои над ними победы, они помещали параллельные халдско-ассирийские тексты. В таком виде дошла до нас надпись Русы I у Тонсана в Гордиенах.

Заимствовав ассирийскую клинопись, халды упростили ее, взяв за каждым клинописным знаком одно, редко два значения. Зато они широко использовали ассирийские идео-

граммы, чем, впрочем, значительно затруднили чтение, так как произношение идеограммы, очевидно, было уже не ассирийское, а халдское. Только в очень немногих случаях, в параллельных текстах, появляется замена идеограммы полным начертанием клинописными знаками, в большинстве же чтение их так до сих пор и остается темным.

Что касается до внешнего изображения знаков, то таковое подверглось некоторому изменению, но только в самом их начертании, повидимому, в зависимости от того материала, на котором, главным образом, пришлось работать халдскому мастеру. Материал этот, камень, не поддавался ассирийской манере письма знака с глубокою головкою и тонкою ножкою, здесь на камне пришлось, по техническим условиям, равномерно сужать знак к его концу, что дало ему форму клина, заостренного в конце. При этом в начертании пересекающихся знаков халд был не постоянен: то он пересекал вертикальный клин горизонтальным, то не пересекал его, разбивая горизонтальный знак на две части, отдельно, начиная его до встречи с вертикальным и после него. Эти две манеры письма дали повод усматривать в них палеографические особенности и одну манеру считать древнее другой. Но наблюдение это пока ни каким положительным выводам не привело, так как тексты с обоими системами письма нередко совпадают хронологически и потому, пока, затрагивать вопросы о халдейской палеографии на приходится, и определять древность надписи по внешним особенностям ее начертания еще не удается.

Текст надписи всегда идет по горизонтальной линии слева направо, причем перенос слов со строки на другую не допускался. Этим об'ясняется кажущийся иногда неряшливый вид текста, вообще весьма старательно и аккуратно выведенного. Дело в том, что писец не всегда точно высчитывал число знаков строки, и ему, при запрете переноса слов, приходилось иногда суживать, иногда разгонять промежутки между знаками и сами знаки, к тому же он обходил неровности поверхности, если таковых неудавалось совершенно устранить предварительным сглаживанием площади, предназначенной для заполнения клинописным текстом. Поэтому же начало строки всегда шло от намеченного места, и левая сторона надписи, ее левый край, безукоризненно

ровен, тогда как концы строк расходятся. Может быть, по тем же причинам писец вставлял и те излишние при слоговых знаках повторения гласных, которые часто смущают своим присутствием, поместив знак „те“ он ставил еще один гласный „е“, Возможно, что этим вовсе не всегда придавался оттенок долготы гласного и что нередко это явление об'ясняется чисто техническими условиями. Равным образом, есть случаи, когда одинаковые по ширине строки, всегда разграфленные, вдруг сильно уменьшаются к концу надписи, в которую писец должен был втиснуть весь текст, им плохо рассчитанный по строкам. Он, очевидно, не всегда, особенно в длинных надписях, мог предварительно сообразить число строк, графление же им производилось построчно. С этой стороны халдские надписи довольно однообразны, только в одном случае, на отдельных фрагментах сосуда, Н. Я. Марром усмотрена возможность чтения знаков не по горизонтальной линии слева направо, а по вертикальной сверху вниз но этот исключительный случай требует еще поверки.

Другою общею особенностью начертания всех клинообразных письмен, являетсяслитное написание слов, и только в строчку же поставленные детерминативы, всегда помещаемые перед собственным именем, племенным и географическим названием, дают явное начало слову, но и эти детерминативы в своем начертании сходны с начертанием слоговых знаков.

Заканчивая настоящий краткий обзор общего характеристического внешнего вида халдских клинописных текстов, приходится, безусловно, дать положительную им оценку. Мастер-писец несомненно употреблял все свое старание и умение к придаче красивых форм надписям, и это вполне естественно по самому их характеру, как торжественных надписей халдских царей, воздвигавших их в исключительных случаях военных или строительных успехов, а прочность материала сохранила нам прекрасные их образцы, подвергшиеся порче обычно только по краям, и лишь сравнительно немногие пострадали полностью,

Приводя дальше алфавит халдской клинописи, считаю не лишним предварить его несколькими словами: большинство знаков имеет слоговое чтение с гласным и согласным,

немногие имеют два согласных и один гласный и весьма ограниченное число их служило для обозначения одного гласного звука, при чем гласный „о“ вовсе отсутствует в клинописных знаках, двоякое же начертание для „у“ дает основание у одного из них усматривать наличие придыхательного звука, повидимому в халдской речи исчезнувшего, так как писец путает оба знака и пользуется ими для обозначения одного и того же звука. Идеограммы и детерминативы выделены мною особо, но когда фонетический знак совпадает с идеографическим, то об этом в алфавите, для придачи большей легкости к его использованию, делается оговорка. В тех же целях клинописные знаки расположены мною в порядке начертания клиньев, начиная с малого горизонтального.

При чтении знаков я пользуюсь яфетической транскрипциею как наиболее удобною по самой своей системе. В ней аффрикаты, то есть сложные звуки, обозначаются надстрочными и подстрочными знаками, поэтому пришлось уничтожить точки над латинскими „i“ и „j“, то есть над звуками простыми, поэтому же для звука „ш“ вводится русская буква, а не обычное s̆, в котором надстрочный знак обозначал бы сложный звук, каковым он не является.

В общем, изменения в транскрипциях в части имеющей отношение к халдской клинописи, выражаются в следующем

Обычная западная транскрипция	Яфетическая транскрипция
i	i
j	j
s̆	ш
h̆	q̇

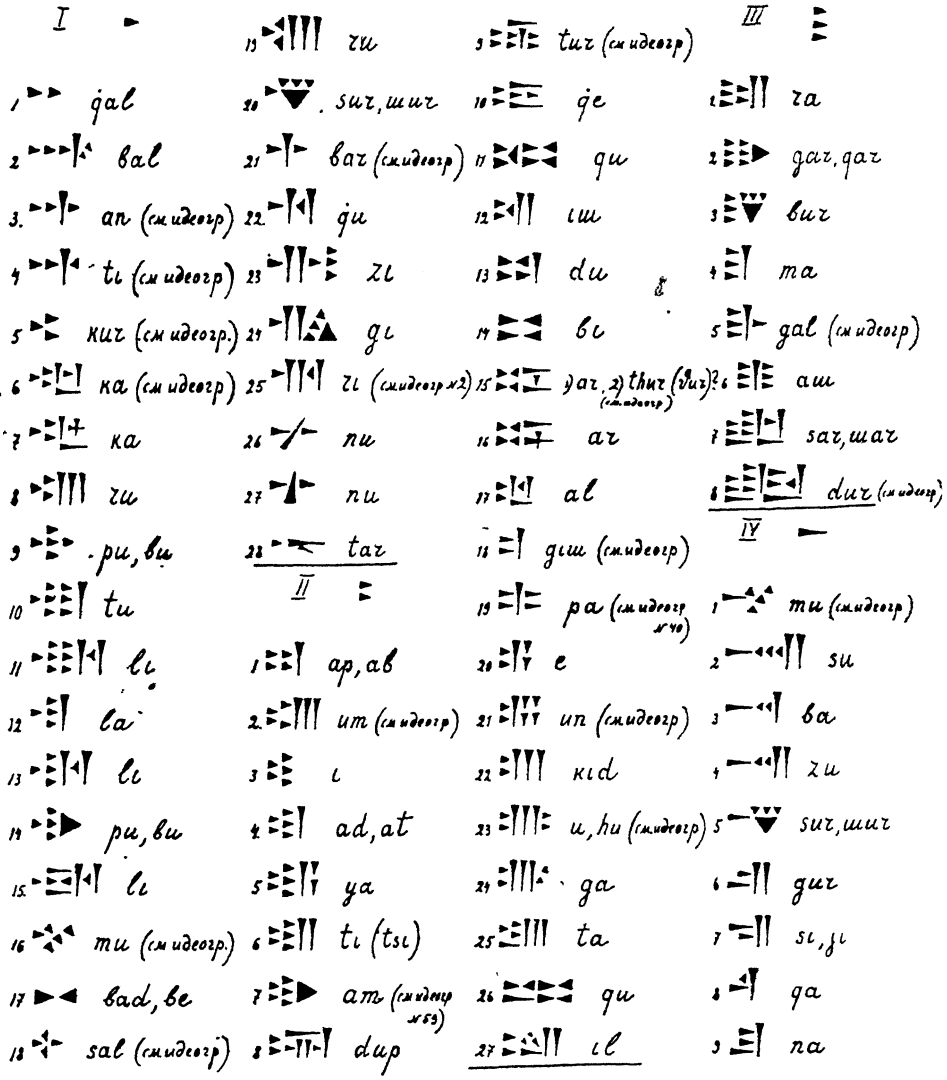
Буква ḳ могла бы быть сохранена и в яфетической транскрипции халдских звуков, но не будучи уверен в ее аффрикативности, я заменяю ее заднеязычным средней звонкости q.

В остальном латинский алфавит обоих транскрипций совпадает.

КЛИНОПИСНЫЕ ЗНАКИ
(В ПОРЯДКЕ ЗНАЧЕНИЙ)

a 	*zu* 	*pa* 	*qa* 	*bar*
e	*ka* 1) 2) 	*pi*	*qi* 1) 2) 	*bir*
i 	*ki* 	*pu, bu* 1) 2) 	*qu* 1) 	*gal*
u 1) 2) (*hu*)	*ku* 	*ap*, см. *ab*	2)	*gar, gar*
ya	*la* 	*ip*, см. *ib*	*ša* 	*giš*
za 1) 2) 	*li* 1) 2) 	*ji, si* 	*še*	*gur*
ba	3) 	*za* 	*ši* 	*dur*
be, bad 	*lu*	*zi*	*šu*	*kar*
bi	*al*	*zu* 1) 2)	*aš*	*kid*
bi, pi 1) 2)	*el, il*	*ar* 1)	*iš* 1) 2)	*kir* 1) 2)
ab, ap	*il*	2) 3)	*uš*	*lib*
ib, ip	*ma*	*ir*	*ṭa* (*ḏa, dha*)	*nin*
ga	*me, mi*	*ur*	*ṭu* (*ḏu, dhu*)	*sar, šar*
gi	*mu*	*sa*	*ṭa* (*tsa*), см. *za*	*sur, šur*
gu	*am*	*si, ji*	*ṭi* (*tsi*)	*tap*
da	*im*	*su*	*ṭu* (*tsu*)	*tar*
di	*um*	*ta*	*ḳa*	*tin, din*
du	*na*	*te*	*ḳe*	*uar*, см. *sar*
ad, at	*ni*	*ti*	*ḳi*	*uir*, см. *sur*
id, it	*nu*	*ṭu* 1) 2)	*ḳu*	*ṭur* (*dhur*)?
za	*an*	*at*, см. *ad*	*bad* (*be*)	*gal*
zi	*un*	*it*, см. *id*	*bal*	*ǧar*

КЛИНОПИСНЫЕ ЗНАКИ
(В ПОРЯДКЕ НАЧЕРТАНИЙ)



10 am (см идеогр)
11 tha, the (ða, ðe)
12 du
13 ni (см идеогр)
14 ши (см идеогр)
15 ir, sa
16 tap
17 iш
18 id, it
19 gar, qar
20 da

V

1 киг (см идеогр)
2 ше
3 te
4 kar

VI

1 tu (см идеогр)
2 pi
3 iш
4 li6

VII

1 qi
2 ša
3 im (см идеогр бога)
4 qar
5 qi
6 ša

VIII

1 и (см числит)
2 ul
3 ki
4 ши (см числит)
5 ar
6 di
7 tin, din

IX

1 sal (см идеогр)
2 gu
3 qi
4 qi
5 ip, iв
6 ки
7 lu (см идеогр)
8 ur
9 ши (см идеогр)

X

1 za
2 qa

XI

1 ша
2 thu (tu, ðu)

XII

1 me, mi (см числит)
2 nin
3 tu (tsu)
4 gu
5 el, il
6 a (см идеогр)
7 ar

ДЕТЕРМИНАТИВЫ

1 бог
2 город
3 дерево
4 народ, человек
5 животное
6 страна
7 дет лица (см числит)
8 а) б) с) женщина
9 женщина, женщины

ИДЕОГРАММЫ

1 бог
2 бож Сар (Шар)

3. небеса
4. бог Те-
ишба (Тейшеба)
5. бог Арди
(Солнце, день)
6. бог Селар-
ди (Месяц)
7. уста, рот
8. язык, племя
9. питание, пища
10. город
11. месяц
12. раб
13. поле, нива
14. год
15. род ору-
жия, копье, стрела
16. или
вой, жизнь
17. живой, со-
храненный живым
18. 1) господин, вла-
дыка, 2) милость
19. правi-
тель области
20. 1) половина, 2) всего
21. 1) всего, 2) враг,
враждебный
22. ворота
23. надпись
24. надписи
25. царь
26. дитя, малый
27. ворота
28. бронза
29. жертва, жер-
твенный
30. человек, народ
31. люди
32. вино
33. дитя, мальчик?
34. дерево
35. виноградник
36. острое
оружие, стрела, копье
37. лес
38. лук
39. оружие
40. пастух
41. бык, рогатый скот
42. бычек
43. дикий бык
44. народ, мн. т. люди
45. могущественный
46. пища
47. дом, храм
48. ?
49. дворец
50. всад-
ник, верховая лошадь
51. человек, мужчина
52. бок, сторона,
граница
53. большой
54. мина
55. царь
56. стена
57. дар, давать
58. жизнь, живой
59. дикий бык; буй вол?
60. слон
61. мясо
62. делать, строить,
строение
63. масло, елей
64. 1) мужчина, муж-
ской, 2) шестьдесят
65. камень
66. поле, нива
67. страна

68. Ассирия милостивым

69. лес

70. воин, солдат

71. пеший воин

телохранитель

72. солнце, день

73. 1) знак множества, 2) много

74. лошадь

75. мул?

76. верблюд

77. корова

78. самка дикого быка; буйволица?

79. царь (см. числит.)

80. золото

81. серебро

82. провиант

83. милость, битв

84. женщина

85. 1) овца, 2) жертва

86. ягненок

87. иметь

88. ? вид сооружения

89. 1) вселенная, все, множество, 2) раз, -крат

90. сжигать

91. знак множества

92. женщина

93. знак множества (ср. числит.)

94. 1) вода, 2) сын

95. река

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ.

	1		25
	2		30
	3		40
			50
			60
	4		70
			80
			90
	5		95
	6		знак-детерм. сотен
	7		100
			127
	8		200
			709
	9		знак-детерм тысяч
			4312
	10		25.179
	20		

Об'яснения к таблицам халдского алфавита.

Составленные мною таблицы несколько расходятся с обычно принятыми в ассириологии. Следуя по пути, намеченному акад. Н. Я. Марром, я, в части графического распределения клинописных знаков, основывался на особой их системе написания в текстах халдских памятников, обычно избегающих пересечения клиньев, доводя горизонтальные клинья до встречи с вертикальными и возобновляя их в виде самостоятельных клиньев после таковой встречи. В результате халдской манеры графики, такие знаки, как напр. II 19, получили форму сочетания пяти клиньев: двух горизонтальных до вертикального и двух таких же после него, вместо обычного ассирийского построения из трех клиньев, два из которых, горизонтальные, пересечены одним вертикальным. Правда, в халдской клинописи встречаются и пересечения, некоторые надписи начертаны сплошь из пересекающихся линий в тех случаях, где они налицо и в ассирийском, но такие надписи сравнительно редки и тонут в общей массе той раздельной системы написания, которой я и следую в настоящей своей работе. Это не новшество с моей стороны,—так обычно и поступают халдоведы, давно отметившие такую особенность. Но руководствующийся составленными мною таблицами должен помнить указанную отличительную черту халдской графики и учесть ее не только при сличении знаков с ассирийскими, но и в тех сравнительно редких случаях, когда ему попадет в руки и халдский подлинник или точное его воспроизведение, имеющее знаки из пересекающихся клиньев.

Учитывая означенную особенность в письме халда, я, для легкости в нахождении знаков, разместил их строго по внешнему их начертанию, благодаря чему некоторые ассирийские пересекающиеся знаки попали у меня, уже в халдской их передаче, в общую группу с малыми начальными клиньями, по характеризующим особенностям первых клиньев, разбившихся на малые взамен длинного ассирийского. Благодаря этому в моих таблицах выделились в особую группу длинные клинья там, где они имеются налицо в самом халдском письме. Поэтому же мне пришлось ряд знаков, напр. I 16 и IV 1, привести два раза, поместив их в

разные группы в зависимости от того, что, в некоторых случаях, начальный клин иногда пишется большим, а иногда сокращается в малый горизонтальный или в малый вертикальный (ср. IX 2 и XII 4).

Соблюдая в основе ассирийскую классификацию знаков Делича с упомянутыми выше от нее отступлениями и с разделением знаков на группы, у меня получилось таковых двенадцать, по характеру первых клиньев: малый горизонтальный (I группа), два малых горизонтальных (II группа), три малых горизонтальных (III группа), длинный горизонтальный (IV группа), один косой (V группа), два косых (VI группа), три косых (VII группа), угол, получивший в халдской графике форму треугольника (VIII группа), малый вертикальный (IX группа), два малых вертикальных (X группа), три малых вертикальных (XI группа) и большой вертикальный (XII группа).

Вне групп оказался только один знак аг, помещенный мною в самом конце слоговых знаков после группы XII с последовательною нумерациею (7) для легкости его обозначения. Он отмечен Сэйсом как редко встречающийся знак.

Для удобства ссылок я перенумеровал группы латинскими цифрами, а знаки в пределах групп арабскими.

Ищущий знак обращает внимание на первый клин знака и по нему находит его в соответствующей группе, в пределах которой знаки расположены в той же последовательности следующих клиньев, то есть горизонтальных, косых, углов и вертикальных. Некоторое сомнение в отнесении к точно определенной группе возбуждают знаки, начинающиеся с малого и под ним большого горизонтальных (II 25, 26) или двух малых и под ними большого горизонтального же (III 7, 8). Они мною помещены в группы двух и трех начальных горизонтальных клиньев (II, III). В группу длинных горизонтальных (IV) я отнес только те знаки, которые выступают вперед своим длинным клином в общей их группировке. или помещаются в верху знака, то есть опять таки занимают первое место (IV 13—15). Равным образом, вертикальные клинья, не заполняющие всей строки сверху до низу, а упирающиеся в головку горизонтального клина, помещены мною в группу малых вертикальных (IX 3—8 и XI 2). При разбивке групп IX—XI следовало бы знак IX 8

отнести к X группе, но он оставлен мною в девятой для сохранения в следующей лишь знаков, имеющих малые верхние клинья-углы. Разбивка же малых вертикальных клиньев на три группы (IX—XI) проводится мною в точном соответствии с такою же разбивкою малых горизонтальных.

Идеографические знаки мною разделены, как это обычно и делается халдоведами, на детерминативы и идеограммы, которые размещаются в той же последовательности чередования клиньев. Знаки эти пополнены по фотографиями халдских надписей Яфетического Института Академии Наук и Сардуровским летописям (Надписи Сардура Второго из раскопок ниши на Ванской скале). Числительные выделены в особый отдел, причем два знака условно названы мною детерминативами (для сотен и тысяч). Такое их наименование не совсем точно. Это, собственно, не детерминативы, к тому же в халдской клинописи детерминативы ставятся перед определяемым ими словом, здесь же знаки сотен и тысяч стоят после цифр, с которыми они связаны. Но, с другой стороны, это и не идеограммы, так как последние имеют самостоятельное значение, выражая условным знаком определенное понятие, между тем, тут знаки, взятые в отдельности, имеют означение только слоговых знаков (XII 1 и VIII 4) и вовсе не значают ни сотен, ни тысяч. Они являются таковыми только тогда, когда им предшествуют цифры (см. об'яснение к числительным). Таким образом, идеограммою скорее всего оказывается вся совокупность и цифр и этих знаков, но вовсе не они, взятые в отдельности. В виду указанной особенности, отмеченные знаки сотен и тысяч внесены мною в рубрику числительных и не упомянуты в предшествующих им рубриках детерминативов и идеограмм.

Я не преследовал, и не мог преследовать, цели дать в таблицах палеографический обзор халдской клинописи, поэтому пользующийся моею книгою пусть не претендует на меня за то, что я не оттенил всех индивидуальных особенностей каждого писца, например, сокращающего иногда длинные клинья в короткие, выделяя таким образом на первое место другие клинья того же знака, что в некоторых случаях бывает со знаками (IV 13—15); в таковом их напи-

сании знаки эти должны были бы попасть в I группу, но они мною не включены в означенную группу, так как мы имеем тут не особенность самого знака, а только особенность данного писца. Равным образом и косые знаки иногда выпрямляются писцом в горизонтальные, но это является закономерным лишь для немногих знаков: I 5=V 1, и т. д.

Таблицам с распределением знаков по графическому их изображению предпослана мною таблица с их же распределением по фонетическому чтению в алфавитном порядке значений, принятом в яфетидологических работах. Следуя яфетидологической транскрипции, я не помещаю точек над i и j, так как надстрочные и подстрочные знаки характеризуют в яфетидологической транскрипции сложные звуки (аффрикаты), каковыми не являются ни i, ни j. Таковым не оказывается и звук ш, для обозначения которого включается, в отличие от других транскрипций, русская буква. Точки, следуя нашей системе, мною поставлены, применительно к халдскому алфавиту, только над аффрикатами ṭ (tsa,tsi,tsu) и над q̇ (близком к русскому х). Соблюдая транскрипцию Н. Я. Марра, я заменил также слабый спирант h, арабским ح. Велярное ассирийское ḳ мною условно передается в тех же знаках халдского письма через q, произношение которого на халдской почве в точности не устанавливается, как и многих других звуков. Впрочем, я, по той же причине, отнюдь не могу настаивать на соответствии этого условного q с яфетическим q средней звонкости. Наконец, к знаку, имеющему ассирийское чтение si (IV 7), добавляется еще чтение ji, устанавливаемое Н. Я. Марром на основании фонетических соответствий слов, в которых он встречается, напр. puluji „пулуж, стела“, alu ji „тот кто сидит“, „пребывающий“ и т. д., с кавказскими.

Об'яснения к слоговым знакам халдского написания.

Ассирийские соответствия берутся мною по F. Delitzsch, Assyrische Lesestücke, изд. 5, 1912 года.

I группа. Знаки: 1—4) соответствуют ассирийским №№ 2, 8, 12, 48; 5) халдская разновидность начертания халдского же V 1, в котором косые клинья выпрямились в

горизонтальные. Данный вариант реже встречается; 6 и 7) тождественны, отличаясь лишь графически тем, что верхние последние клинья скрестились в № 7, то есть горизонтальный клин прошел чарез вертикальный, их ассир. соответствием будет № 14 без такового перекрещивания; 8) халдский вариант халдского же I 19, в котором встречные клинья (углы) в начале знака повернуты остриями вправо. Пока нет данных к сопоставлению его с графически совпадающим ассир. № 26 qal, suk, ср. ассир. № 22; 9)=ассир. № 213 с выпрямившимся начальными косыми клиньями. Увеличение исходного клина дает вариант I 14; 10)=ассир. № 34; 11) тождествен халдскому же I 13 и ассир. № 35, с тем различием, что встречный угол перекинулся в халдском за первый вертикальный клин; 12)=ассир. № 31; 13) разновидность халдского I 11 без повторного написания трех малых горизонтальных клиньев. Некоторыми исследователями он сопоставляется с ассир. № 192 „da", считая, что в нем длинные горизонтальные клинья сократились в малые, дав настоящую схему. Чтение означенного знака как li подтверждается заменою его в тех же словах другими вариантами начертания I 11 и 15, а также сопоставлением халдского ali „говорит" со сванским kəle и т. д. (см. Н. Я. Марр, Надпись Русы из Маку, стр. 36); кроме того, для слога da имеется в халдском другое начертание, полностью совпадающее с отмеченным ассирийским; 14) графическая разновидность знака I 9 с увеличением в размере последнего исходного клина; 15) халдский вариант знака I 11; 16)=ассир № 37; удлинение первого горизонтального клина дает вариант IV 1; 17)=ассир. № 44; 18) довольно обычный халдский вариант ассир. № 307. Другое начертание см. знак IX 1, тоже часто встречающееся; 19)=ассир. № 43. Другое его начертание см. знак I 8; 20)=ассир. № 74. Удлинение первого горизонтального клина дает вариант IV 5; 21)=ассир. № 49; 22)=ассир. № 54; 23)=ассир. № 60 с выпрямившимися малыми горизонтальными клиньями вместо косых, но в халдском встречается иногда и последнее написание; 24—25)=ассир. №№ 61, 62a. В знаке 24 последняя группа косых углов иногда принимает горизонтальное положение; 26 и 27) являются различными начертаниями одного и того же знака с вариантом наклона пересекающего клина=ассир. № 51; 28)=ассир. № 11.

II группа Знаки: 1—4) соответствуют ассирийским №№ 93, 102, 105, 109; 5) является составным из знаков II 3 и XII 6, соответствует ассир. № 106; 6)=ассир. № 110; 7) вариант знака IV 10 с выпрямившимися горизонтально косыми клиньями; 8—9)=ассир. №№ 103 и 108; 10) соответствует ассир. № 107 со значением kan, kam, но в халдском имеет чтение qe, что явствует напр. из надписей по Сэйсу XXVI 5, XXXIII 18, в которых обычное написание „сын Ишпуина„ Išpuiinie-qi начертано на этот раз с данным знаком в конце. В халдском гласные „e“ и „i“ фонетически слабо различались, напр. Argištiqi и Argišteqi, поэтому и приставка к именам отчества qi могла легко замениться настоящим знаком, как и в слове al-qi, al-qi-e, al-qe надписей Сэйс XLIX 17, I 2, 6, XXXIII 16; 11) с его вариантом II 26 соответствуют ассир. № 129, 12)=ассир. № 143, другой халдский вариант с длинными начальными клиньями см. IV 17, и, более редкий, с малыми косыми в начале, см. IV 3; 13)=ассир. № 136; 14)= =ассир. № 144; 15 и 16) варианты одного и того же знака в зависимости от положения среднего малого вертикального клина, пересекающего или не пересекающего нижний горизонтальный. Начертание 15 может быть отмечено в Сардуровских летописях V 27, начертание 16 в Звартноцской надписи стк. 6. Чтение „ar“ в точности устанавливается за этим знаком Атамханской надписью (Никольский, Мат. Арх. Кав. V, надп. XVI 2), где он стоит в начале имени Аргиштия. Чтение thur устанавливается Сэйсом по надписи XXXVII 18, в которой упоминается имя, читаемое им Quthurzani и сопоставляемое с Катарзанами другой надписи. Чтение окажется точным, если точно само сопоставление. По начертанию, знак является, повидимому, дериватом ассир. № 166, читаемого в ассир. „up“ и „ar“; 17—25) соответствуют ассир. №№ 165. 163, 158, 168, 171, 172, 174, 175, 104, вполне с ними совпадая графически; 26) вариант знака II 11; 27)=ассир. № 135.

III группа. Знаки: 1)=ассир. № 183; 2) вариант знака IV 19 с выпрямившимися в горизонтальные косыми клиньями; 3—7) соответствуют ассир. №№ 200, 194, 195, 193, 115 b, вполне с ними совпадая графически; 8) вариант ассир. № 116 с добавлением малого горизонтального клина в первом ряду. Халдское его чтение dur в точности устанавли-

вается Келишинскою надписью (Сэйс LVI фрагменты II 6 и IV 5), где он стоит в имени Сардура.

IV группа. Знаки: 1) вариант знака I 16 с удлиненным написанием горизонтального клина; 2—4) вполне соответствуют четвертым вариантам ассир. №№ 6, 4, 5; 5) вариант знака I 20 с удлиненным начальным горизонтальным клином; 6)=ассир. № 84; 7)=ассир. № 85. Чтение его „ji" добавляется на основании яфетидологического анализа слов, в которых он встречается, напр. puluji „пулуж, стела", alu ji „тот кто сидит", „пребывающий" и т. д.; 8) =ассир. № 38; 9)=третьему варианту ассир. № 45; 10)=ассир. № 123. Халдский вариант с выпрямившимися косыми клиньями, см. II 7; 11) ассир. № 125. В халдском устанавливается два чтения tha и the. Последнее соответствует ассирийскому. Первое вводится на основании наличия этого знака в таких словах, как название Me-li-tha-a-ni, Me-li-tha-al-qi (надписи Сэйс XXXVIII 16, I 2 и др.), в отглагольной форме ku-tha-a-di (надписи Сэйс XXXVIII 17) и т. п.; 12—14)=ассир. №№ 136, 149, 142; 15) в халдском начертании об'единяются оба ассирийских знака ir=№ 150 и sa=№ 78 с верхним горизонтальным клином, начинающимся в ассирийском над вертикальными. В халдском это различие строго не проводится; 16)=ассир. № 30; 17) вариант знака II 12 с удлиненными начальными горизонтальными клиньями; 18)=ассир. № 189; 19)=ассир. № 188. Халдский вариант с выпрямившимися косыми клиньями в горизонтальные см. III 2; 20)=второй вариант ассир. № 192.

V группа. Знаки: 1) = ассир. № 211. С выпрямлением клиньев в горизонтальные получается вариант I 5; 2) = ассир, № 212. Иногда, реже, и в нем клинья становятся в горизонтальное положение; 3) = ассир. № 218. В сравнительно редких случаях, когда малые косые клинья выпрямляются в горизонтальные, знак этот графически совпадает со знаком la I 12: 4) = ассир № 219. Начальные косые тоже иногда пишутся горизонтально.

VI группа. Начальные клинья, чаще косые, иногда выпрямляются, принимая форму двух один под другим углов, обращенных остриями влево. Знаки: 1) = ассир. № 222. Начальные клинья обычно пишутся углами, как и представ-

лено тут; 2) = ассир. № 223; 3) вариант знака II 12; 4) = ассир. № 224.

VII группа. Косой наклон иногда, но сравнительно редко, принимает горизонтальное положение. Знаки: 1 — 4) соответствуют в полной мере ассир. №№ 228, 229, 232, 234; 5 — 6) являются халдскими, реже встречающимися, вариантами знаков VII 1, 2.

VIII группа. Знаки: 1) = ассир. № 238. Отличие его по фонетическому значению от знака II 23 плохо уточняется. Во всяком случае, уже в халдском письме они заменяют друг друга. Сэйс условно придает знаку II 23 еще и чтение hu; 2 — 6) в точности соответствуют ассир. №№ 256, 269, 260, 262, 267; 7) = ассир. № 271.

IX группа. Знаки: 1) вариант, наиболее часто употребляемый, знака I 18; 2) вариант ассир. № 311, более близкий к древне вавилонскому начертанию. Удлинение первого вертикального клина дает другое халдское написание того же знака, см. XII 4; 3 и 4) два халдских варианта начертания одного и того же знака. Второй (4) ближе к ассирийскому соответствию № 299; 5 — 6) = ассир. №№ 295, 296; 7) = ассир. № 297. Нижний горизонтальный клин иногда не доходит до конца, давая возможность двум последним вертикальным удлиниться до низа строки; 8 — 9) = ассир. №№ 320, 302.

X группа. Знаки: 1 — 2) = ассир. №№ 325 и 326.

XI группа. Знаки: 1) = ассир. № 330; 2) = ассир. № 328. Иногда нижний горизонтальный клин доходит, как и в ассирийском, до конца знака под следующею за ним второю комбинациею клиньев.

XII группа. Знаки: 1) = ассир. № 293; 2) вариант ассир. № 309 с построением первых клиньев по аналогии со знаком IX 1; 3) вариант ассир. № 308 с таким же построением начальных клиньев; по начертанию ближе к древне-вавилонскому; 4) вариант знака IX 2 с удлиненным первым вертикальным клином; 5) вариант ассир. № 315; 6) = ассир № 323; внегрупповой знак 7) вариант ново-вавилонского знака (по Деличу вавилонский курсив), отмеченного под ассирийским № 166 в чтении „ar“, и „up“. Знак, редко встречающийся в халдском письме.

Об'яснения к детерминативам.

Все они имеют точные соответствия с ассирийскими, отступая от них в единичных случаях только в деталях начертания, что и указывается мною ниже тогда, когда это имеет место.

1) Ставится перед именем божества (бога и богини), см. ассирийский по Деличу, Lesestücke, № 12.

2) Перед именем города, см. ассир., там же, № 21.

3) Перед разновидностями деревьев и деревянных изделий, входит в состав идеограмм (см. №№ 35-39), см. ассир., там же, № 163.

4) Перед именем народа, а также перед обозначениями классов населения и профессий. Входя в состав сложных идеограмм, тождествен идеогр. № 51. В ассир. соответствующий знак (см. там же № 137) не имеет исходного малого горизонтального клина.

5) Перед разновидностями животных. В ассирийском имеет и значение идеограммы осла, что в халдском пока не прослеживается, не встречаясь в нем в качестве самостоятельной идеограммы, ср. халдские №№ 74-76,где знак этот скорее всего является детерминативом. В ассир. (там же № 139) встречный малый горизонтальный клин в начале знака соприкасается острием с верхним малым горизонтальным же, а не стоит над ним.

6) Перед названиями стран, см. ассир., там же № 211.

7) Перед собственным именем человека, в халдском преимущественно перед именами царей, иногда и перед племенными названиями (племени такого-то страна), которые, повидимому, в этом случае связываются с именем династии или воспринимаются как потомство эпонимного героя, имея в конце имени полный или усеченный придаток со значением „сын" (дети, потомство). См. ассир., там же, № 279, который в ассирийском имеет значение детерминатива лица.

8) Перед собственным женским именем, напр. в надписи Сэйс XXIII. По начертанию более сходен не с ассирийским, а с древне-вавилонским и вавилонским курсивом, см. Делич, ц. с., № 307 на стр. 126. Разные его написания соответствуют знакам I 18, IX 1 и идеогр. № 84 и 92.

9) Халдский вариант того же знака встречается, как и № 8, перед фонетическим чтением lutu „женщина", являясь в этом случае скорее всего уже не детерминативом, а идеограммою (см. идеогр. № 84 и об'яснения к ней).

Об'яснения к идеограммам.

Ссылки на надписи делаются мною по Сэйсу в его публикациях в Journal of the Royal Asiatic Society, начиная с XIV тома 1882 года и по М. В. Никольскому, Клинообразные надписи Закавказья, Мат. Арх. Кав., вып. V, 1896 года. Ассирийские соответствия указываются по Деличу F. Delitzsch, Assyrische Lesestücke, 5 изд. 1912 г.).

1) Ассир. № 12. Халдское чтение не улавливается.

2) В точности соответствует ассирийскому начертанию имени богини Иштар, см. Делич знаки №№ 62 и 76. Входит в состав имени царя Сардура (Шардура), откуда и улавливается ее халдское чтение Сар или Шар, в частности по Атамханской надписи, Никольский XVI. В халдском пантеоне она встречается в числе второстепенных божеств.

3) Означает конкретно „небеса", а не собственное имя бога. В ассирийском второй знак идеограммы „е" является фонетическим к ней комплементом: šam-ē во мн. числе (см. Делич, ц. с., стр. 180 под šamū „небо").

4) Бог грозной стихии, бурной непогоды, воды. Тождествен хеттскому Тешупу, а по начертанию Ададу-Рамману (ассир. № 232). Фонетическое его чтение Тейшеба (Те-е-ишe-ba) в точности устанавливается параллельным текстом надписи Хазине-Капуси (Сэйс XX 15).

5) Бог Арди, полная форма Ардин, бог Солнце, употребляется и в значении „дня". Фонетическое чтение см., например, в надписи Мехер-Капуси стк. 26. Идеограмма часто снабжается исходным слогом своего фонетического чтения ni (Ardi-ni). Ассир. соответствие № 222 „день, солнце".

6) Бог Селарди (Шеларди). По начертанию тождествен вавилонскому Сину, богу луны (см. ассир. № 278 a). Фонетическое его чтение вполне устанавливается параллельным текстом надписи Мехер-Капуси, стк. 7 и 40, где стоит Ши--e-la-ar-di.

7) В ассирийском (№ 14) имеет значение „уста. зуб, слово". Отмечена в надписи Сидек на стк. 16 (см. V. Scheil в Rec. de travaux relat. à la phil. et à l'arch. égypt. et assyr.. 1893, v. XIV fas. 3-4, p. 153 sv. n J. Sandalgian, Les inscrip. cunéif. urartiques, № 2).

8) Значение „племя" устанавливается контекстом надписи Мехер-Капуси „богам языков", то есть „богам племен" (стк. 3, 35 и др.). Знак воспроизводится мною по Сэйсу, который в свою очередь ссылается на Лэйарда и Шульца. Я проверил знак по имеющейся в Яфетическом Институте фотографии этой надписи. Знак в ней передается не четко, но все же несомненно наличие в знаке нижнего горизонтального клина, что дает возможность верить в правильность приводимой по Сэйсу передачи. Ассирийское соответствие № 18 со значением „язык" не имеет внутри пересекающихся клиньев; в нем внутренние знаки состоят из вертикального клина и исходящего от него малого горизонтального.

9) Ассир. № 20 „есть, кушать". Халдское начертание мною проверено по Сардуровским летописям, напр. IV 14.

10) Ассир. № 21. Халдское чтение inani. Между прочим, этот знак стоит после имени города Тушпы. Здесь он недетерминатив (который стоит перед тем же именем) и потому подлежит чтению. Таким образом, название стлоицы древне-Ванского царства будет не просто Тушпа, а Тушпа-инани, в рус. переводе Тушпа-град. Впрочем, в некоторых надписях, напр. Звартноцской, фонетическое чтение идеограммы передано словом patari (идеограмма города вслед за именем Тушпы заменена этим словом). Отсюда можно заключить, что идеограмма города или имеет два чтения inani и patari, или же оба эти значения оттеняют различный характер городских построений. Значение же „города" за термином inani подтверждается анализом формулы прокляти я и переводом его в двуязычной надписи (Сэйс LXXIX) ассирийским словом āli „города". Название Тушпы иногда (реже) стоит и без идеограммы города или ее фонетического чтения.

11) Ассир. № 28. По сходным контекстам надписей V 2, 34 и XLVIII 10 Сэйс устанавливает чтение его atsu. Знак проверен мною по Сардуровским летописям V 1.

12) Ассир. № 27. В халдском идеограмме предшествует детерм. человека (№ 4), см. надпись Сэйс XI a.

13) Знак имеется в 11-ой строке Звартноцской надписи. Ассир. № 79.

14) Первый горизонтальный клин бывает иногда коротким, иногда длинным. Халдское фонетическое чтение šali устанавливается с полною точностью параллельными контекстами, напр. по Сардуровским летописям III 44 и V 32; ассир. № 37.

15) Сочетание знаков дает ассирийское слово belu, мн. число bēle, bēli „оружие, копье, пика" (см. W. Muss-Arnold, Handwörterbuch, под словом bēlu 3). Оно попало в халдский или как заимствованное из ассирийского слово, и, в таком случае, имело то же чтение, или как идеограмма. Н. Я. Марр, допуская чтение его как badli, возводит к полногласной форме badali и составляет с грузинским bodali (bodzali) „стрела". (Надписи Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале, стр. 34). Значение данного слова именно как оружия, в частности копья или стрелы, вполне подтверждается текстом Сардуровских летописей VI 9, где оно помещено в перечне захваченного оружия. Оно же упомянуто и в Мехер-Капус'ской надписи (стк. 7, 40) в числе подношений богу. Копья несомненно имели и культовое значение, они изображены при входе и на крыше Мусасирского храма бога Халда по Хорсабадскому барельефу Саргона.

16) Ассир. № 48. Она может быть усмотрена и в нередко встречающейся халдской фразе: aliki zaašgubi aliki TI PLURALE agubi „частью умертвил, частью живыми увел", где идеограмма TI иногда заменяется сложным TI LA, имеющим в ассирийском (№ 48 первый групповой знак) то же значение, напр. в халдском см. Сардуровские летописи II 14-15, 43. Халдское ее фонетическое чтение šeqieri устанавливается надписью Сэйс XXXVII 14, где идеограмма в сходном контексте заменена этим словом.

17) Ассир. № 48, см. об'яснения к предыдущей идеограмме.

18) Халдское фонетическое чтение euri устанавливается рядом сходных контекстов, напр. Сэйс LII № 3 и 4. Значение

его „милость“ выясняется Н. Я. Марром по этому фонетическому чтению специально для халдской речи вне зависимости от ассир. эквивалента (№ 72), который такового значения не имеет (см. надпись Русы II из Маку, стр. 10).

19) Ассир. сложная идеограмма из знаков № 72 „владыка, властитель“ и № 55 „сатрапия, провинция“. Сочетание этих двух идеограмм дает значение „правитель области, наместник, сатрап“. Сэйс предположительно устанавливает халдское его чтение esia, руководствуясь текстом надписи XLV 17, где после идеограммы стоит фонетически написанным это слово.

20) Во втором своем значении „всего“ знак этот является халдскою разновидностью графического начертания следующей идеограммы № 21, в которой пересекающийся наклонный клин выпрямился в вертикальный, дав построение идеогр. № 20. Первое ее значение „половина“ в точности соответствующей совпадающему по начертанию ассир. № 49.

21) Ассир. № 36. Значение „всего“ устанавливается с полною ясностью на халдской почве в итогах добычи, где данный знак стоит непосредственно перед подитоживающею цифрою. Второе его значение „враг, враждебный“, также как и первое, соответствует ассирийскому. Идеограмма неоднократно встречается в перечне добычи. В значении „враждебный“ она усматривается Сэйсом напр. в надписи XL 73 „страну Ману враждебную страну (царя) Азаина я захватил“, но возможен и другой перевод: „страну Ману всю страну (царя) Азаина я захватил“.

22) По контекстам имеются в виду большие ворота, носящие имена богов и царей, следовательно, или городские ворота, или что нибудь вроде триумфальных арок. По контексту Келишинской надписи (Сэйс LVI, III 7), в которой идеограмма сопровождается фонетическим чтением zaiše, и по разновидностям этого же слова в других халдских текстах, Сэйс устанавливает фонетическое чтение zaiše, zaiši, zaini. В ассирийском соответствии № 100 малый (один) вертикальный клин нашел на предшествующий ему горизонтальный, дав схему перекрещивания.

23) Хотя графически и совпадает с ассирийским знаком um (№ 102), но является не его передачею, а знака dup

(№ 103), отличаясь от последнего отсутствием четвертого вертикального клина (это же наблюдается и в идеогр. № 75). Не касаясь вопроса о происхождении самого слова dup, Н. Я. Марр сопоставляет его с др. армян. dəp-ir „писец" (надпись Русы 2-го из Маку, стр. 33). Таким образом, можно предполагать, что халдское слово, обозначавшее „надпись", совпало с фонетическим чтением самого знака независимо от того, заимствовано оно или нет. Сэйс допускает, по контексту надписи Хазине-Капуси (XX 3) чтение armanili, непосредственно стоящее здесь за идеограммою.

24) Та же идеограмма с суффиксом мн. числа te (ср. ассир. мн. число duppâti, Делич, ц. с., 160 под словом duppu).

25) Ассир. № 114. Встречается реже чем равнозначущая по значению идеограмма № 79 (см. надп. Сэйс XXXI 3, 11 и др.). Халдское чтение: ipani (надпись Келаны-Кирланы, Никольский XVIII 5, 12) следует непосредственно за означенною идеограммою. В нем Н. Я. Марр видит основу ipa „владетель, господин, царь", которое сопоставляется с грузин. uɸal „господин" и me-ɸe „царь", мегрельск. ma-ɸa „царь" (см. надпись Сардура в Даш-Керпи, стр. 31). Текст надписи говорит о покорении нескольких царей в южных и, повидимому, восточных областях Гокчи, добавляя „царей, называемых ipani", откуда можно заключить, что мы имеем тут местное наименование царя. Другое чтение eriela, erila, повидимому халдское, налично в стк. 6 в Мелазгердской надписи (Никольский, Зап. Класс. Отд. Рус. Арх. Общ., VI 1910 года, стр. 184) и означает буквально „народа глава", см. Н. Я. Марр, Надписи Сардура из раскопок ниши на Ванской скале, стр. 37. Было еще другое чтение qula или qute, о нем см. в об'яснениях к идеогр. № 79.

26) Ассир. № 108. Применяется не только к живым существам, человеку, животным, но и к городу, напр. „город малый" (Макинская надпись) и т. д. Фонетическое чтение знака tur сопоставляется Н. Я. Марром с грузин. pa-tar-a „малый" и др. (см. надпись Русы из Маку, стр. 8, 13).

27) Разновидность начертания идеогр. № 22, отличающаяся от ассир. № 100 лишь тем, что внутренний вертикальный клин не пересекает нижнего горизонтального (ср. то же в знаках II 15 и 16. Приводимое здесь начертание

проверено по надписям св. Сиона из Варага (стк. 4) и сел. Гузак (стк. 28) собрания фотографий А. А. Калантара №№ 10 и 11.

28) Ассир. № 98. Встречается часто в перечне добычи. По тексту надписи L 25 Сэйс условно устанавливает чтение ее guši.

29) Ассир. № 92. Значение знака определяется контекстом надписей, напр. Мехер-Капуси (Сэйс V) стк. 30, 31 и др. По контексту той же надписи (стк. 3, 35 и др.) Сэйс устанавливает халдское ее чтение ṣali.

30) Ассир. № 137. В ассир. отсутствует последний горизонтальный клин. Встречается в халдском часто как самостоятельно, так и в составе сложных идеограмм, оттеняя характер класса населения или профессии, напр. предшествуя идеограмме воина (№ 70) и пр. Тождествен идеогр. № 51, каковою иногда и заменяется, напр. Мехер-Капуси, стк. 13, 50, 51. Сэйс усматривает халдское чтение обоих равноправных знаков (№№ 30 и 51) в отдельно встречающемся слове ṣaše.

31) Составная идеограмма из знаков №№ 30 и 44. Значение ее определяется обычным текстом надписей, в которых приводится перечень людской добычи (столько-то мужчин, столько-то женщин). Итог в них обозначается цифрами с настоящею идеограммою в конце. Она иногда (Сэйс LIII 6 и др.) заканчивается слогами ra-ni, в каковых Сэйс предполагает исходные слоги отдельно встречающегося слова ibirani, являющегося, по его мнению, фонетическим чтением идеограммы.

32) Ассир. № 141. Встречается в ряде надписей, напр. Сардуровских летописях VI 10 по которым и проверено мною начертание знака. Входит в состав идеогр. № 35.

33) Знак ясный в своем начертании, встречается нередко в халдских клинописных текстах, ассирийский его эквивалент, вероятно, № 166, но он имеет в ассир. значения „сторона“, „вселенная“ и др., не подходящие к халдским контекстам. Как самостоятельный слоговой знак он указан мною в группе II под № 15, очевидно, он же имеется и в виде следующего знака, приведенного мною непосредственно за ним под № 16 и взятого из 6-ой стк. Звартноцской надписи. Различие обоих знаков заключается только

в том, что в одном случае средний вертикальный клин пересек нижний горизонтальный, а в другом не пересек. Тождество обоих начертаний этого знака (II 15 и 16) устанавливается W. Belck и C. F. Lehmann'ом по Атамханской надписи, Никольский XVI 2 (см Zeit. für Assyr., IX 348 и XIII 307) и В. С. Голенищевым по Звартноцской надписи стк. 6 (Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., XIII в. IV, 088), причем чтение означенного знака с достаточною точностью определяется как „аг" (=ассир. № 166). В качестве идеограммы он, в халдском, часто встречается в форме знака II 15, то есть без пересечения клиньев, особенно часто наличен в перечне мужской и женской добычи и попадает в общий итог захваченных „людей" (см. идеогр. № 31). Рассматриваемая идеограмма нередко снабжается еще исходным слогом ше, что как будто бы указывает на фонетическое ее чтение ше „мужчина", но пока настаивать на этом я не могу, так как некоторые тексты в перечень взятых людей включают идеогр. человека - ti и идеогр. женщины, настоящую же идеограмму выделяют особо, см. Сардуровские летописи II 12-14. D. H. Müller усмотрел в означенной идеограмме значение „сын" (Keilinsch. v. Aschrut-Darga, S. 17 f. Wien 1886), то есть сходное с ассирийским знаком tur „малый, молодой, дитя, сын", наличным и в халдской клинописи (II 9 и идеогр. № 26), что могло бы подкрепить принятое Сэйсом второе чтение этого же знака как dhur (thur), пока в решительной форме не опровергнутого. Но D. H. Müller поставил свое определение данного знака под вопросом, каковой, мне кажется, сохраняет свою силу по отношению к знаку II 15-16=идеогр. № 33 и поныне; поэтому я условно сохраняю за идеограммою то значение, каковое дают ей Н. Я. Марр, Сэйс, D. H. Müller и др.

34) Ассир. № 163. Входит в состав сложных идеограмм №№ 35—39. Встречается и отдельно, напр. в надп. Мехер-Капуси (Сэйс V 29, 80).

35) Ассир. № 141. Составная идеограмма из №№ 34 и 32. Встречается в нескольких надписях, напр. Сэйс LXXIX 19, LI, I 3, 7. В указанных строках последней надписи один раз вместо идеограммы вина стоит фонетическое написание

udulie, в каковом и усматривают халдское чтение идеограммы.

36) Составная идеограмма. Первые два знака имеют в ассирийском (№ 148) значение „кол, колышко" sikkatu, они наличны и в халдском в виде идеограмм (№№ 34 и 62). Последний знак ti может оказаться фонетическим комплементом к тому же ассирийскому слову, стоящему во мн. числе. В последнем случае, мы имели бы в халдском заимствование ассирийской идеограммы с ее ассирийским же фонетическим дополнением исходного слога читаемого ассирийского термина. С другой стороны, так же как и в идеограмме „письмена, надписи" dupte (№ 24, см. об'яснения к ней), возможно, что к халдской передаче ассирийской идеограммы прибавлено халдское же дополнение своего суффикса мн. числа te, ti (см. Н. Я. Марр, Два яфетических суффикса - te,-ti в грамматике др.-армянского языка, Изв. Ак. Наук, 1910 г., стр. 1245 сл.). Халдское обозначение данной идеограммы дается мною без уточнения, так как содержащий ее контекст Сардуровских летописей VI 9 указывает только на то, что тут, скорее всего, речь идет об оружии: о копьях или стрелах (идеогр. № 15, beli=badli), о луках (идеогр. № 38) и о третьей его разновидности, представленной настоящею идеограммою. Цифровые обозначения при этих идеограммах, именно 2.114 beli (badli), 1.332 лука, 47.970 sikkatu, своим громадным, сравнительно с предыдущими, числом при последней (настоящей идеограмме) указывают на характер предмета ею представленного, или служебный к луками, тогда это будут стрелы, или же независимый от них, как самостоятельное метательное или наступательное оружие, части их, древки для копий и т. п., или же, наконец, иного характера, именно колья для палаток, как переводит Н. Я. Марр. Других контекстов, где встречалась бы данная идеограмма, мне не известно. Если остановиться на ассирийском значении sikkatu „кол, колышко", то, как оружие, идеограмма могла бы означать в данном контексте, „стрелу, дротик" и т. д.

37) составная идеограмма из №№ 34 и 69, ассир. № 217. Имеется в халдской надписи Сэйс LXXIX 19. Ее халдское чтение усматривается, до известной степени условно, в слове zari, стоящем иногда после идеограммы дерева (предпо-

лагается, что оно заменяет идеогр. № 69, то есть вторую составную часть данной идеограммы), напр. в Звартноцской надписи стк. 11 и др.

38) Ассир. № 254. Лук (оружие), встречается в Сардуровских летописях VI 9.

39) Ассир. № 296. Знак наличен в надписи церкви Сурб Ованес сел. Гюсненц (стк. 13), собрания А. А. Калантара № 5.

40) Ассир. № 162. Может иметь впереди себя идеограмму человека (№№ 30 и 51). Знак приводится мною по таблице халдских идеограмм Сэйса.

41) Ассир. № 164. Обычно сопровождается фонетическим халдским ее чтением paqini, встречаясь весьма часто в перечне добычи и жертв. Входит в состав сложных идеограмм (№№ 42, 43) в значении быка или представителя крупного рогатого скота.

42) Ассирийская идеограмма со значением mīru „молодое животное", специально „бычек" (см. B. Meissner, Seltene Assyrische Ideogramme № 4062, C. Bezold, Babylonisch-Assyrisches Glossar, S. 165 a, W. Muss Arnold, Handwörterbuch, S. 583 b, под словами mēru, mīru). Халдские контексты не противоречат таковому ее значению, см. напр. надп. Мехер-Капуси, стк. 21 и др.

43) Ассир. № 123. Употребляется иногда и без предшествующей идеограммы быка, см. идеогр. № 59.

44) Ассир. № 171. Встречается в Атамханской надписи (Никольский XVI 6) в фразе, говорящей об уводе населения: „людей, женщин я полонил", то есть в данном случае скорее в специальном значении „мужчин", но та же идеограмма в соединении с идеогр. человека (см. № 31) несомненно имеет собирательное значение „люди".

45) Ассир. № 178, обычно представленная в халдском в полном ее ассирийском фонетическом чтении dan-nu. В параллельных контекстах Артамедских надписей (Сэйс XXII и LXXIII, стк. 5), в одном случае, в титуле царя стоит только один знак dan явно в том же значении, что наблюдается и в ассирийском. Халдское ее чтение tarai в точности устанавливается параллельным текстом надписи Хазине-Капуси, стк. 6, контекстом Мелазгердской надписи, стк. 5 и др.

46) Ассир. № 174. Усматривается Сэйсом в надписи LI № 1, стк. 8 и Сандалджианом, Les inscriptions cunéiformes urartiques, в надписях Сидек и Келишинской (по его нумерации II, стк. 14, 29, по Сэйсу LVI 14 и 2-го фрагмента стк. 7).

47) Ассир. № 180. Встречается в халдском неоднократно. Значение ее „храм" определяется не только из ассирийского, но и нахождением ее в надписях на базах халдских колонн. Сэйс устанавливает халдское фонетическое чтение аші, стоящее и самостоятельно и за идеограммою „храма", напр. Мехер-Капуси, стк. 12, 49 и др. Входит в составные идеограммы в значении, „дома, строения", см. ниже. В Мелазгердской надписи на стк. 3 и 9 говорится о восстановлении строения, названного susi (suji). Идеограмма храма тут отсутствует, но, возможно, что susi (suji) и незаменяет ее, являясь отдельным термином со специальным значением. Слово susi (suji) имеется и в нескольких других надписях, в частности в надписи Ашрут-Дарга. D. H. Müller, считаясь с тем, что эта надпись высечена на большой нише скалы, дает приведенному слову значение часовни или вообще места поклонения божеству, святилища (D. H. Müller, Die Keilinschrift von Aschrut-Darga, Wien, 1886 г., М. В. Никольский, Клинообразная надпись из Мелазгерда, Зап. Клас. Отд. Рус. Арх. Общ., VI, 182—184).

48) Ассирийское соответствие не улавливается, но и халдское ее значение в точности не устанавливается. Обычно переводится „укрепленное строение, крепость". Насколько мне известно, встречается только в надписи деревни Сикке (Сэйс XI a), крайне дефектной. Второй составной знак этой сложной идеограммы имеет в ассирийском (№ 61) значение qānu „камыш, тростник", но Сэйс взял значение kānu „быть крепким" (см. Делич, ц. с. глоссар), откуда и дал свое толкование идеограммы. Возможно, мне кажется, что и в халдском мы имеем тут обозначение „тростниковых" построек, то есть обывательских, сельских строений, сооружаемых по сей день из смеси глины с соломою и сооружавшихся тем же способом еще в архаической Передней Азии, что, независимо от нашего толкования, устанавливается французскими исследователями эламского Муссиана. Контекст указан-

ной надписи не противоречит такому пониманию идеограммы, так как в нем упоминается о дворцовой челяди, о рабах и о нескольких тысячах строений. Наиболее близким ассирийским эквивалентом является идеогр. № 180, именно третий групповой ее знак, который отличается от нашего наличием еще трех малых горизонтальных клиньев один под другим в начале второго составного знака и присутствием еще третьего знака „a“ (XII 6). В ассирийском он означает kallātu „Braut“, но едва ли такое его значение уместно в данном контексте, хотя бы и очень фагментарном. Нахождение знака в других контекстах уточнит его понимание.

49) Ассир. № 180. Составная идеограмма из идеогр. №№ 47 и 53. Сэйс усматривает в фонетическом добавлении к данной идеограмме nia исходный слог термина aššinia (ср. aššu „дом“, „храм“ в об'яснении к идеогр. № 47), понимаемого им как „дворец“ (надп. XXXV A 6 и др.), Сэйс же видит в надп. XIII 1 замену второй части идеограммы словом tuluri, стоящим после идеогр. № 47 и означающим собою полное чтение всей идеограммы. Контекст надписи подтверждает это („ДОМ tuluri ДВОРЕЦ разрушенный он восстановил“).

50) Обычное понимание его как „склад, амбар“ и т. д. едва ли правильно. Скорее всего мы имеем здесь ассирийское фонетически написанное слово pithallu „верховая лошадь, всадник“ (см. Делич, ц. с., стр. 159, Glossar под словом bithallu), что подтверждается и текстами халдских надписей, напр. Сэйс XLV 21, 25 „1.000 верховых лошадей, 300 быков“ и „100 молодых быков, 300 овец, 300 верховых лошадей“ и т. д. При таком понимании, мы, может быть, имеем здесь даже и не идеограмму, а просто заимствованное ассирийское слово в его начертании с фонетическим чтением первого знака (=идеогр. № 47) pit, bit, как он и читается в ассирийском.

51) Ассир № 185. Вполне соответствует идеогр. № 30 и иногда заменяет ее, напр. в слове „воины“ надписи Ишпуина-Менуи, собр. А. А. Калантара № 3, стк. 15.

52) Ассир. № 187. Встречается в надписи Сэйс LIX 11 в неясном контексте.

53) Ассир № 195. Входит в состав идеогр. № 49.

54) Мера веса, встречающаяся и в ассирийском (№ 194). Фонетическое ее чтение mana, mina совпадает с чтением самих клинописных знаков, поэтому мы имеем тут, может быть, и не идеограмму в буквальном смысла этого слова, а общий с ассирийским термин в его фонетическом начертании, быть может и попавший в халдский из того же ассирийского. Вес халдской мины не ясен, ассирийская же мина равняется 505 граммам, см. Deimel, Sumer. Grammatik, стр. 202, табл. b, 12 и Thureau-Dangin в Journ. Asiat., 1909 г., 1041.

55) Разновидность начертания идеогр. № 25, приводится по букварю Н. Я. Марра, ср. надп. Келаны-Кирланы, стк. 5 (Никольский, ц. с., табл. XXXI).

56) Ассир № 116 a. Усматривалась в надписи из Келишина, весьма дефектной (Сэйс LVI, I 8). Сэйс устанавливал халдское ее чтение arniuшinili, не имеющееся в данной надписи, но нередко встречающееся в клинописных текстах древнего Вана. Если считать делавшееся Сэйсом в первом его издании этой надписи сопоставление приемлемым и видеть в слове uшinili основу шin „строить", а полностью в uшinili прилагательное „выстроенный", то в значении стены останется одно слово arni. В таком случае, часто встречающаяся фраза inanili arni uшinili I MU zadubi (Сардуровские летописи II 18 и др.) получит перевод „городские стены выстроенные (=постройкою) в один год я закончил". Дававшееся этой идеограмме, в халдской ее передаче, значение „цитадель", повидимому, отпадает как по неясности приведенного халдского контекста, так, равно, и по значению „стена" соответствующей уже ассирийской идеограммы. Но, помимо того, и сама, Келишинская надпись крайне дефектна, к тому же, высказывались предположения, что мы имеем в ней идеограмму, а фонетический знак dur того же начертания. Кроме того, в надписи Мехер-Капуси, стк. 17, упоминается в числе мест, удостаиваемых принесением жертвы, также и arni бога Халда, а на стк. 12 бог Арни. Затем, в ряде надписей, напр. Армавирской (Никольский XIV 5) стоит arni в другом контексте, хотя и не вполне ясном, так как предыдущее слово или вовсе не попало в сохранившуюся часть надписи или стерлось и

восстанавливается издателями, усматривающими в нем имя бога Халда. Все эти отдельные случаи употребления слова arni не дают полной фразы, обычный же, и при том широко распространенный в летописных сводах контекст дает приведенное выше построение inanili arni ušinili, толкуемый без параллельных сравнений. Таким образом, и сама идеограмма в халдском и чтение ее как arni весьма условны, все же я сохраняю и ее в делаемом мною перечне с точным ее ассирийским значением.

57) Ассир. № 117. Встречается в надписи Сэйс LI № 1 стк. 8.

58) Вариант графического начертания идеогр. № 16.

59) Ассир. № 123. Употребляется в халдском, как и в ассирийском, в сочетании с другими идеограммами (№№ 43, 60, 61). Значение буйвола присоединяется мною условно.

60) Точная передача ассир. идеограммы № 123 (второй групповой знак) в значении „слон". Нередко даваемый в халдском перевод „дикий бык" отпадает в виду ясности ассирийского соответствия, но все же место, где встречается эта идеограмма в халдской надписи, не совсем бесспорно (Сэйс LXXVIII 3), так как в ней в числе жертвуемых храму (богу) животных упоминаются 3 быка, 5 слонов и 5 овец, повторенных в итоге в тех же цифрах, но с заменою слонов идеограммою коров (идеогр. № 77). Спорность данного места заключается в том, имеем ли мы здесь итог, так как употребленный подитоживающий знак не обычен (вместо идеогр. № 20, 21 стоит знак bad, be I 17), кроме того, в других местах той же надписи цифры, стоящие за этим знаком, не соответствуют предыдущим. Сандалджиан (ц. с. надп. № 52 и стр. 451 прим.) понимает означенный знак как чисто урартскую идеограмму „всего", но, может быть, не урарты придали ему такое значение, а толкователь их текстов. Поэтому, возможно, что знак bad вовсе не имеет подитоживающего значения, и что в данном случае мы наталкиваемся лишь на случайное совпадение цифр, в других местах той же надписи не везде совпадающих, может быть и не по одной только дефектности надписи, как думает Сандалджиан. Приходится остановиться на точном ассирийском соответствии, не возбуждающем у ассириологов никаких сомнений в своем значении.

61) Ассир. № 124. Встречается в надп. Сэйс LIV 4, где за идеограммою стоит слово qiшu, в котором Сэйс видит фонетическое ее халдское чтение.

62) Ассир. № 148. Встречается в Хорхорской летописи (Сэйс XLIII 79) в фразе „строения многих дворцов я сжег".

63) Ассир. идеограмма „жир, масло, елей" (№ 149), может быть усмотрена в Сардуровских летописях VI 10, если правилен предлагаемый здесь перевод „...сотен 11 карасов вина, 86 карасов 7 таружи (?) 20 кали масла".

64) Встречается в Хорхорской летописи (Сэйс XLIII 16 и 78). Английский ученый дает соответствующим местам текста такой перевод: „для бога Халда шестидесятая часть добычи, эту долю пленных и эту добычу вдвое я взял", то есть, шестидесятая часть добычи пожертвована богу Халду, а двойное число взято самим царем. Остается неясным, куда пошла остальная часть добычи (значение „шестая часть" не подойдет по тем же основаниям, см. Sayce, ц. с., стр. 615—619, и его же Records of the Past, n. s., IV 129—132). Имея в виду, что халдские цари приписывают все свои победы богу Халду, я допускаю и другой перевод приводимого места, а именно „бога Халда мужчин добычных, как пленных, так и добычи все я взял", то есть, при помощи бога Халда взятых в плен людей, как самих пленных, так и добычу целиком я забрал. Поэтому, за означенною идеограммою мною сохраняются ее ассирийские значения „мужской, мужчина" и „шестьдесят", см. Делич, ц. с., № 142.

65) Ассир. № 147. Халдское ее чтение kapi можно усмотреть в ряде строительных надписей, напр. Ганли-тапинской (Никольский XXII 4). Другое ее чтение qarbi имеется в Макинской надписи (стк. 4) и в ряде других надписей, напр. Сэйс XXXII 7, где это слово стоит за данною идеограммою.

66) Разновидность начертания идеограммы № 13, преимущественно халдская, так как в ассирийском верхний горизонтальный клин этого знака обычно начинается над малым вертикальным (см. ассир. № 79).

67) Эта ассирийская (№ 211) идеограмма часто сопровождается халдским ее чтением ebani или одним его исходным ni. Впрочем, идеограмма может стоять и без них. В самое последнее время обращено внимание на наличие армянского kol-man в том же значении „сторона", „страна", „область". Если последняя

его часть man, по звуковым соответствиям, тождественно халдскому ban слова ebani, то первое kol может оказаться, равным халдскому же kur или kor (огласовка клинописных знаков u—o не ясна). В таковом случае халдское kur eban при наличии в армянских kol-man, может оказаться не идеограммою, выраженною знаком kur, с ее фонетическим чтением eban, а полным словом в слоговом его начертании во всех его частях, то есть kureban. Знак kur (идеогр. № 67 и знак V 1) употребляется в халдском не в одном только идеографическом значении „страны", но и в слоговом чтении kur, например, в словах kur-ni, в другом написании ku-ur-ni. Впрочем, положение осложняется тем, что знак kur в ассирийском, откуда заимствована вся клинописная система халдов, означает идеограмму именно страны, читаемой по ассирийски mātu. Вопрос требует особой разработки в тесной связи с яфетическими архаизмами в халдском, ведущими его словарный запас глубже, чем семитический Ассирии. При новомом подходе мы имели бы в kureban, двусоставное слово из равнозначущих частей, каждая в отдельности означающую „страну". И это полное kureban „страна" могла условно вложиться в заимствованную ассирийскую идеограмму в тех случаях, когда она именно в этом идеографическом виде выражается одним знаком kur или им и исходным слогом ni (kureba-ni). Здесь не место входить в более подробное обсуждение пока только еще напрашивающегося вопроса.

68) Составная идеограмма из идеогр. № 67 и идеогр. Ашура. Ассирийский эквивалент (№ 13, третий групповой знак) имеет еще добавочный в конце знак ki. Сэйс по надписи XXXVIII 52 (Хорхорская, II колонна), где стоит халдская передача имени царя Ашурдана в форме Harsitani, допускает халдское чтение Ашур в виде Harsi. Впрочем, в Ванской надписи Сурб Паулос (Сэйс LXXIX и фотография собрания А. А. Бобринского № 5) имя Ашурнирари начертано на стк. 8 в ассирийском фонетическом чтении, что, однако, не нарушает выводов Сэйса, так как иноземное имя могло, параллельно местному чтению, изображаться и иноземным написанием. Это наблюдается и в самом ассирийском, где имя Русы передается Ursa, но иногда и халдским написанием Rusa (см. напр. 8-ой поход Саргона).

69) В ассирийском (№ 217) встречается с идеограммою дерева впереди и без нее. Имеется в над. Сэйс LXXIX 19 с идеограммою дерева впереди (см. идеогр. № 37).

70) Ассирийский № 226. Встречается в I колонне Хорхорской надписи (Сэйс XXXVII 13) и в Сардуровских летописях VI 4 с идеограммою человека (№ 30) впереди в обоих случаях. Сэйс по ряду контекстов (напр. надп. XXXVIII 53 и др.), где после идеограммы № 30 стоит quradia, в фразе говорящей о победе над ассирийским воинством, видит в этом слове фонетическое чтение настоящей идеограммы в значении „воины, солдаты". Второе указываемое им чтение tarsua отпадает, так как в одном месте, именно надп. Сэйс XXXVII 14, идеограммою „человек—tarsuani" заканчивается итог взятых в плен отроков, воинов и женщин. Таким образом, tarsuani обнимает собою все три понятия, являясь скорее чтением идеограммы „народ—un", „люди" (см. идеогр. № 31), или какою-либо разновидностью ее в собирательном значении параллельно термину ibirani. Привлечение сюда же слова ikukani в значении „воины", как это делает Сандалджиан, безусловно отпадает, как основанное на переводе им фразы „вслед за тем осенью воинство я собрал" совершенно произвольным „с воинами моими собранными с пехотою я отправился", где ikukani „вслед за тем" почему-то переведено „воинами".

71) Тождественно ассирийскому выражению sab sepe „личная охрана", „телохранители", см. Bezold, Glossar под словом sabu, составленному из тех же знаков. Встречается в Сардуровской летописи VI 5. Составные знаки состоят из идеогр. № 70 и ассир. № 257 „нога", буквально, „воин пеший".

72) Ассир. № 222. В халдском встречается несколько раз, напр. в Армавирской надписи (Никольский XIV стк. 6). Иногда снабжается впереди идеограммою божества, получая конструкцию имени бога Ардина (см. идеогр. № 5). В этом виде она попала, между прочим, и в формулу проклятия „явным сделав имя его" (по семантическому ряду день—солнце—свет—явный).

73) Ассир. № 237. Тождествен по значению с показателем множественности (см. идеогр. №№ 91 и 93), но, как устанавливает для последних Н. Я. Марр, мог, иметь и

самостоятельное значение „много, многие“ (Мат. по команд. Орбели, стр. 110), что подтверждается и контекстом надписей, напр. 7-ой колонны Хорхорских летописей (Сэйс XLIII 79) „строения многих дворцов я сжег“, где слова „строения“ и „дворцы“, представленные идеограммами, снабжены каждое своим показателем мн. числа независимо от наличия тут же данной идеограммы.

74) Точная передача ассирийской идеограммы № 139 (пятый групповой знак), понимаемой в ассирийском как „осел горный“. Н. Я. Марр видит в этой идеограмме построение из детерм.-идеогр. (см. детерм. № 5) и двух слоговых знаков kur и ra, оба означающих „лошадь“ (из лекций); его же прежнее об'яснение „животное страны Ра“, то есть составного из детерм. № 5+идеогр. № 67+знак III 1, см. надпись Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале, стр. 29; Сэйс в надписи Сурб Сахак (XLV 26) видит в отдельно стоящем слове nahu фонетическое чтение этой идеограммы.

75) Ассир. № 139 (шестой групповой знак) с условно устанавливаемым значением „мул“ (ср. Bezold, ц. с., S. 138 b, под словом kudānu). Наличен в Сардуровских летописях VI, 7. Отличие от ассирийского заключается в отсутствии у третьего знака четвертого вертикального клина (ср. то же явление в идеогр. № 23).

76) Ассир. № 139 (восьмой групповой знак). Наличен в нескольких надписях, напр. в Сардуровских летописях IV 31. По четвертой колонне Хорхорских надписей (XL 6), где за идеограммою следует дефектное начертание ultuni, Сэйс условно устанавливает это ее фонетическое чтение.

77) Ассир. № 242. Встречается несколько раз в надписи Сэйс LXXVIII 11 и др. Входит в состав идеогр. № 78.

78) Ассир. № 242, составная из идеогр. №№ 77 и 59. Значение „буйволицы“ прибавляется мною условно, как и к последней из названных идеограмм.

79) Ассир. № 277. Широко применяется в халдском, особенно в титулатуре самого царя. Чтение ее устанавливается вполне точно надписями Карагаша (Сэйс LI № 3, стк. 10) и Мелазгерда (М. В. Никольский, в Зап. Клас. Отд. Рус. Арх. Общ., VI, 1910 г., 182—184 и O. P. Scheil в Recueil de travaux rélat. à la philol. et à l' archéol. égypt. et assyr., XVIII, 1896, 75). В первой из них, в обычной титулатуре „царь царей“, читалось в дефект-

ном начертании „царь quteue“, т. е. qute, quti в род. падеже мн. числа на ue. В том же титуле в Мелазгердской надписи, стк. 6, стоит „царь erielaue“ (царь царей), тоже в род. падеже мн. числа на ue. Таким образом, мы имеем здесь чтение той же идеограммы, то есть, параллельно к дефектному qute, наличен вполне ясный термин eriela, буквально „народа глава“ (царь). Более, пока, предположителен другой, приурочиваемый к настоящей идеограмме, термин, усматриваемый в том, что от этой же идеограммы образуется нередко встречаемое прилагательное „царский“ добавкою к идеограмме исходного слога si, ji, иногда полностью nusi, nuji. Последняя форма, стоящая тоже за царскою идеограммою, с отделением суффикса si, ji, дает Сэйсу основание видеть еще одно халдское фонетическое ее чтение в слове nu, отсюда напр. падеж nu-adi (Сэйс XLI 13). О термине ipa (мн. число ipani) см. в об'яснениях к идеогр. № 25.

80) Ассир. № 274. Встречается в халдском нередко, преимущественно в перечне добычи, напр. в Сардуровских летописях IV 54, где за идеограммою следует ее фонетическое чтение tuagi.

81) Ассир. № 274 (второй групповой знак). В халдских текстах тоже встречается часто, тоже, как и предыдущая, преимущественно в перечне добычи, см. Сардуровские летописи IV 55 и др.

82) Ассир. № 275. Встречается в Сардуровских летописях VI 10.

83) Ассир. № 264. Встречается в надписях о сооружении каналов, см. Никольский XIII 7, XIV 6.

84) Ассир, № 307. Начертание знака вариируется в зависимости от размеров первого вертикального клина, иногда принимающего и горизонтальное положение, см. в детерминативах № 8 и идеогр. № 92. Как идеограмма, снабжается в халдском фонетическим чтением lutu. Встречается очень часто в перечне добычи. Иногда написание lutu заменяется в сходных контекстах словами ue diani или maatqi, см. Сардуровские летописи V 5 и др., а также об'яснение к ним на стр. 39. Последнее, maatqi, Сэйс переводит словом „девушки“, но по контексту различие между тремя чтениями слабо наблюдается. В самом фонетическом чтении знака идеограммы, именно sal (знак IX 1), Н. Я.

Марр усматривает основу sal и hal с тождественным значением „жены, женщины“ в яфетических языках, ср. грузин. ქალ (Надпись Русы из Маку, 25 прим.).

85) Ассир. № 297. Встречается часто в перечне добычи и жертвенных животных, обычно с фонетическим ее чтением шише „овца“, реже с одним исходным слогом ше, из ши-ше, напр. Хорхорская надпись 3-я колонна (Сэйс XXXIX 43), тоже редко вовсе без фонетической добавки, напр. надпись Мехер-Капуси стк. 40 и др. В значении „жертвы“ употребляется лишь несколько раз, напр. в надписи сел. Гузак, стк. 25 (собрание А. А. Калантара № 11).

86) Ассирийская составная идеограмма из знаков №№ 297, 52 и 108 в значении „овцы прирост маленький“, отсюда „ягненок“. Это значение вполне подходит к тем местам халдских текстов, где она встречается, напр. Звартноцская надпись стк. 18 и др. Может встречаться и без последнего знака tur (см. Сэйс LVI № 4, стк. 1, впрочем, надпись дефектная).

87) Ассир. № 319. Приводится мною по Сэйсу.

88) Нет ассирийского соответствия; впрочем, точное начертание знака и в халдском пока не улавливается. Отмечен в надписи, опубликованной в журнале „Арарат“ за ноябрь 1896 года, где в обычном строительном тексте вместо идеограммы храма или вообще здания (см. идеогр. № 47) стоит указанный знак. Повидимому, его же мы имеем и в Сардуровской летописи III 11, где говорится про воздвижение сооружения богу. Начало знака и здесь не вполне ясно.

89) Ассир. № 302. Стоит в титулатуре царя „царь вселенной“ и т. д. В значении „раз,-крат“ встречается реже, напр. в последнем столбце Хорхорской летописи (Сэйс XLIV 17) „четырежды четыре раза“, тоже в надписи Сэйс XLVIII 22.

90) Ассир. № 304. Встречается часто, заменяясь в сходных контекстах словами abili dubi „пепел я положил“ (в пепел обратил), напр. Хорхорские летописи 1-ая колонна 7 и 7-ая колонна 4.

91) Ассир. № 294. Знак множества, обычный для халдской клинописи, понимается Н. Я. Марром и в отдельном значении „много“, см. идеограмму № 73 и об'яснения к ней.

92) Халдский вариант идеогр. № 84.

93) Более редкий вариант идеогр. № 91. Тождествен одному из начертаний ассирийской идеограммы № 294 и графически совпадает с цифрою девяносто,

94) Ассир № 323 в тех же двух значениях. В последнем, „сын", усматривалось Сэйсом в надписи LI, I 8 (в издании 1882 г.), в которой стоит перед собственным именем, как и в ассирийском, вопреки обычным построениям халдских текстов, где имена отчества имеют фонетический, а не идеографический, придаток в конце прибавлением к собственному имени термина qini „сын". В значении „воды" усматривается в надписи Сэйс LXXIX 2, 26 с последующим и отдельно стоящим фонетическим ее чтением tsu. Она же входит в состав приводимой ниже идеограммы.

95) Ассир. № 323 (одинадцатый групповой знак). Встречается в ряде надписей, напр. Звартноцской стк. 14.

Об'яснения к чистительным.

Начертание заимствовано из ассирийского. Различные варианты написания цифр 4, 7 и 9 равноправны и в полной мере заменяют одни других. Для шестидесяти, когда эта цифра не сопровождается другими цифрами, усматривается Сэйсом еще и иное начертание, совпадающее со слоговым знаком ши и отмеченное мною в идеограмме № 64 (см. об'яснения к ней). Цифры 70, 80, 90, как и в ассирийском, выражаются придатком десятков к цифре 60, изображенной в этом случае одним большим вертикальным клином, но клин этот, взятый в отдельности, не представляет собою цифры 60, каковое имеет в халдском свое построение из двух рядов по три угла в каждом. Поэтому один вертикальный клин мною и не помещается как самостоятельное написание 60. Он, в самостоятельном написании без придатка десятков, означает цифру 1, каковую, повидимому, следует усмотреть и в фразе I tume, вероятно „одного округа", „одной области" (в смысле самостоятельного владения), напр. в Сардуровских летописях V 9 „200 городов I туме", тем более, что в надписи Сэйс I 16 цифра, представленная одним вертикальным клином, заменена ее фонетическим чтением шusini „один" (см. мою статью „Числительные в халдском") „14 дворцов 100 городов одного тумени я занял".

Сотни и тысячи, как было уже указано выше, снабжаются особым знаком-детерминативом, в отдельности не означающим ни сотни ни тысячи. Они получают такое значение только при цифровых обозначениях впереди. Десятки тысяч отделяются от единиц тысяч повторением того же знака-детерминатива. Для десяти тысяч имеется фонетическое чтение atibi, каковое иногда и используется в цифровых обозначениях. Например, в надписи Сэйс XXXVII 14 приводится подсчет захваченных людей, а именно: 19.255 отроков, 10.140 воинов, 23.280 женщин, всего 52.675 людей. Последняя цифра изображена следующим образом: 5 atibi 2 тысячи 6 сотен 75. Некоторое сомнение в возможности самостоятельного значения за знаком сотен возбуждают Сардуровские летописи VI 2 и надписи Сэйс XLVIII 26, LI, III 3, в которых обычно читается Qaldiiш 120 tuqi aruni „бог Халд 120 пленных увел". Здесь цифра 100 представлена одним знаком сотен, он же фонетический слоговой знак me XII 1, но это чтение должно отпасть, так как в 7-ой колонне Хорхорских летописей аналогичное построение дает Qaldi iш me uш agununi и т. д. (Сэйс XLIII 15), где знаки me и uш едва-ли дают слишком своеобразное построение цифры 160, нигде в халдском в таком виде не встречающейся и никем из халдоведов так не переводимой. Если же в указанном месте Хорхорской летописи знак me не означает сотни, то от такого же его значения в других аналогичных контекстах придется отказаться. Очевидно, мы имеем в данном случае не сотню, а слово me (местоимение 3-го лица), может быть iшme в неясном для нас значении. Сандалджиан (ц. с.) переводит его как „часть", „доля", понимая всю спорную фразу так: „бог Халд как свою долю 20 пленников взял", перевод очень соблазнительный, так как подходит к контексту, но явно неправильный, потому что имя бога не стоит в падеже логического суб'екта на ше. Возможно, что пока придется остановиться на следующей разбивке: Qaldiiш me 20 tuqi aruni „бог Халд его (=своих) 20 пленников увел". Но и это сомнительно, так как здесь всплывает, хотя и отмеченный исследователями, архаизм падежного окончания логического суб'екта на iш вместо обычного ше, но архаизм этот нигде, кроме данного случая, не наблюдается. Перевод требует разработки, и не

устраняется возможность того, что имя бога окажется стоящим в род. усеченном Qaldi(e), как и читает Шульц в отмеченном месте надписи XLVIII; слово išume потребует уточнения, а глагол aruni может оказаться вовсе не глаголом, во всяком случае не 3-им лицом аориста, глагол стоит дальше в обычном первом лице царского повествования. Но, каков бы ни был перевод приводимый фразы, все же о самостоятельном в ней значении знака me, как сотни, и в этом месте говорить не приходится.

Некоторый особый оттенок имеет в халдском цифра четыре, употребляемая иногда (напр. последний столбец Хорхорской летописи стк. 17) для обозначения усиления действия, как то: нарушителей или осквернителей надписи боги должны покарать четырежды четыре раза. Выражение представлено повторным написанием цифры 4 и идеограммою № 89 после них.

Фонетическое чтение улавливается для цифр 1 uusini 2 meušini и 10.000 atibi (см. мои статьи „Числительные в халдском“ и „Изображения числительных в надписях Сардура“).

История дешифровки надписей.

Когда ученые Запада заинтересовались клинописными памятниками, и последние вошли в научный оборот, определенное и весьма почетное место в этих работах заняла и клинопись древнего Вана. Внимание к ней с первых же годов оживления интереса к археологическим памятникам Передней Азии было проявлено настолько большое, что признано было настоятельно необходимым командирование отдельного лица для обследования древнейших письмен территории Турецкой Армении. Выбор пал на молодого немецкого ученого Шульца, и Французское Азиатское Общество снабдило его всем необходимым для скорейшей поездки в указанный район. Это было сто лет тому назад, в 1825—26 годах. Шульц собрал богатейший материал, но миссии своей не закончил, и недолго пришлось ему поработать на поприще изучения халдских клинописных текстов, так как во премя пребывания в Турецкой Армении он вскоре же был убит курдами. Результаты его работ были напечатаны тем же Французским Обществом в 1840 году, многим спустя после его смерти.

Позднее той же печальной участи подвергся и другой исследователь, д-р Рош. Несмотря на трагичный конец Шульца, интерес к халдской-урартской клинописи нисколько не слабел, и упоминанию об отдельных ее надписях мы обязаны таким выдающимся исследователям древностей Передней Азии, как Раулинсон, Гротефенд, капитан Мюльбах в сороковых годах прошлого века, Лейард в пятидесятых, а в последующие затем годы аббату Хюверна, Роберу, Мюллерам и др., а также целому ряду армянских ученых, как то Патканову, Месропу Смбатяну, Алишану, Басмаджиану, Нерсесу Саргисяну и многим другим, часто ограничивающим свою долю участия в общей работе обнаружением надписи, ее копированием и снятием фотографий и эстампажей. Труды многих из них помещались в иностранных, русских и армянских периодических изданиях и монографиями. Одну из старейших публикаций халдских текстов в русском издании Академии Наук дал Кестнер в 60-х годах минувшего столетия.

Интерес к халдской клинописи не ослабел и в конце XIX века, когда были сделаны первые систематические попытки к чтению самих клинописных текстов древнего Вана. В этом отношении задача, в части халдского-урартского письма, была уже значительно облегчена предыдущею работою над чтением ассирийских текстов, сдвинувшейся с места благодаря Гротефенду, который, кстати сказать, был знаком и с памятниками Вана. Одною из первых больших работ, посвященной этому вопросу, был труд Мордтмана, 70-х годов, считавшего язык урартских письменных памятников за индо-европейский и сопоставлявшего его с армянским. Но Мордтман, как указали критики его работ, был слабо знаком с ассирийскою клинописью, и его чтение халдских письмен оказалось сплошь условным. На правильный путь дешифровки надписей стал лишь Гюйар, принявшийся в начале 80-х годов, по старому методу Гротефенда, к чтению отдельных слов в фразах, содержание которых не вызывало сомнения. Он остановился на последних строках халдских надписей и, по аналогии с ассирийскими, не без основания усмотрел в них формулу проклятия по адресу тех, кто покусится на цельность клинописного памятника. Эта формула проклятия послужила для него исходным пунктом

к дешифровке слов, значение которых вполне улавливалось по сличению со сходными местами ассирийских текстов. После этого удачного шага собственно и началось чтение древне-ванской клинописи и систематическое ее издание с проработанным переводом. Здесь, в этой колоссальной работе первое место занимает поныне здравствующий оксфордский профессор Сэйс, начавший свои публикации с 1882 года в сборнике Английского Азиатского Общества и продолжающий их до последнего времени. Мы имеем тут, хотя и рассеянный по разным номерам сборника, но полный корпус халдских надписей, правда, изданный в транскрипции и без фотографий. Неоцененную заслугу в деле издания и толкования этих же клинописных текстов имеют и два немецких ученых—Леманн-Хаупт и Бельк, много поработавших на месте, произведших и самостоятельные археологические изыскания и посетивших Закавказье, где кратковременно был и известный исследователь Элама, де-Морган. Им и выдающимся ассириологом, сотрудником де-Моргана по Сузской экспедиции и заместителем его в ней по должности ответственного руководителя ,аббатом Шейлем были также обнаружены отдельные халдские надписи. В самое последнее время халдоведы Запада наиболее остро почувствовали те неудобства, которые вызывает пользование изданиями, в громадном большинстве случаев ограничивающихся передачею текста в транскрипции. Неудобства эти тем более заметны в кабинетной работе тех многих ученых, которые лишены возможности видеть сам подлинник и которые, благодаря этому, не в состоянии проверить даже правильности чтения самих знаков. В связи с этим у Леманн-Хаупта возникла мысль, которая, как видно из его писем, и осуществляется, об издании самостоятельного корпуса халдских надписей, уже снабженного воспроизведениями оригиналов, и Леманн-Хаупт обращается ко всем специалистам в этой области с просьбою доставить ему фотографии с текстов еще не попавших в число исследуемых, чтобы и они могли бы своевременно попасть в этот начатый ответственный труд.

Что касается надписей района Закавказья, то они также опубликованы в основных сводных работах западных ученых, в частности они все имеются у Сэйса. Но им дана и отдельная сводка в прекрасной работе М. В. Николь-

ского, занявшей полностью V том „Материалов по Археологии Кавказа", издания Московского Археологического Общества, и снабженной в исчерпывающем виде воспроизведениями фотографий и эстампажей. Никольским же сделан и общий обзор халдской культуры и истории древнего Вана в I томе Древностей Восточных, того же Московского Общества. Правда, оба эти труда основаны на весьма ограниченном материале, имевшемся тогда, в 1893 и 1896 годах, в распоряжении их автора и потому несколько устарели. Материал этот, в части Закавказья и прилегающего к нему Юга, пополнен изданиями отдельных надписей В. С. Голенищевым и Н. Я. Марром.

Издание текстов и научно-исследовательская над ними работа, конечно, уже давно поставили на очередь вопрос об определении характера языка и принадлежности его к определенной языковой группе. Тут, в литературе до последних годов включительно, нет полного согласия, и хотя большинство виднейших представителей научного мира указывает на родство его с кавказскими, но были и продолжаются до настоящего времени попытки определения его как индо-европейского. На такой почве стоит и Сандалджиан, издавший в 1900 году свод надписей, тоже в транскрипции, с переводом на армянский, латинский и французский языки. Этот взгляд на халдский-урартский язык повторяется и в последующей его работе 1910 года.

Более же точное и углубленное исследование халдской речи тесно связано с последними работами академика Н. Я. Марра, давшими в итоге возможность специально коснуться вопроса о характере и структуре этой речи и месте, занимаемом ею среди других языков.

Положение халдского языка среди других языков.

Со второй половины XIX века язык древне-ванских клинообразных текстов обратил на себя, как мы видели выше, особое внимание русских и западных ученых. Язык этот вскоре же большинством исследователей был признан не семитическим и не индо-европейским. Резюмируя мнение халдоведов, М. В. Никольский, еще в 90-х годах прошлого века отметил несомненную связь его с кавказскими и в част-

ности с грузинским, но оговорился, что уточнение вопроса о взаимоотношениях этих языков может быть сделано только грузиноведом. Это совершенно правильное указание М. В. Никольского естественным образом вынуждает нас с особым вниманием обратиться к исследовательским работам Н. Я. Марра над клинописными намятниками древнего Вана.

Халдскими текстами Н. Я. Марр занялся уже проработав грузинский и армянский языки и собрав обширные лингвистические материалы по целому ряду других языков Кавказа. Проработан был также и так называемый язык 2-й категории Ахеменидской надписи на Бегистунской скале, то есть ново-эламский. При такой подготовке, конечно, ответ на вопрос о структуре языка халдов Биайны и об отношении его к кавказским мог быть дан академиком Н. Я. Марром лучше, чем кем-либо иным из числа ученых, специально занимавшихся халдскою клинописью в России и на Западе.

Делая здесь краткую сводку выводам Н. Я. Марра, я останавливаюсь лишь на более существенных местах, вполне, по моему мнению, достаточных для принимаемого на себя задания освещения вопроса о положении халдской речи среди других, об'единяемых в определенные группы, языков.

Первою отмеченною систематическою особенностью была пассивная конструкция речи халдских текстов, то есть постановка подлежащего при всех временах сказуемого в косвенном падеже, именно в родительном полной формы на „ше". Эта особенность, свойственная яфетическим языкам, в значительной мере изменила чтение собственных имен, принудив отбросить падежное окончание логического суб'екта и в переводе не снабжать собственное имя согласным элементом суффикса ше (ш или s), как это делалось и, к сожалению, продолжает еще делаться некоторыми переводчиками и, под их влиянием повторяется в трудах историков не халдоведов, притом часто без всякой последовательности. Так, имена царей некоторыми читаются Сардурис, Русас, Аргиштис, имя же бога Халд или Халди, но не Халдис.

Вторым крупным достижением в области халдоведения было установление падежных окончаний с отнесением их к нормам определенной группы опять таки яфетических язы-

ков при строгом соответствии огласовки и при наличии характерного для данной группы согласного элемента. Именно, суффикс „ше" является вполне закономерною формою родительного падежа, имеющего показателем в свистящих языках (грузинском) „s", в шипящих (мегрельском, чанском) „ш", при огласовке „i", что дает в грузинском „is" в шипящих „іш", а с перестановкою согласного элемента „ші" и с обычным для халдского перебоем i/e „ше". Далее, в шипящих яфетических языках наблюдается отпадение согласного элемента в том же падеже и, в силу этого, появление родительного усеченного с одним гласным „i/e". Именно он имеется в халдских текстах в значении косвенного родительного падежа. Затем, в дательном падеже тот же согласный „s" и „ш" снабжаются огласовкою „a": „as" и „аш", но в живых грузинском и шипящих языках наблюдается архаизм, которого не имеется в их родительном, но которое налично в этом падеже халдской речи, именно постановка согласного на первом месте, дающая формы дательного падежа в грузинском „sa" и в шипящих „ша". Этот дательный падеж используется в языках шипящей группы в значении направительного и во мн. числе получает впереди суффикс „ფе": „ფе-ша"; в халдском, наоборот, согласный элемент продвинулся на второе место, как в родительном грузинском, и суффикс мн. числа стоит в конце „аш-te", употребляется же эта падежная форма тоже в значении направительного.

Общею для халдского и мегрело-чанского языков является также другая особенность, именно наличие именного окончания во всех падежах. В яфетических языках именительный падеж не имеет своего суффикса, но получает именное окончание „i", оно же налицо в халдском, при чем в нем, также как в мегрельском и чанском, суффиксы косвенных падежей прибавляются не к голой основе, а к основе снабженной именным окончанием, другими словами, именное окончание в них сохраняется и в косвенных падежах, при этом, халдский язык, имеющий, как и горские языки Кавказа, везде пассивную конструкцию, использует неоформленный падеж, как падеж логического об'екта.

Все эти падежные особенности могли быть с такою точностью отмечены только Н. Я. Марром, привлекшим для об'яснения халдского склонения все свои знания кавказских

яфетических языков, и, конечно, мы не можем ставить в вину западным халдоведам, что они не пришли к пониманию структуры языка, напротив, мы можем поставить в заслугу Леманн-Хаупту то, что он, продолжая считать халдское „ше" за форму именит. падежа, все же усумнился в правильности понимания переходного глагола и усматривает повторение суб'екта в каком-то косвенном падеже.

Значительное уточнение в чтении халдских текстов было внесено и об'яснением частицы „ni", изобилующей в речи ванских клинописных памятников и в сильной мере смущавшей всех халдоведов. Н. Я. Марр отметил разнообразный характер этой частицы, имеющей в халдском значение дательного падежа „ni", значение суффикса мн. числа „ni", значение вспомогательного глагола „есть" „ni" (параллель сванскому „li"), значение наличного и в мегрельском относительного местоимения „что→который" „ni", а также значение послелога „для" „ni", имеющегося в тех же мегрельском и чанском. Если к этим формам прибавить еще коренное „ni", как конечный согласный „n" полных форм ионского образования, изобилующего в халдской речи, q̇in, dan и др., с именным окончанием q̇ini, dani и т. д., то мы, действительно, поймем изобилие этой частицы в рассматриваемых нами клинописных памятниках и не впадем в такую ошибку, в какую впал, например, Сандалджиан, причисливший ее ко всем формам падежных окончаний, то есть и к родительному, и к дательному, и к винительному как единственного числа, так и множественного.

Что касается самих основ, то здесь чтение оказывается в значительной мере затрудненным неясностью клинописного начертания в отношении его фонетического произношения как простого согласного или аффриката. Дело в том, что такие сложные звуки как ṫ, ḋ, ϑ̇, и t̰, d̰, ϑ̰, далеко не всегда и даже в значительной степени редко улавливаются по клинописным текстам. Между тем, именно они весьма показательны для определения структуры языка, для определения в нем слов той или другой яфетической группы. Такие ряды как s ⇂ ṫ → ḋ → ϑ̇, и с другой стороны ш ⇂ t̰ → d̰ → ϑ̰ указывают на тяготение основы слов первые к свистящей группе (грузинский) , вторые к шипящей (мег-

рельский и чанский). И если бы в халдском языке, кроме простых согласных „s“ и „ш“, были налицо и все указанные аффрикаты, то задача наша в этой части была бы не так затруднительна. При наличных же условиях приходится определять слова по гласному элементу и анализировать их привлечением эквивалентов из других языков. Например, при грузинском d̆en-a „приобретать,“ „рожать“ и d̆e—*d̆en „сын,“ „порождение“, мы должны, при звуковых соответствиях свист. d̆ || шип. d̂ и огласовке свист. e || шип. a иметь в чанском d̂an. Такую форму мы находим в халдском, графически d̂an. Ее мы имеем в составном племенном названии, по халдской передаче U-rur-d̂an, ср. грузин. Ber-d̆en „грек“. Ясно, что халдское d̂an принадлежит по своей структуре шипящей группе, а не свистящей, но не ясно, читалось ли оно с простым зубным звуком d или с аффрикатом d̂.

Подобный анализ представляет даже известный интерес, но, конечно, самая необходимость его затрудняет работу над языком. Мы могли бы даже в таких случаях, как разобранный выше, восстановить и фонетическое чтение и тем, может быть, приблизить наше произношение текстов древнего Вана к произношению самого халда, но здесь выступает другое сомнение, именно то, часто ли халд употреблял аффрикаты и не было ли в его речи склонности к ослаблению сложных звуков в простые. Подобное явление мы наблюдаем, например, в армянском, где при грузин. tel-i „год“ мы имеем tar-e/i „год“, то есть закономерную форму шипящей группы* tar-e/i, но с падением аффриката t̂ в простой зубной t. Этот пример весьма характерен как раз в данном случае и для халдского, так как в нем мы имеем тоже несомненное падение аффриката, только не в зубной „t“, а в сибилянт „ш“. По-халдски „год“ графически, и в данном случае фонетически, звучал шӑl-i.

Останавливаюсь еще на одном примере, оттеняющем другую особенность речи ванских клинописных памятников. В предыдущем случае мы видели в составе племенного названия U-rur-d̂an вполне закономерную форму шипящей группы d̂an, как разновидности свистящей d̆en, наличной тоже в племенном названии грузинского образования ber-d̆en „грек“. Дело в том, что в яфетических языках Кавказа, кроме

сибилянтной группы со свистящим и шипящим слоями, представленных первый—грузинским языком, а второй языками мегрельским и чанским, имеется еще спирантная группа. Звуковые соответствия между этими группами будут свист. „s", шип. „ш", спир. „h" и в огласовке: свист. „е", шип. „а", спир. „e/i." Строго по указанным нормам, слово „сын" будет выражаться в свист. * sen, в шип. шап спир. hin, или, в аффрикатах, свист. ǰen, шип. ǰan, спир. ǰin. И если в племенном названии U-rur-dan эта форма в халдском оказалась образованною по норме шипящей группы, то сам термин „сын" в нем имеется в другом виде, именно, при грузин. *ǰen→ǰe „сын" находим халдское ǰin „сын", например Argiiute-ǰin-i „сын Аргишти" и т. д. Следовательно, грузинский язык в данном случае сохраняет полную цельность свистящей группы, именно ǰen, как в образовании племенного названии ber-ǰen, так и в самом термине „сын" ǰe‹—*ǰen, тогда как в халдском налицо и ǰan ǰ dan (в племенном названии U-rur-dan) и ǰin в значении „сын", то есть халдский язык имеет нормы и шипящие и спирантные.

Это вовсе не единичный пример; я останавливаюсь на нем только потому, что он достаточно ярко характеризует структуру изучаемого языка. Действительно, мы имеем ряд слов явно шипящего образования, но мы находим и слова шипяще-спирантной конструкции, то есть уже гибридные внутри самого себя, так халдское al-i „говорит"‹—*hal-i имеет соответствием сванское kəl-e говорит. Последнее, как в согласном, так и в гласном элементах принадлежит спирантному слою, первое же, халдское al-i‹—*hal-i, имеет спирантную форму при огласовке шипящей по закону свист „е", шип. „а", спир. „e i". А если к этому разбору словообразований мы прибавим еще приведенные выше нормы склонения. явно шипящие по своей структуре, то картина получится ясная.

Отсюда делается вполне обоснованный на анализе фактического материала вывод, что клинописный язык древнего Вана есть языческий язык шипяще-спирантного типа, то есть типа наличных на Кавказе языков сванского, мегрельского и чанского.

Что же касается до отношения его к арийским языкам, об арийских на него влияниях, то в этом вопросе требуется

особая осторожность. Халдский язык, несомненно, как мы видели выше, язык яфетический, но он уже подвергся разрушительным воздействиям иноприродной речи и, отмечая это, Н. Я. Марр указывает на языки арио-европейские, как на те, которые скорее других могли оказать такого рода воздействие , „так как с семитическими языками у яфетических в основе общие природные нормы, а о столь раннем появлении в крае языков турецкой семьи пока нет реальных оснований утверждать. О встречах с турецкими или иными агглутинативными и аморфно-синтетическими языками и их органическом влиянии речь может возникать лишь в том случае, если вопрос о разрушении яфетических языков будем вынуждены перенести в эпохи значительно более древние, чем времена ванских царей, и если ставиться он будет в большем масштабе, с захватом всех клинописных яфетических языков, не исключая и шумерского".

Здесь требуется рассмотрение вопроса во всем его об'еме, так же как только во всем об'еме халдского языка можно будет говорить об арийском на него воздействии, анализ же отдельных слов часто приводит к недоразумениям. Так например, слово клинописного начертания DUP „письмо" едва ли может быть признано иранским, хотя армянский его эквивалент dəp (dəp-ir писец) признается заимствованным из персидского. Но дело в том, что самый древний иранский памятник, в котором это слово встречается в виде dip-i „письмо", „надпись", есть Ахеменидская надпись, каковая, конечно, многим моложе халдских клинописных текстов, „наличие же этого слова, говорит Н. Я. Марр, в ассиро-вавилонских текстах в виде duppu, еще более—его появление в виде tip-pi в эламском лишь подтверждает его не-арийское происхождение" (Макин. над.). И таких, совершенно необоснованных отнесений слов к числу арийских по корню делается много и не по ним, конечно, можно судить об арио-европейских элементах в языке древне-ванской клинописи.

Фонетика.

В чтении халдской клинописи требует чрезвычайной осторожности вопрос об оттенках звукового произношения клинописного знака и, в первую очередь, мы должны иметь ввиду, что халды заимствовали клинопись целиком у ас-

сирийцев. Сейчас я не буду углубляться в прослеживание истории возникновения самого клинообразного письма, вопроса весьма спорного, на который исчерпывающего ответа пока не дается . Несомненно лишь то, что сами ассирийцы не явились изобретателями этого письма и что они использовали своих предшественников аккадийцев и шумеров (сумерийцев). Но для нас не имеет особого значения, откуда именно получили ассирийцы свое письмо и кто является его истинным творцом, так как ассирийцы приурочили клинописные знаки к своей речи и вполне освоились с письмом к тому моменту, когда уделили его халдам. В этот момент, в середине и во второй половине IX века, халды имели перед собою уже ассирийскую готовую письменность и в рамки этой письменности, служившей для начертания семитического языка, втиснули свою не-семитическую речь. В таком процессе заимствования письма знак должен был претерпеть некоторые изменения, и фонетическое его чтение могло в деталях не всегда точно совпадать с ассирийским. Этим в значительной мере об'ясняется начертание халдами одних и тех же слов различными комбинациями знаков, и потому графика у писца древнего Вана оказалась неустойчивою.

К тому-же у нас совершенно нет уверенности в том, что халды широко пользовались вообще письмом. В частности, мы знаем, что на самой заре их истории Сардур сын Лутипра пишет просто на ассирийском языке и вполне возможно, что наукою уловлен момент перехода написания оффициальных актов с ассирийского на халдский, каковой и будет относиться к последней четверти IX века. Но, конечно, мы имеем здесь не начальное время образования вообще халдской речи, которая, вне всякого сомнения, значительно предшествует, может быть и даже вероятно многими веками предшествует моменту введения в жизненный оборот клинообразного письма правителями Биайны. Поэтому, до известной степени слабою стороною халдоведения явилось сохранение в ее исследовательской работе в полной мере того звукового значения клинописного знака, какое присуще ему в ассирийском, и допущение лишь в редких случаях отдельных поправок, вводимых к тому же только под влиянием графически воспринимаемого текста, то есть безо

всякого учета фонетических особенностей языка того народа, который воспользовался ассирийскими знаками для внешнего выражения письмом своей не-ассирийской речи.

Все же, сам по себе, факт постановки наукою халдоведения в основу дешифровки древне-ванских клинописных текстов того значения, которое сохранено за знаком в ассирийской письменности, конечно, представляется правильным. Только таким путем мы и можем работать над халдскою клинописью, иначе почва, на которой мы стоим при чтении ее текстов, совершенно ускользнула бы из под наших ног, и мы даже разошлись бы с самим халдом, который, заимствуя чуждую ему клинопись, все же считался с тем значением ее знаков, какое веками закрепилось народом, уже давно им пользовавшимся и давно с ним освоившимся. Следовательно, вопрос стоит только о деталях чтения, о деталях произношения отдельных знаков, долженствовавших у халдов передать присущие им фонетические особенности, чуждые языку ассирийскому. И эти оттенки произношения мы должны по мере наших сил улавливать, если хотим углубиться в анализ слов, без какового определение самой структуры речи часто является совершенно не возможным, и если не хотим ограничиться одним только переводом, для которого произношение слов иногда и не важно. В процессе работ в этом направлении мы, естественно, должны учесть фонетические явления в родственных халдскому языках, то есть в тех же яфетических, и именно в тех из них, к которым халдская речь по самой своей структуре подходит наиболее близко, на основании же ассирийской фонетики мы в этой работе можем строить выводы в гораздо меньшей степени, хотя бы самая манера письма и попала в Биайну-Ван от ассирийцев.

В то же время мы не должны забывать и того, что если государство, как самостоятельная политическая единица, исчезло, то отсюда вовсе не следует, что исчез и сам народ; в частности мы знаем, что Элам пал при Ашурбанипале, в середине VII века, язык же его, хотя и несколько видоизмененный, сохраняется при Ахеменидах и попадает в надпись Бегистунской скалы. Следовательно, и халдская речь могла сохраниться и, очевидно, сохранилась, хотя бы и в пережитках, у последующих насельников края, у армян,

язык которых, таким образом, тоже должен быть принят во внимание при халдоведных лингвистических работах, и не один он, так как и в грузинском, равным образом, мы найдем не мало об'яснений темным сторонам халдского вопроса.

Все сказанное я резюмирую словами Н. Я. Марра: „при нашей постановке дела, то есть при дешифровке халдской клинописи на основе сравнительной грамматики яфетических языков и в частности ее фонетики, мы не можем зависеть исключительно от норм графики, установленных для ассирийского письма на основе семитической филологии".

Обращаясь затем к улавливанию особенностей халдской фонетики, следует отметить слабое развитие гласных звуков по графическому их начертанию. Например, в ассирийской клинописи вовсе нет знака для написания гласного „о", такового знака не оказалось и в халдском. Отсюда, конечно, вовсе не следует, что его совсем не было в живой речи, вероятно он существовал, но обозначался знаком „u", который в языках шипящей группы с ним чередуется, то есть, графически, оба губные звука, широкий и узкий, слились. Далее, я уже отмечал выше, что склонность к исчезновению спиранта в начале одного из начертаний „u" (русское у), привело к тому, что у халда оказались два знака для выражения этого звука, два знака, которые он иногда считает совершенно равноправными. Но и отсюда вовсе не следует, что во всех случаях написания различных слов он считал их равными, и нельзя с уверенностью сказать, что он вовсе утратил сознание различия между ними. И здесь, естественно, приходится в отдельных спорных случаях прибегать к сравнению халдских слов с их фонетическими эквивалентами в других сходных по конструкции яфетических языках.

Не менее сложно обстоит дело с так называемыми полугласными, именно с сонорным средне-язычным „y" и губно-зубным „w". Оба они не имеют специального начертания в халдском письме и, очевидно, заменялись в соответствующих случаях гласными „i" и „u". В результате получилось невозможное построение слов, именно, частое стечение гласных звуков, что яфетическая речь, как общее правило, не выносит. И этот дефект графики мы должны

исправить в чтении, то есть должны учитывать, что для начертания „ay“ и „ya“, „aw“ и „wa“, „ye“ и т. д., при недостатках в этом отношении самой системы клинообразного письма, не знающего отдельных знаков для написания полугласных, приходилось изображать „ai“ и, „ia“, „au“ и „ua“, „ie“ и т. п. Таким образом, слово „я соорудил“ по-халдски графически выражено шuaie, то есть со стечением целых четырех гласных, фонетически же его чтение, вероятно, было шwaye.

С согласными звуками дело тоже обстоит далеко не благополучно. С бóльшей уверенностью в правильности произношения клинописных знаков мы можем быть только по отношению к простым сибилянтам s, ш, z, j и губным p, b, ʾ, в значительной мере и к задне-язычным k, g, q. В отношении же зубных дело обстоит плохо, так как здесь мы имеем большой ряд сложных звуков (аффрикатов), именно из слияния t—d—ṭ со свистящими s, z: ṭ, ḏ, ṯ, и их же с шипящими ш, j: ṭ—ḏ—ṯ. Между тем, в халдском клинообразном письме из всех этих аффрикатов выражены лишь ṭi и ṭu, остальные же совершенно не улавливаются, и мы не знаем, действительно ли не имел их халд в своей живой речи того времени, или же он только не мог их выразить все ввиду того же несовершенства заимствованного им у ассирийцев письма. Поэтому мы не знаем, что, например, обозначал древне-ванский писец знаком ta, слог с простым ли зубным t или одним из его аффрикатов ṭ или ṯ, к тому же, вовсе не устраняется возможность и того, что халд, за неимением соответствующих знаков и рассчитывая на знание языка самим чтецом халдом же, употреблял этот знак во всех его различных значениях, то есть пользовался им в отдельных словах для выражения и простого зубного и его аффрикатов, то есть в различных случаях читал и t и ṭ и ṯ. Если это так, то писец вышел из затруднения, но только по отношению к своим современникам, знающим свою речь, каковых он и имел ввиду, но не по отношению к нам. Трудность положения фонетической стороны в части сложных звуков, аффрикатов, усугубляется еще и тем, что мы совершенно не знаем, насколько часто халд пользовался ими в живой речи, а что он далеко не всегда сохранял

аффрикаты, это видно, между прочим, и из приведенного выше примера со словом „год", по-халдски с простым сибилянтом šal-i, вместо аффрикативного ṭal-i (вернее по звуковым соответствиям ṭar-i), которое он графически условно мог бы выразить tal-i, при наличии закономерного аффриката в грузинском ṭel-i.

Что касается звонкости согласных, то халдская речь, если руководствоваться принятым чтением знаков, избегает среднюю звонкость и не имеет ее в губных и зубных, где налицо лишь два ряда: глухие „t" и „p" и звонкие „d" и „b". Все три ряда улавливаются только в задне-язычных, как то и глухой „k" и звонкий „g", и средней звонкости „q".

Согласный звук, как таковой, вовсе не имеет отдельного начертания, он всегда пишется с гласным, но и в этом случае, помимо отмеченного выше вопроса об аффрикативности, возникает еще целый ряд сомнений. Так, в стечении с согласным, весьма редко появляется звук „e", его вовсе нет в губных em, pe, ep, eb, зубных et, ed, de, плавных en, ne, le, er, re, в задне-язычных ke, ge, qe, в сибилянтах eš, se, равным образом отсутствует знак mi. Другими словами он, звук „e", налицо в древней письменности Вана только в следующих слоговых знаках: še, el, me, be, te, ḳe. При таких условиях, для начертания приведенных выше фонетических слогов, в которых гласный „e" отсутствует графически, писцу приходилось прибегать к различным комбинациям знаков, не стесняясь при этом появления лишнего гласного звука, при чем, возможно, что ему тут приходилось пользоваться и таким сложным начертанием звука, как стечением двух знаков, из которых один, слоговой, читался только в своем согласном элементе, например „ri-e" для выражения отсутствующего „re" и в этих случаях халд, помещая лишний гласный, может быть вовсе и не оттенял долготы его, также как не оттенял ее тогда, когда хотел отметить обратное явление, именно, что „ri-e", „ni-e" и т. п. должны читаться полностью, как например, написав в одном случае g i š š u - r i - e, в другом случае пишет giš šu-ri-i-e, во избежание неправильного прочтения в первом случае giš šu-re. Этим же мы можем об'яснить и на-

писание имени страны A-bu-i-ni-i-e-di, то есть фонетически Abuiniedi, а не Abuinedi, и целый ряд подобных случаев.

Впрочем, халд, повидимому, не выработал строгих правил письма и, может быть для этого у него не было достаточной практики. Он в каждом отдельном случае комбинировал имеющиеся в его распоряжении знаки и различно писал одни и те же слова; так, для выражения слога „giш", он мог использовать и цельный знак этого значения и сочетание двух слоговых знаков „gi-iш", поэтому, даже весьма распространенное имя царя Аргишти, он пишет и Ar-giш-ti и Ar-gi-iш-ti. Тут, равным образом, едва ли всегда оттеняется долгота гласного, скорее мы имеем здесь чисто графическое явление или указание на чтение текста нараспев, о чем придется сказать несколько слов ниже.

Далее, в халдской речи несомненно существовал перебой „e" в „i", и звуки эти он не всегда точно различал, поэтому и родительный усеченный представляется им обоими гласными, поэтому же, в частности, и слово сын „Аргишти" он пишет и Ar-giш-ti-q̇i и Ar-giш-te-q̇i, причем в обоих случаях сокращается полное начертание родительного усеченного, суффикс которого „e" должен был нарости на именное окончание, в данном случае „i", то есть грамматически правильно это слово должно звучать Ar-giш-ti-e-q̇i, как оно весьма часто и пишется. Очевидно, тут в самом произношении уже произошло слияние звуков, об'яснять же форму ti-e как выражение слога te невозможно, так как именно в этом случае халдский писец имел в своем распоряжении хорошо ему известный знак te. Близость звуков „e" и „i" об'ясняет также и начертание царского имени Менуа, которое, по моему глубокому убеждению читалось Минуа, как это уже и оговаривалось в научной литературе. Дело в том, что халд не имел отдельного знака для „mi" и, очевидно, им выражал оба оттенка, то есть и „me" и „mi". Подтверждением этому служит неоднократно встречающееся начертание Me-i-nu-a, в котором, постановкою лишнего гласного, подчеркнуто чтение первого слога с конечным „i", а не „e".

Затем, если мы как общее правило считаем слоговое чтение за норму, то, конечно, неосновательно то исключение, какое западными учеными в этом отношении устанав-

ливается для одного только знака „ше", читаемого ими как один согласный „ш" или „s". Это делается со специальною целью искусственного конструирования именительного падежа на „s" в формах Menuas, Argiштis, Rusas и т. д. Но именительный падеж в халдской речи вовсе не служит падежом логического суб'екта, таковым, как уже отмечено выше, был, при пассивной конструкции языка древне-Ванской клинописи, родительный полной формы на „ше", каковой и читается в указанных именах Menuaше, Argiштiше, Rusaше. При переводе же, естественно, этот суффикс косвенного падежа отбрасывается, и основа имени, без падежного окончания, звучит Menua, Argiшti, Rusa; так и читает между прочим, М. В. Никольский. Но если мы возстанавливаем „ше" в его правах полного слогового знака, то, вне сомнения, мы должны быть последовательны во всех случаях, между тем этого не наблюдается по отношению к имени бога Теишбы. Графически он обыкновенно пишется ассирийскою идеограммою бога бурной стихии, воды и непогоды, но в редких случаях фонетического начертания изображается халдским писцом знаками Te-i-ше-ba-ше. Здесь конечный слог „ше", как падежное окончание логического суб'екта, откидывается совершенно правильно, но совершенно неправильно не восстанавливается полное чтение „ше" внутри слова, то есть сохраняется чтение этого знака как односогласного „ш". Таким образом, это имя фонетически должно быть приближено к графическому его чтению, и мы не имеем никаких оснований произносить Te-i-ш-ba, когда написано Te-i-ше-ba, не можем этого делать еще и потому, что если бы халд хотел избежать гласного „е" после „ш", то он и написал бы, прибегнув к другой группировке знаков, именно Te-iш-ba. Для меня совершенно ясно, что мы имеем здесь форму Te-i-ше-ba, а с полугласным чтением Te-y-ше-ba, в русской транскрипции Тейшеба, то есть параллель хеттскому Тешубу, каковым он и является на халдской почве. Этот вывод настолько представляется мне очевидным, что я в изложении истории древнего Вана уже внес этот корректив, еще не представленный мною научной критике.

Выступающий в настоящем изложении сложный вопрос о халдской фонетике я должен еще усугубить рядом наблюдений, именно тем, что повторное помещение гласного все

же могло в отдельных случаях оттенять и долготу звука. Кроме того, стереотипный ряд фраз, помещаемых почти во всех надписях, и довольно сходная структура самих надписей как бы указывают на то, что тут перед нами не живая обыденная речь, а тексты особого порядка, несомненно официального характера с определенным религиозным налетом. Так, надпись почти всегда начинается с имени бога, он же фигурирует и в самом тексте, другими словами, бог является действующим лицом. И этот оттенок его как активного участника жизни Биайны доходит до того, что иногда ему, а не царю, приписываются благоприятные результаты военных действий и оказывается, что бог Халд покоряет страны; так прямо и говорится: „к богу Халду обратился я с мольбою, великою к нам милостью покорил он область города Путериа, покорил он область города Хузани, покорил он область Супа" и т. д., царь же здесь собственно непричем, поэтому он же, бог, восхваляется в конце описаний больших походов непосредственно за перечнем покоренных областей, городов и народов с их властителями: „повержены они (то есть эти области, города и пр.) пред Сардуром, бог Халд велик, бога Халда милость к нам велика, к богу Халду обратился я с молитвою за Сардура, сына Аргишти". Здесь характерно то, что в этом нагромождении фраз идет возрастающая гамма одного и того же слога „ni": Qaldi, Qaldi-ni, Qadini-ni „Qaldi kuruni, Qaldini giш шuri kuruni, Qaldinini uштabi. Такое построение легче всего об'ясняется молитвенным содержанием текста, его значением не обычного обыденного типа. И этот характерный, выдержанный тон надписей невольно наводит на мысль о том, что мы имеем перед собою определенные торжественные тексты, читавшиеся нараспев, а в таком случае и растягивание слов включением излишних, казалось бы, гласных звуков может об'ясняться этой же причиной. В то же время не исключается и отмеченное выше об'яснение о появлении, в некоторых случаях, тех же добавочных знаков по техническим условиям растягивания строк, не допускавших переноса слов с одной строки на другую.

Учитывая все эти возможности, приходится анализировать каждое слово, принимая во внимание и все разновидности его графического изображения в различных местах различных

клинописных текстов древнего Вана. Беру конкретный пример: одною из особенностей халдской речи, сближающею ее с яфетическими языками шипящей группы, является непременное наличие именного окончания во всех падежах склонения и характера времени во всех формах глагола, поэтому высказанное предположение, что халд мог для изображения несуществующего в графике звука „re“ прибегнуть к помещению двух знаков „ri-e“, не применимо к форме Sardurie-qini, где должно быть усмотрено наличие обоих гласных, так же как в Argiштie-qini, так как один из них, именно „e“, есть окончание родительного усеченного, которое налегает на гласный именной характер в данном случае „i“. Но именно „e“ имеет в халдском частое чередование с „i“, следовательно, могла быть и форма Sardurii-qini, а при слитном написании—Sarduri-qini, совершенно также как в Argiшti-qini, а при перебое „i“ в „e“ Argiшte-qini. В последней „e“ само по себе уже является перебойным звуком „i“, то есть заменою полной формы „ie“, сократившейся тут в произношении живой речи до одного звука, и в этом виде попавшей в графическое начертание царского имени. Все эти разновидности имеются налицо.

Таким образом, вся глава о фонетике халдского языка оставляет целый ряд неразрешенных вопросов. Но это и неизбежно при работе над мертвыми языками, особенно клинописным.

Грамматика.

А. *Склонение.* В яфетических языках склонение характеризуется гласным элементом и имеет согласный, соответствующий той группе, к которой принадлежит данный язык, и только именительный падеж не имеет отдельного суффикса, снабжаясь вместо него именным окончанием, то есть тем формативом, который делает из слов имя существительное.

Именным окончанием в живых сибилянтных языках, как свистящих (грузинский), так и шипящих (мегрельский, чанский) является гласный „i", каковой в грузинском отпадает при образовании косвенных падежей, а в мегрельском и чанском сохраняется, так что в них суффикс косвенного падежа ложится на основу, уже снабженную именным окончанием. Что касается халдского языка, то в нем имеется четыре вида именных окончаний, как то, более архаичное и потому реже встречающееся „u", его дериват и наиболее распространенное окончание „i" и не столь часто встречающиеся, но все же довольно обычные, особенно в именах собственных и географических названиях, „a" и „e". Здесь, кстати, интересно отметить, что три гласных „a, i, u" являются в халдском и характерами времен в глаголах. Именное окончание в речи древне-Ванской клинописи, как и в языках шипящей группы, сохраняется во всех косвенных падежах, а сам неоформленный падеж, то есть снабженный лишь именным окончанием и не имеющий падежного суффикса, служит в халдском, при пассивной конструкции его речи, падежом логического об'екта. Примеры: ubard-u duni 'веление он положил (дал)', eban-i atubi 'страну я полонил', gunuш-a q̇aubi 'добычу я взял'.

Сибилянтные языки Кавказа собственно имеют только два падежа, родительный и дательный, так как остальные оказываются их разновидностями: так творительный падеж вышел из родительного, а направительный из дательного.

Родительный падеж в этих яфетических языках имеет гласный характер „i", дательный—„a". Согласный их элемент будет для свистящих (грузинский) „s", для шипящих (мегрельский и чанский) „ш", то есть в строгой последовательности по законам звуковых соответствий между свистящей и шипящей группами. Размещение звуков в этих падежных суффиксах не всегда одинаково, и согласный элемент иногда предшествует гласному, а иногда стоит после него, так в родительном он стоит на втором месте (грузинск. is, мегр., чан, іш), в дательном же на первом (груз. sa, мегр., чан. ша), В халдском языке мы наблюдаем то же самое явление, но в обратном порядке, причем согласный элемент в нем проходит по шипящей норме, так в родит. падеже он имеет согласный звук на первом месте *ші, и с перебоем гласного характера i/e, „ше". В редких случаях в халдском появляется и совершенно аналогичная мегрельской форма родит. падежа на „іш": Q̇aldi-іш aruni 'бог Халд увел', вместо чаще встречающегося Q̇aldi-ше aruni. Обе эти разновидности родит. падежа полной формы, то есть „ше" и „іш", служат в халдском для выражения падежа логического суб'екта. Пример: Sardur-i-ше alie 'Сардур говорит.'

В мегрельском и чанском языках родит. падеж полной формы „іш" иногда утрачивает свой согласный элемент, образуя форму родительного усеченного с одним гласным характером „e/i" Совершенно такой же падеж имеется и в халдском, служа для выражения родительного принадлежности на вопрос „чей", а иногда, по контексту, и творительного на вопрос „чем": Q̇aldi-i-e eur-i-e 'бога Халда милостью'.

В дательном падеже языка древне-Ванской клинописи согласный звук продвинулся и стал в конце суффикса „аш". Но эта форма дат. падежа появляется в халдском лишь в значении направительного падежа мн. числа с суффиксом „te": аш-te, причем полную этому аналогию находим в тех же мегрельском и чанском языках, в которых дательный, без продвижения согласного „ша", служит формою тоже направ. падежа ,и во мн. числе получает суффикс „ფе" стоящи перед падежным окончанием „ფе-ша". Для направит. же падежа ед. числа в халдском имеется другой суффикс „di", которому обычно предшествует гласный „e i" (e-di, i-di), может быть характер родит. усеченного. Пример: ^{d}REGIO Bi-

aina-i-di agubi 'в страну Биайну я увел', uштadi dREQIO Etiuni-e-di 'направившись в страну Етиуни'.

В халдском языке имеется еще одно падежное окончание, образованное с согласным элементом сонорной группы, именно „ni" употребляемое в значении дат. падежа на вопрос „кому". В нем гласный элемент характеризует родит. падеж, если только он не является перебоем „u", как в именном окончании (u→i), что само по себе вполне возможно. В таком случае архетип его „*nu" или „*no" будет иметь огласовку дательного, по законам звуковых соответствий свистящего „a" шипящему "o/u". Пример: род.—дат. падежа на „ni": q̇aldi-i-ni uштabi '(к) богу Халду я обратился (с мольбою)',

Множественное число в склонениях выявляется наиболее ярко по фонетическому придатку, характеризующему падеж при идеограмме множественности, стоящей после ряда слов, склоняемых в ед. числе. Прослеживая эту идеограмму, устанавливаем следующие случаи: для неоформленного падежа q̇aubi dREGIO Шeriazi iURBS iPLURALE iINCENDERE-bi, iPALACIUM iPLURALE q̇ar q̇ar шubi 'я захватил страну Шериаз, города (многие) я сжег дворцы (многие) я разрушил' (хорхорская летопись, I7); для родит. падежа полной формы turinini dDEUS q̇aldi-ше, dDEUS iTEIШEBA-ше, dDEUS iARDI-ше iDEUS iPLURALE-ше 'да разгневаются бог Халд, бог Тейшеба, бог Арди, боги (многие)' (формула проклятия); для родит. усеченного iREX iREGIO iPLURALE-ue iREX dREGIO Biaina-ue iREX iREX iPLURALE-ue 'царь стран (многих), царь страныБиайн, царь царей (многих) '(царский титул); для направит.падежа q̇utiadi dDEUSq̇aldi-e-di DOMINUS-di dDEUS iTEIШEBA-di dDEUS iARDI-di iDEUS iPLURALE-аште dRECIO Biaina-аште 'отправившись на поклонение богу Халду владыке, богу Тейшебе, богу Арди, богам (многим) в страну Биайн' (Сардуровские летописи, V2). Следовательно,мн. число, судя по этим идеограммам множественности (iPLURALE), в неоформленном падеже не имеет особого суффикса, в родит. падеже полной формы сохраняет суффикс ед. числа „ше", в родит. усеченном добавляет к падежному окончанию „e/i", характеризующий мн. число гласный „u", давая форму „u-e", в направительном падеже имеет самостоятельное окончание „аш-te", в род.—дат. падеже пока не улавливается. В при-

веденных примерах исходным пунктом для суждения служит также и название самой страны Биайны (др. Вана), которая, как главенствующая над коллективом страна и потому сама—коллектив стран, склоняется во мн. числе и получает такие же его суффиксы, как и iPLURALE. Впрочем, делаю необходимую оговорку по адресу этой страны: иногда в халдских текстах она ставится и в ед. числе.

Таким образом, в халдском склонении, также как и в склонении указанных выше яфетических языков, мы устанавливаем в косвенных падежах две основы, родительную и дательную. Первая имеет полную форму на „ше" и усеченную на „e/i", ее же разновидностью является также направ. падеж ед. числа „di" (e-di, i-di) и род.—дат. на „ni", если только в нем „i" не есть перебой гласного „u". К дательным образованиям принадлежит форма направ. падежа мн. числа „аш-te" и дат. падеж на „ni", если архетипом последнего оказывается „*nu" или „*no".

Подводя итог склонению языка древней Ванской клинописи, повторяю суффиксы его:

	ед. ч.	мн. ч.	
Неоформленный падеж	суффикса не имеет		—служит для выражения логического об'екта.
Родительн. пад. полной формы	ше, редко іш	ше	—падеж логического суб'екта.
Родительный усеченный	e, i	ue	—выражает принадлежность на вопрос „чей", иногда получает значение творительного-орудийного на вопрос „чем".
Направительн. падеж	di, e-di, i-di	аш-te	—на вопросы „куда", „к кому" (в других яфетических языках

и исходный на вопрос „откуда“).

Дательный падеж ni не установлено.

Указанные нормы склонения не могут считаться окончательно установленными. Они лишь выясняются по ходу исследовательской работы и потому нуждаются в дополнениях, уточнениях и, может быть, даже частичных исправлениях. Но все же они свободно могут быть использованы при чтении и толковании текстов и послужить исходным пунктом для последующих научных изысканий в области изучения морфологии данного языка.

Б. Спряжение. В халдском языке, в виду особой конструкции его речи, ярко выступает лишь три времени, настоящее, аорист и будущее. Все они характеризуются определенными гласными. Настоящее имеет характером вренени гласной „i“ и в третьем лице ед. числа снабжается еще придатком „e“, присутствие которого впрочем не обязательно (al-i-e, al-i 'говорит он'), аорист имеет характер „u“ и окончание лица для первого — „bi“, для третьего — „ni“ (ag-u-bi 'я увел',ag-u-ni 'он увел'), будущее время, встречающееся главным образом в формуле проклятия, т. е. в заключительных строках надписи, характеризуется тоже гласным „u“, но снабжается суффиксом li-e, li (t-u-li, t-u-li-e 'он похитит', pit-u-li, pit-u-li-e 'он испортит' и др.). Но число времен этим, конечно, ограничиться не может, и дело дальнейших научных изысканий уловить и другие оттенки времен.

Пока, в процессе работ, можно дополнить эту слишком краткую схему еще нижеследующими наблюдениями. Во-первых, Н. Я. Марром с полным основанием усмотрен в постоянно встречающемся слове формулы проклятия turinini глагол 'гневаться'. Основу его turin,с исчезнувшим неясным спирантом после зубного t (tʒurin) он сопостовляет с мегрельским tkorin 'гневаться', 'гнев'. Сопоставление это представляется вполне убедительным, особенно при неясности чтения в халдском гласного „u“ или „o“ (turin или torin) и при неуловимости зубных аффрикатов, дающих возможность и в халдском произношения turin или torin. Указанная форма turin-i-ni содержит тот же, как и настоящее время, гласный характер „i“,

заканчиваясь суффиксом 3-го лица „ni", то есть тем же, какой имеется для этого лица в аористе. Здесь, по об'яснению Н. Я. Марра, выражено повелительное наклонение: turin-i-ni ^{d}DEUS Qaldi-i-ше ^{d} DEUS ТЕІШЕВА-ше и т. д. 'да прогневаются бог Халд, Тейшеба и т. д.'. Весьма возможно, что тут пред нами сослагательное-повелительное ('прогневались-бы'—'пусть прогневаются'), которое по своему гласному характеру „i" относится к одной группе с настоящим временем. Наблюдение Н. Я. Марра может быть дополнено тем, что глагол с характером времени „i", снабженный окончаниями лица „bi" и „ni" прослеживается не в одной только указанной форме turin-i-ni. Действительно, мы имеем ряд таких разновидностей глагольных образований, как ші-i-bi, ag-i-bi, uшt-i-bi и др., от которых встречаются и аористные формы ші-u-bi, ag-u-bi, uшt-u-bi.

Засим, Н. Я. Марром к числу глагольных форм относится также слово надписи села Леска шu-a-ie. И опять таки глагол с характером времени на „a" представлен не одним только этим случаем: клинопись древнего Вана дает целый ряд глагольных образований с этим гласным характером и с окончаниями лица на „bi" и „ni", как то ші-a-bi, uшt-a-bi и др. Таким образом, одни и те же глагольные основы прослеживаются в формах с различным гласным характером, например, от основы „ші" 'переводить' (в значении 'переселять') имеем ші-i-bi, ші-a-bi, ші-u-bi, от основы „uшt" 'направляться'—uшt-i-bi, uшt-a-bi, uшt-u-bi, от основы „g" 'вести', с префиксом, „ag" 'отводить', 'уводить'—ag-i-bi, ag-u-bi и т. д. Вне сомнения, халд что-то оттенял различием этого гласного характера, и этот оттенок мы должны уловить, что до известной степени и достигается. В аористе с гласным характером „u" мы явно имеем завершенное действие, образования же с гласным „a", как uшt-a-bi (^{d} Deus Qaldini uшt-a-bi 'к богу Халду я обратился с мольбою') скорее всего отмечает длительность действия, тогда как гласный „i" в настоящем времени уже сам по себе ясен.

Что касается суффиксов лица, то здесь мы равным образом не наблюдаем полного единообразия и прежде всего видим известную неполноту, оправдываемую построением текста, который, совершенно избегая разговорной речи,

наиболее ярко выдвигает только первое и третье лицо, второе же пока не улавливается. Но и в этих первом и третьем лицах намечаются две обособленные нормы образования, именно с окончанием лица „bi“ и „ni“, как в аористе, и с гласным „e“, как в настоящем времени. Этот последний считается Н. Я. Марром за местоименный суб'ективный или об'ективный суффикс. По всей видимости он, действительно, и появляется в настоящем времени al-i-e 'говорит он', причем, в виду отмеченной выше близости в халдском гласных i/e, звук этот мог слиться с характером времени (al-i-e —› * al-i-i —› al-i) и отпасть в графике, чем и об'ясняется, как мне кажется, параллельная форма без указанной местоименной частицы, то есть просто al-i в том же значении 'говорит' (Sardur-i-ше al-i-e, Sardur-i-ше al-i, и в том и в другом случае 'Сардур говорит'). Следовательно, мы имеем тут местоименную частицу 3-го лица суб'ективного строя. Что же должно было служить местоименным суффиксом 1-го лица? Для определения его мы должны обратиться к подлинным текстам и посмотреть, не встречается ли он там в какой—либо роли. И, действительно, его мы там находим в форме „ie“: ie-ше шidi-iшt-u-bi 'я восстановил', но тут он, как логический суб'ект, появляется в родит. падеже полной формы на „ше“, в качестве же глагольной местоимение должно появиться без этого падежного суффикса, и, возможно, что именно оно и налицо в указанной выше глагольной форме надписи Леска шu-a-ie, где гласный „a“ характеризует длительность времени, а „ie“ обозначает первое лицо. Тогда фраза упомянутой надписи может быть истолкована с учетом обоих местоимений, то есть „e“ для третьего лица и „ie“ для первого: Argiштiше ali-e ini ^{i}LAPIS шu-a-ie 'Аргишти говорит (+ он) этот памятник соорудил (+ я)'.

Таково об'яснение, напрашивающееся по поводу местоименных суб'ективных суффиксов, но можно наметить случаи, когда этот местоименный суффикс появляется и в роли об'ективного, именно те, правда очень редкие, когда он наростает на глагол, в котором лицо уже выражено окончаниями „bi“ и „ni“; я имею ввиду такие формы как конечная первого столбца Хорхорских летописей, где перечень добычи заключен глаголом ag-u-bi-e. Здесь лицо в аорист-

ном образовании уже выражено окончанием „bi", поэтому суффикс „e" может иметь только об'ективный смысл, каковой ему вполне и подходит как местоимению третьего лица ag-u-bi-e 'увел я его (их)'. Тот же местоименный об'ективный суффикс может быть усмотрен и в отмеченных глагольных формах будущего времени на „u-li" в формуле проклятия, в которых весьма часто появляется еще придаток „e", t-u-li-e, pit-u-li-e, и если здесь сочетание знаков „li-e', не выражает собою одного слога „le", отсутствующего в клинописном начертании, что, конечно, вполне, допустимо, то он, этот придаток „e", может быть понят и как местоименный об'ективный суффикс в значении t-u-li-e 'похитит он его'. Появление же таких форм без прироста гласного звука „e" (t-u-li, pit-u-li и т. д.) смущать не должно ни при том, ни при другом об'яснении, так как перебойные гласные „e/i" часто, как мы видели, сливаются, оставляя одно „i". Все сказанное мною относительно спорной формы на „li-e" именно так и раз'яснено Н. Я. Марром с привлечением сравнительных материалов из других яфетических языков. По этому поводу он говорил: „что здесь глагол относится к будущему времени, не подлежит сомнению, но это будущее лишь возможное, зависящее от желания действующих, следовательно, условное, и в яфетических языках оно может быть выражено желательным наклонением; такое время образуется с помощью согласного „d" в сибилянтной ветви, то есть в грузинском (свистящем), мегрельском и чанском (шипящих) языках, а в спиратной, отсюда и в спирантно-сибилянтном сванском языке—с помощью „l", как в халдском. В халдском, однако, окончание полностью звучить „li", как в грузинском „di|de" при также встречающемся в древне-литературном без огласовки „d", а в сванском обыкновенно без гласного „l", но в народных песнях с гласным „e": „le". Следовательно, при тождестве согласного элемента халдский звук „i" соответствует сванскому „e" в этой форме так же, как в настоящем времени глагола 'говорит', когда мы видим, что в халдском налицо al-i из ʒal-i при сванскои k̇əl-e". Отсюда Н. Я. Марр делает вывод, что появляющийся за слогом „li" гласный нарост „e" может быть понят и как местоименная частица.

Что касается мн. числа, то оно или не отражается в глаголах или мы его пока не улавливаем. Во всяком случае, мы можем констатировать лишь то, что конструкция глагольных форм остается одна и та же, когда говорит один царь и когда говорят совместно двое, Ишпуин и Менуа. В надписях этих двух царей, одновременных соправителей, например, в тексте Ашрут-Дарга они, возстановив строение, действие свое выражают глаголом в третьем лице аориста šidi-išt-u-ni 'восстановил, восстановили', то есть также как выражают его и в ед. числе. То же самое мы имеем в их же сакральной надписи Мехер-Капуси в глаголе ter-u-ni 'закончил, закончили'. Впрочем, может быть, здесь двойственное, а не мн. число, вопрос о котором остается, таким образом, открытым. Самая же трудность установления форм мн. числа в глаголах по клинописным текстам древнего Вана об'ясняется тем, что разговор в них ведется только царем, который один и действует, а потому и говорит и делает лишь одно лицо, царь, а когда действие приписывается богу, то только одному Халду.

Причастная форма в глаголах или аналогична прилагательным, или же представляет собою основу слова оформленного лишь характером времени, то есть тремя гласными „i,a,u" без указания лица, например, gi-i 'поставив', man-u 'сделав'. В последнем случае слово совершенно совпадает с существительным, неоформленным падежом. Другими словами, мы имеем в нем остов, от которого образуется и существительное и глагол придатком окончания падежа в существительном или суффикса лица в глаголе. Например, от основы „dw—›d" 'класть, полагать', с префиксом „za", za-dw—›za-d 'завершить покладку', 'построить' имеем существительное в дат. падеже za-d-i-ni 'строителю' и аорист za-d-u-ni 'он построил', от основы „man" 'делать' имеем неоформленные падежом и лицом и снабжанные лишь именным окончанием или характером времени гласными „i" „u", man-i, man-u, отсюда же аорист третьего лица man-u-ni 'он сделал' и существительное в дат. падеже man-i-ni 'делателю, 'творцу': man-u-ni ^{d}DEUS ^{i}ARDi-ni kai 'он сделал пред богом Арди (в присутствии бога Арди)' (Макин. надп.), и Menua-še Išpuiniqini-še ini ^{i}LAPIS pulusi kug-u-ni man-i-ni ^{d}DEUS Qaldi-ni 'Менуа сын Ишпуина этот камень пулуж

воздвиг творцу богу Халду' (надп. Куршун-Джами близ Вана). Без определенного падежного окончания или без суффикса лица слово еще ни существительное, ни глагол, и только по контексту можно уловить смысл его в данном месте надписи и признать за неоформленное существительное или же глаголное причастие.

При установлении этих причастных, то есть не обозначенных лицом, форм, следует иметь в виду еще одно явление яфетических языков, именно суффикс отношения, то есть те случаи, когда служебное слово принимает падежное окончание слова, с которым оно синтаксически связано, например, uшt-a-di ^{d}REGIO Biaina-i-di 'направившись в страну Биайну'. Здесь причастная форма (uшt-a) приняла падежное окончание названия страны (-di) за ним следующего и с ним логически соединенного. Впрочем, такой случай восприятия словом частицы другого слова не всегда только затрудняет чтение текста, наоборот, иногда он помогает разобраться в его деталях, ясно оттеняя взаимную связь между отдельными словами, так в uшta-di ^{d}REGIO Puzuni ainie ^{d}REGIO ebani-e-di ^{d}URBS Alkania-i-di 'направившись в область земли Пузуни в город Алкания' Причастная форма (uшt-a) получила падежное окончание (di) не за ним непосредственно следующего имени страны Пузуни, а более далеко стоящих ebani-e-di и Alkania-i-di. Значит, с ними оно и связано, а не с географическим термином Пузуни. Отсюда следует, что царь отправился не в Пузуни, а в область (ebani-e-di) земель (ain-i-e) страны Пузуни, то есть не во всю страну, а только в часть ее и в город Алкания (Сардур. летопись, V 11).

Подводя итог сказанному, мы можем наметить и некоторую группировку в глагольных формах, именно: группу времен с характером „i" (настоящее и сослагательное-повелительное), группу с характером „a" (два прошедших времени), группу с характером „u" (аорист и будущее), причем в первых двух группах образование глагольных форм идет в двух направлениях, как то или придатком местоименной частицы для первого лица „ie", для третьего лица „e", или прибавлением окончаний для первого лица „bi" и для третьего лица „ni", последнее образование имеется и в аористе третьей группы времен, тогда как будущее-желательное получается добавкою самостоятельного суффикса „li"

(„li-e", может быть „le"). Причастные формы сохраняют основы с характером определенной группы времен без дополнительного суффикса или же получают таковой, аналогичный прилагательным.

Изложенная группировка времен выражается в следующей схеме:

I группа с характером „i": 1) настоящее с мест. суб. суф. 1 л. „ie", 3 л. „e".
al-i-e 'говорит он'.

2) сослагательное - повелительное с окончаниями 1 л. „bi", 3 л. „ni".
ші-i-bi 'я переселил бы', uшt-i-bi 'я направился бы', 'я хотел направиться', turin-i-ni 'разгневался бы он' - 'пусть он (они) разгневаются'.

II группа с характером „a": 1) прошедшее с мест. суб. суф. 1 л. „ie", 3 л. „e".
шu-a-ie ' соорудил я'.

2) прошедшее с окончаниями 1 л. „bi", 3 л. „ni".
ші-a-bi' я переселял', uшt-a-bi 'я обращался', — группа характеризует длительность действия.

III группа с характером „u": 1) аорист с окончаниями 1 л. „bi", 3 л. „ni".
ag-u-bi 'я увел', uшt-u-bi 'я обратился', 'я направился', man-u-ni 'он сделал', ші-u-bi 'я перевел', 'я переселил'.

2) желательное-будущее с окончанием „li", и, может быть, суффиксом 3 л. „e" (местоименным).
t-u-li-e 'он похитит', pit-u-li-e 'он испортит', ipq-u-li 'он разобьет'.

От всех трех групп времен образуются неоформленные лицом причастия, то есть снабженные только характером времени, как то, по первой группе: g-i 'проведя' (от основы gwg 'вести'), по второй группе uшt-a (-di) 'обратившись', 'направившись' (от основы uшt 'направляться'), по третьей группе man-u 'сделав' (от основы man 'делать'), d-u 'положить' (от основы "d" 'класть') и др.

Заканчивая на этом вторую главу грамматики, я должен обратить внимание на то, что если при разборе склонения пришлось оговориться, что многие детали нуждаются в дальнейшей проработке, то по отношению к спряжению такая оговорка требуется еще в гораздо большей мере. Здесь, выделив бесспорно глагольные образования, мы лишь подготовляем путь к дальнейшему исследованию норм спряжения, к уточнению группировок и к установлению новых еще не отмеченных форм.

В. Множественное число. Как и во всех яфетических языках, вопрос о мн. числе в халдском требует переработки в связи с установлением тех полных его форм, которые раньше определялись как составные (сугубые) из нескольких наросших друг на друга суффиксов того же значения. Халдский язык в этом отношении представляет богатую почву для исследовательских работ, так как им сохранено громадное число собственных, географических и племенных названий, в конце которых обычно усматривается наличие такого суффикса, но уже в окаменелой форме, то есть уже воспринимаемого населением как часть слова, как одно с ним целое. Здесь этот суффикс прослеживается в историческом и палеонтологическом разрезе, как форма уже отжившая и в живой речи того времени, может быть, и не употреблявшаяся. При таком положении, выявляемом над языковым материалом, мы в состоянии произвести над ним и палеонтологическую работу по прослеживанию и толкованию вымерших форм мн. числа и, с другой стороны, лингвистический анализ над действующими нормами образования мн. числа времен начертания клинообразных памятников древнего Вана, нормами, вероятно, стоящими в тесной связи с предыдущими, как их последующие дериваты, но уже в значительной мере выветрившиеся утратою полного облика тяжеловесных архаических форм. И, конечно, отмечая бо-

гатство в этом отношении халдского материала, мы не можем не признать, что только благодаря этому богатству, мы в дальнейших, пока только намечаемых работах, будем, может быть, в состоянии выяснить всю историю окончаний мн. числа, обратившихся в процессе языковой жизни в однослоговые и даже однобуквенные суффиксы, а при такой работе сохранение языком древнего Вана указанных полных форм является, вне всякаго сомнения, ценнейшим вкладом.

Я нахожу излишним и обременяющим изложение халдской грамматики повторение здесь прежнего взгляда на сугубые окончания мн. числа, взгляда, от которого теперь пришлось в значительной мере отказаться и, во всяком случае, не класть его в основу исследовательской работы над этими окончаниями. Посему перехожу непосредственно к анализу самого материала, следуя по пути, намеченному яфетическою школою для работ в этом направлении.

Сохранившиеся в халдской клинописи собственные имена, племенные и географические названия имеют во второй своей части тот придаток, который, между прочим, считается и за пережиток мн. числа, может быть, повторяю, уже и не воспринимавшийся как таковой в живой того времени среде, смотревшей на название, как на одно целое, склонявшей его и прибавлявшей действующий суффикс мн. числа, когда нужно было оттенить множественное его значение в данном случае. Таким образом, внедрившийся в слово придаток является уже окаменелым мн. числом и с этой стороны, как известного рода архаизм, представляет особый интерес, но вместе с тем, в виду своей древности, возбуждает и некоторые сомнения в своем толковании, давая повод к различному его пониманию. Окончания эти часто имеют полную форму самостоятельной двусогласной основы и так как они палеонтологически восходят к определенному племенному названию, то нередко возникает колебание, что именно в них следует усматривать суффикс мн. числа или название племени, наросшее на другое племенное же название, сделав его двухсоставным, то есть типа со-мехи (свано-месхи), рокс-аланы, кельт-иберы и т. д. Конкретно, я имею в виду толкование таких терминов, как грузинский ber-den 'грек'.

Дело, в том, что в процессе аналитической работы нам во многих случаях, как и в этом, приходится углубляться в палеонтологию и учитывать семантические ряды продвижения значения слова, так, между прочим, племеное название используется для обозначения термина 'сын', 'дети', отсюда множество и мн. число. И когда мы знаем, что, с одной стороны, грузинское ǰen, в усеченном виде ǰe. употребляется в значении 'сын', а с другой стороны является племенным названием свистящей группы (грузин.), каковое исторически зафиксировано в лазском языке шипящей группы, при соблюдении всех законов звуковых соответствий, в форме ǰan в средней звонкости аффриката ǰ̣an (в русской транскрипции 'чан'), то мы естественно становимся перед вопросом, имеем ли мы в ber-ǰen составное племенное название иверо-чанов, или же пред нами тут 'сыновья' = 'дети' беров, т. е. иверов, или же просто беры (иверы) во мн. числе. И такого рода колебания в анализе термина, какие возникли в этом примере, взятом из грузинского языка, возникают в полной мере и в халдском.

В языке древне-Ванской клинописи в служебной роли словообразовательных придатков изобилуют термины, теоретически относимые к яфетическому племенному названию „ion", каковому принадлежат и приведенные выше грузинское ǰen и мегрело-чанское ǰ̣an. Сейчас я для примера останавливаюсь только на указанном племенном термине, кстати сказать, играющем виднейшую роль как в армянском, так и в халдском словотворчестве. Термин „ion" рассматривается мною в его разновидностях по закону звуковых соответствий: свист. „s", шип. „ш" и спирант. „h", их аффрикатов—„свист." „ǰ", шип. „ǰ", спир. „q̇" и двух родов огласовок—свист. „a", шип. „o/u", спир. „e/i" и свист. „e", шип. „a", спир. „i". По нормам этого закона мы имеем два ряда ионских племенных основ, один—свист. „san", шип., „шon", спир. „hen/hin", другой—свист. „ǰen", шип. „ǰan", спир. „hin" в его же аффрикатах свист. „ǰen", шип. „ǰan", спир. „q̇in". Халдский язык, как спирантно-шипящий, имеет последние две разновидности, то есть сибилянтную „ǰan", с падением аффриката в простой зубной „dan", и спирантную „q̇in". Первая налицо в халдской передаче племенного названия урартов в форме U-rur-dan, вторая в целом ряде географи-

ческих и племенных названий и в термине 'сын'. Что касается U-rur-dan, то по отношению к нему возникают все те сомнения, какие высказывались выше по поводу грузин. ber-den, что же касается qin, то число допустимых его толкований увеличивается еще одним, именно в связи с самою конструкциею географических названий Ванского района, повидимому не редко связываемых с собственными именами лиц. Например, страна Етиуни по-халдски, в более древних текстах, пишется Eti-uqin-i. Здесь мы к даваемым толкованиям этого термина—как „Eti" во мн. числе и составное „Eti-hon'ы"—можем добавить еще одно. Такое название страны могло носить имя династа, что и выражено придатком qin-i в значении 'сын' — 'потомство' (в полной аналогии с построением Argišti-qin-i 'сын Аргиштия') и это тем более возможно, что имена стран часто связываются с именем детей исторических и мифических лиц и в связи с этим получают двоякое графическое изображение, например, или ^{d}REGIO Abiliani-qi (n-i) или ^{d}PERSONA Abiliani-qi (n-i) ^{i}REGIO, то есть в буквальном переводе или 'страна Абилианихи' или 'Абилианихов страна' (Сардуровские летописи, II 21, 35), и таковые параллельные формы написания имени несомненно одной и той же страны встречаются весьма часто, при том нередко в одной и той же надписи. А если к тому же мы припомним из исторического очерка древнего Вана название страны Тариуни, которое иногда заменяется именами страны Диаухини в различных построениях, явно указывающих на династическое происхождение термина, как то ^{i}REX ^{d}PERSONA Diaueqi nun-a-bi 'царя Диауехи я смирил' (надпись Язлы-Таш, 13) ^{d}PERSONA Diaueqinie ^{d}REGIO Tariue 'Диауеха страна Тариуе' (там же, 2) ^{i}REGIO ^{d}PERSONA Diauqini 'страны Диаухина' (надпись из Вана, 23), qa-u-bi ^{d}PERSONA Diaueqi ^{i}REGIO 'я покорил Диауеха страну (надпись Язлы-Таш, 7), и если обратим внимание на то, что в основе Diau-qin-i несомненно лежит имя династов Диев, с которыми воевал еще в конце XII века ассирийский царь Тиглатпилессар I, то последнее об'яснение, то есть толкование о происхождении некоторых географических названий из династических имен, окажется еще более приемлемым.

Все эти колебания, заключающиеся в постановке целого ряда толкований, представляющихся каждое в отдельности логически приемлемыми, оправдываются тем, что мы в своих палеонтологических изысканиях не в состоянии определить того момента, на котором в процессе формации термина остановилось значение второй его части, то есть какие именно из звеньев семантического ряда (племя —› дети —› потомство —› множество) оказались примененными к нему во время самого его образования, при том образования довольно длительного, так что в народном осмыслении звено семантического ряда могло само, во время продолжительной жизни термина, продвинуться на следующую ступень без какого-либо изменения во внешнем изображении географического названия.

Так случилось и с термином Etiu-qin-i, на котором нам пришлось столь долго останавливаться и который, в процессе развития речи, обратился в общеизвестное его начертание Etiu-ni, совершенно утратившее связь с первичным династическим построением имени, и который скорее всего представляет во второй своей части уже осмысленное окончание мн. числа „ni“, заменившее предшествующее „qin-i“, может быть, тоже понятое в том же значении множественности. Таким образом, мы, уклонившись от разбора суффиксов мн. числа, снова возвращаемся к ним же и, в результате проделанной длинной аналитической работы, приходим к выводу о том, что указанные выше полные суффиксные окончания могли характеризовать и мн. число, то есть в этом смысле восприниматься населением древнего Вана времен его клинописных памятников.

Затронутый мною вопрос не имеет значения при чтении и переводе текста, но имеет громадное значение при его толковании и при об'яснении отдельных форм. Поэтому я и счел нужным коснуться тут этого вопроса, как бы сложен он ни был и как бы ни ясен еще был ответ на него. Во всяком случае мы имеем в халдском целый ряд собственных имен, географических и племенных названий, в которых вторая составная часть еще сохранилась в полной ее форме и в этом отношении язык клинописных текстов древнего Вана даст нам в изобилии материал, который другие

пока подвергшиеся изучению яфетические языки в таком богатстве представляют далеко не всегда.

Но этого мало для оценки богатства халдского материала. Мы еще должны отметить одну его особенность, именно ту, что в нем мы имеем налицо самый процесс усечения полных форм суффиксных придатков, другими словами, мы можем по этим материалам проследить параллельное сосуществование на равных началах как полных, так и усеченных форм. Я имею в виду ряд конкретных случаев и в числе их тот же термин „q̇in", который в текстах встречается и в полном виде „q̇in", с именным окончанием „q̇in-i", и в усеченном, просто „q̇i". И это явление наблюдается как в том случае, когда указанный термин означает понятие 'сын', так и в том, когда им заканчивается географическое название. Например, имя отчества часто пишется и полностью, как в Argiшte-q̇in-i, и сокращенно, как Argiш-tie-q̇i, в обоих случаях в том же значении 'сын Аргиштия'. То же самое наблюдаем и в географических названиях, как то uшtadi ^{d}REGIO Eria-q̇in-i-di q̇aubi ^{d}REGIO Eria-q̇i 'направившись с страну Ерахин, я покорил страну Ерахи' (Сардуровская летопись, II 25). Тут, в первом случае, форма „q̇in-i" поставлена полностью, а во втором уже усеченно, то есть без плавного „n" в конце, а что здесь говорится про одну и ту же страну, это представляется по контексту совершенно ясно. И не только в примере с „q̇in-i" мы имеем такое усечение, его же мы, вне всякого сомнения, наблюдаем в имени бога Арди, которое пишется идеограммою то с „ni", то без него, что дает двоякое чтение имени: Ардини и Арди, и это чтение совершенно верно в обоих своих видах, так как в одном случае мы имеем полный суффикс Ar-din-i, а во втором усеченный Ar-di. То же самое божеское имя представлено и в фонетическом начертании слоговыми клинописными знаками, именно в надписи Мехер-Капуси, где написано оно в родительном усеченном падеже с предшествующим ему именным окончанием „i": Ar-di-i-e (75), то есть с усеченным суффиксом „di", что еще более подтверждает возможность чтения идеограммы тоже с неполным суффиксом. Здесь интересно и то, что указанный придаток „din → di" имеет полнейшую аналогию с грузин-

ским „den“, усеченно „de“, о котором уже много приходилось говорить выше, может быть даже до фонетического совпадения, так как мы не улавливаем чтения халдских аффрикатов зубного ряда и потому с одинаковым основанием можем устанавливать в халдском и произношение „din“ и произношение „din“, то есть и „Ar-din“ и „Ar-din“, при чем тождество с грузинским будет еще ближе, если мы вспомним, что и сам гласный звук „i“ в халдской речи неустойчив и постоянно имеет склонность к перебою в „e“.

Равным образом и имя бога Халда имеет такие же два написания, именно усеченное „Qaldi“, отсюда родит. усеч. „Qal-di-e“ и полное „Qal-din-i“, откуда родит. усеч. „Qal-din-i-e“ и т. д. Следовательно, имя бога в русской передаче должно быть и Халдин и Халди, также как и Ардин, Арди.

Здесь попутно можно ввести и некоторое уточнение в русской передаче халдских имен, уточнение, обоснованное на только что сделанном разборе полных и сокращенных форм суффиксного придатка. Как мы видим, в русском переводе халдского термина сохраняется его основа и отбрасывается лишь именное окончание, в данном случае „i“ Следовательно, нам необходимо в каждом отдельном примере уловить это именное окончание для его отделения от основы. Так, в полной форме божеского имени „Qal-din-i“ конечное „i“ не подлежит передаче, как именное окончание, наросшее на полный суффикс „din“. Таким образом, в русской передаче остается Халдин, а не Халдини. Совсем другое мы имеем в усеченном имени „Qal-di“, где придаток „di“, являясь сокращением „din“, утратил лишь плавное „n“ в конце, гласный же элемент „i“ сохранился и принадлежит основе придатка. Он, этот гласный элемент,—не именное окончание, которое должно быть при строгом соблюдении грамматических правил представлено особо, „Qal-di-i“, каковая форма нередко и встречается. Но, оба „i“ графически, а может быть и фонетически, часто сливаются, и таким путем именное окончание входит в основу усеченного „di“ (из „di-i“), давая отмеченное выше начертание „Qal-di“. Поэтому, все же, конечное „i“ в последнем, как огласовка основы „di“ (из „din“) отброшено быть не может, также как в царском имени „Argiш-ti (из „*Argiш-tin“).

Таким образом, в этом случае мы имеем имя Халди, а не Халд. В именах же такого образования как „Lut-i-pr-i", „Sar-dur-i" конечное „i" есть лишь именное окончание, а не огласовка основы второй части царского имени „pr" из „*per" и „dur", представленных тут полностью со своими гласными. Следовательно, в результате разбора этих придатков, без различия будут ли они суффиксами мн. числа или обозначением термина 'сын', мы уточняем русское чтение ряда имен, как то Аргишти, Халди, Арди и Лутипр, Сардур,—последний именно так обычно и читается в научной литературе последних лет. Равным образом и название столицы Биайнского коллектива, город Тушпа (Tu-uш-pa), представляет во второй своей части усеченное „pa" из „pan", так так, параллельно формам на „pa", встречаются, правда значительно реже, и формы на „pan", например в дательном падеже Tu-uш-pan-i-ni (фонетически Tuш-pan-i-ni), каковую находим в надписи сел. Тони близ Вана (30). Следовательно, имя города в русской передаче должно произноситься с сохранением конечного гласного „a", Тушпа; так оно, совершенно правильно, всегда и читается. Я останавливаюсь на этих примерах и не привожу их в большем числе, чтобы не обратить грамматический очерк в отдельное научное исследование.

В то же время считаю нелишним тут же отметить, что именно таким наличием полных и усеченных форм мог пользоваться халд для художественной обработки своих текстов, для придачи им религиозно-поэтического оттенка. И этому разнообразию форм, имевшемуся в распоряжении творца клинописных текстов, приписываю я ту восходящую гамму с наростающими слогами „ni", которую отметил я выше в молитвенном обращении к Халду: Q̇al-di, Q̇al-dini, Q̇al-dinini, где к первым двум начертаниям имени бога в усеченной и полной форме добавляется третье в полной форме дательного падежа: Q̇aldi kuruni, Q̇aldini giш šuri kuruni, Q̇aldinini uštabi 'бог Халд велик, бога Халда милость к нам велика, к богу Халду обратился я'.

Изложенную палеонтологическую часть этой главы я все же заканчиваю указанием на то, что самый факт наличия наросших один на другой суффиксов мн. числа отрицается лишь в этих случаях, где улавливаются не сугубые

наросты, а одиночные придатки полных форм, как в qin-i dan-i, а не qi + ni, da + ni и т. д., в других же случаях сугубое мн. число может иметь место и на полный или усеченный, выветрившийся, суффикс мог в процессе жизни слова налечь второй суффикс и даже, также как и первый, окаменеть в составе термина. Но, при определении такого сугубого мн. числа требуется известная осторожность, чтобы не принять за него полной еще не выветрившейся формы, как это и делалось нами раньше. Таким образом, от сугубого мн. числа мы, по ходу исследовательской работы, перешли к установлению полных форм, и одновременно с этим пред нами встал вопрос о том, все ли такие полные формы выражают именно мн. число и не имеют ли они в отдельных случаях совсем иное значение.

Что касается действовавших у халдов в живой их речи суффиксов мн. числа, то здесь, как мы видели, в склонении и спряжении, они почти вовсе не улавливаются, кроме двух явным случаев: в склонении мы имеем суффикс „te", прибавляемый к дател.-направит. падежу на „аш" для образования мн. числа. Тот же „te" попадается не только в этой форме падежа „аш-te", но и в иных случаях, как то в слове 'надпись', изсбраженном идеограммою ^{i}DUP, чаще во мн. числе ^{i}DUP-te 'надписи', но и в един. числе просто ^{i}DUP (надпись близ грота Хазине-Капуси, 3 и др.). В склонении же был отмечен нами и другой суффикс мн числа „u", в родит. усеч. „u-e". Оба эти суффикса спорадически сохранились и в других яфетических языках. Так, суффикс „te/ti" прослеживается в древне-литературном армянском, именно в яфетическом его слое, окончание же „u", поскольку оно находится в связи с полугласным „w", а через него с согласным „v" и различными его губными разновидностями (v ‖ m ↑ p → b → φ), тесно связывается с широко распространенными по большинству яфетических языков губными суффиксами мн. числа, особенно характерными, как отмечает Н. Я. Марр, в кругу древне-письменных языков для эламского. Надлежит еще упомянуть о часто встречающейся в языке клинописных памятников древнего Вана частице „ni", которая, среди разнообразных своих значений, появляется и как окончание множественности.

Кроме того, естественно приходится считаться и с наличием особой идеограммы, выражающей понятие мн. числа (ⁱPLURALE). Она прибавляется к идеограммам царя, страны и пр., когда хотят показать, что это не одна страна, а много стран и т. д. Она же иногда прибавляется и при перечне добычи, хотя цифровые данные и без того указывают на значительное их количество. Вообще постановка ее неустойчива и в том же перечне добычи она часто отсутствует, как излишний придаток к тексту и без того не возбуждающему сомнения, постановка же слов во мн. числе при числительных не требуется правилами халдской речи, которые допускают согласование с числительными в един. числе. Такая неустойчивость в употреблении ⁱPLURALE наводит Н. Я. Марра на мысль о том, что в некоторых случаях она подлежит отдельному переводу как термин „много".

Есть и еще один оттенок выражения мн. числа в идеографическом письме, это—повторение одной и той же идеограммы, например ⁱREGIO ⁱREGIO, означающее, что здесь мы имеем не одну, а несколько стран, как то ⁱREX ⁱREGIO ⁱREGIO 'царь стран'. Тут множественность уже выражена в самой постановке рядом двух одинаковых идеограмм и потому прибавка еще ⁱPLURALE совершенно излишня. Такая деталь проливает свет на некоторые места халдских надписей, именно когда в царском титуле стоит ⁱREGIO ⁱREGIO ⁱPLURALE. Это,повидимому, не страны, и идеограмма множественности относится только ко второй идеограмме страны, давая нижеследующее построение: страна (ⁱREGIO) стран (ⁱREGIO ⁱPLURALE). Таков титул самой Биайны, являющейся страною стран, также как и ее владыка есть царь царей. Здесь мы уже входим в тонкость чтения клинописных текстов и начинаем различать такие построения как ⁱREX ⁱREGIO ⁱREGIO 'царь стран' и ⁱREX ⁱREGIO ⁱREGIO ⁱPLURALE 'царь страны стран'. И такое повторное начертание двух идеограмм страны для обозначения множественности имеет полную аналогию с шумерским, в котором совершенно такое же повторение два раза знака „kur" (kur-kur) обозначает мн. число 'страны'.

Г. Прилагательные. О прилагательных в халдском языке особенно распространяться пока не приходится, так как нормы их образования с несомненною ясностью улавли-

ваются лишь в очень ограниченных случаях, как то прибавкою суффикса „li", пример: Qaldini-li iPORTA 'Халдовы ворота' (может быть триумфальная арка в честь бога Халда), и прибавкою суффикса „ni", пример: tu-i-ni, образованное от основы „tu" 'вода', 'море' или, что то же, 'озеро', в значении 'морской', 'озерный', отсюда название коллектива прибрежных севангских стран tu-i-ni-a, буквально 'приозерные'.

Что касается суффикса „li", то он тождествен с таким же суффиксом причастных глагольных форм, каковые появляются иногда взамен неоформленных причастий, о которых говорилось в главе о спряжении, как то uшta-a-li dREGIO Abilianiqini-e-di 'направившись в страну Абилианих', вместо более обычной формы uшta с суффиксом отношения к имени страны, то есть uшta-a-di dREGIO Abilianiqini-e-di (летопись Сардура, II 6, 35), или man-u-li 'сделавший', вместо неоформленного man-u 'сделав', (надпись Арджиш, 5).

Можно предположительно, как это делает и М. В. Никольский, указать еще на один суффикс прилагательного, именно „ur", появляющийся в сочетании с такими словами как ai-ur-i 'земляной' (от основы ai‹—ain-i 'земля'), шida-ur-i 'верхний', (от основы шida 'верх'), man-ur-i 'сделанный', 'сооруженный' (от основы man 'делать', 'делание').

Д. Местоимения. Выше, в обзоре спряжения, были уже отмечены два местоимения, прослеживаемые в качестве суб'ективного и об'ективного местоименного суффикса в глагольных образованиях, эти же местоимения встречаются в халдских текстах и самостоятельно.

Личное местоимение первого лица „ie" попадает в текст тогда, когда царь хочет подчеркнуть, что именно он, а не кто-либо иной является автором данного деяния, поэтому „ie" обычно встречается довольно редко и в текстах особого построения, что само по себе вполне понятно, так как в обычных фразах лицо и без того выражено в глаголе. Такое особое подчеркивание именно своего собственного действия имеется в формуле проклятия, где призывается гнев богов на того, кто имя (царское) в надписи уничтожит (буквально 'похитит') и кто себе ее присвоит то есть себе припишет ее сооружение. Здесь царь и оттеняет свое авторство надписи, говоря 'я ее сделал', ie-ше zad-u-bi.

Личное местоимение третьего лица прослеживается в форме „me“ в различных косвенных падежах, не исключая и падежа логического суб'екта, то есть родит. на „ше“, как то: me-ше ^{d}PERSONA Argiштie ^{d}PERSONA Diauqini ar-u-ni 'он Аргиштием (чрез посредство Аргиштия) привел Диаухина', и далее, после перечня добычи, заканчиваемого словами: ali me-ше ag-u-ni 'все он (то есть бог Халд) привел' (надпись Сахак, 19, 22), или в родит. усеченном, появляющемся в той же формуле проклятия, где перечисляются все невзгоды, долженствующие обрушиться на виновного, его потомство, его город и пр:; piini mei, urudaani mei, inani mei и т. д., и в обычных повествовательных местах текста; inani ^{i}REX-e nun-a-bi mei ali ^{i}GENS aшul-a-bi 'город царя я смирил его все население я поборол' (летопись Сардура, II 45—46).

Указательные местоимения третьего лица „ini“ и „iшti“ 'этот', 'тот'. Последнее почти всегда ставится в полной форме „iштin-i“, как в неоформленном падеже, так и в косвенных падежах родит. усеченном iштin-i-e, родит.—дат. iштin-i-ni. Можно еще отметить одно местоимение „alu“ 'тот кто', встречающееся в формуле проклятия и в конце царского титула. В формуле проклятия оно является логическим суб'ектом и потому стоит в родит. падеже полной формы: alu-ше ini ^{i}DUP-te tulie 'тот кто эту надпись похитит'. В царском титуле оно стоит в неоформленном падеже, так как согласовано с причастием, которое, не являясь еще глаголом, не требует, по правилам халдской речи, падежа логического суб'екта: alu ji ^{d}URBS Tушрае ^{i}URBS 'сидящий (пребывающий, буквально 'тот кто сидящ') в Тушпы-граде'.

Что касается самостоятельного появления отмеченного выше местоименного суффикса третьего лица „e“, то таковое нуждается в более точном установлении, местоимения же второго лица вовсе не прослеживаются, в виду отсутствия в текстах разговорной речи.

Е. Союзы и предлоги. Ближайшее ознакомление с текстами древнего Вана выявляет выдержанную во всех надписях отрывочность фраз. Автор надписей совершенно не заботился о плавности изложения, может быть умышленно избегал ее, и отдельные предложения не связаны между собою. В частности, даже наличие союза „и“, каковой

некоторыми халдоведами усматривается в частице „ui", вызвало сомнение у М. В. Никольского и Н. Я. Марра. Правы ли те, кто все же отмечают в языке древне-Ванской клинописи присутствие такового союза или нет, во всяком случае он и в этой своей форме встречается крайне редко, и даже тогда, когда надписи составлялись двумя царями, имена их просто ставятся одно за другим без связующего их элемента: Iшpuini-ше Sardurieqini-ше Menua-ше Iшpuiniqini-ше inili iPORTA zadua-li ter-u-ni 'Ишпуин сын Сардура (и) Менуа сын Ишпуина эти ворота построив закончили' (надпись Мехер-Капуси, 1—2 и др.).

Чем об'ясняется такая сухость изложения, строем ли живой речи халдов или же только характером оффициальных текстов царей Биайны, придававших отрывочностью фраз особую торжественность своим написаниям, это вопрос, ответ на который может быть дан только в том случае, когда в распоряжении наше попадут тексты более обыденного характера, в особенности частная переписка, а не одни только повествования о военных и строительных достижениях, требующих увековечения памяти о них. Здесь и аналогии с другими яфетическими языками мало приходят на помощь, так как в них нет в этом отношении полного однообразия, и тогда как одни сходны с халдским в литературных произведениях, другие, наоборот, выявляют сходство с ними в конструкции живой их речи, также в некоторых языках, до народных говоров включительно, избегающих частого употребления союза „и".

Что касается предлогов, то отдельное их употребление равным образом слабо намечается, зато в глагольных образованиях они появляются в роли префиксов, на которых придется остановиться ниже.

Ж. Числительные. Изображение числительных в халдском языке заимствовано целиком из ассирийского и, так же, как в нем, исчисление идет по десяткам. Только в графическом начертании цифр от 10 до 90 в халдском, как и в других клинописных языках, замечается отступление от этого правила, и цифры выше шестидесяти пишутся прибавкою соответствующих десятков к особому начертанию шестидесяти одним большим вертикальным клином, так что 70, 80 и 90 представлены сочетанием 60+10, 60+20 и 60+30.

Сотни и тысячи имеют свое идеографическое написание, совпадающее со слоговыми фонетическими знаками „me" и „ші". Идеограммы, сами по себе, лишь обозначают сотни и тысячи, поэтому для получения цифры 100 (одна сотня) требуется к соответствующей идеограмме прибавить один клин, для 200—два клина и т. д. То же самое и с тысячами, которые выделяют у себя десятки тысяч от единиц тысяч. После каждых из них повторяется идеограмма тысячи, которая, также как и в сотнях, ставится после самих цифр. Таким образом, для написания, например, 23.000 халд прибегал к построению: 20 тысяч 3 тысячи, а цифру, положим, 43.275 он изображал следующим образом: 40 тысяч 3 тысячи 2 сотни 75 (графически, 40.000+3.000+200+70+5).

Фонетическое чтение цифр улавливается только в трех случаях, как то, для десяти тысяч имеется особое обозначение „atibi", так что ту же цифру 43.275 халдский писец мог представить и таким образом: 4 atibi 3 тысячи 2 сотни 70+5. Обе разновидности одинаково равноправны и потому встречается как написание с atibi, так и без него.

Что касается двух других фонетических чтений, то они могут быть намечены по отношению первых двух цифр, может быть порядковых числительных. Выясняется это чтение по отношению к цифре один, или порядковому первый, сопоставлением различных вариантов написания одной и той же фразы, в которой царь говорит о завершении в один год застройки городских укреплений, именно, по Сардуровской летописи западной ниши Ванской скалы, inan-i-li arn-i uшini-li I ^{i}ANNUS zad-u-bi (II 18), inan-i-li arn-i uшin-i-li шusini (шujini) ^{i}ANNUS zad-u-bi (III 43—44), inan-i-li arn-i uшin-i-ii шusini (шujini) шal-i zad-u-bi (V 32), во всех трех случаях в одном и том же значении 'городские места застроенные в один год я закончил'. Здесь, в одном примере, ^{i}ANNUS заменена фонетическим чтением ее „шali", а в двух случаях такая же замена произошла с цифрою I, фонетически замененной словом шusini (шujini). Отсюда делаю вывод, что в этом слове шusini (шujini) скрывается чтение числительного 'один', может быть порядкового 'первый'. Впрочем, считаю долгом оговориться, что в некоторых надписях восстанавливается построение „шusini I ^{i}AN-

NUS", приведшее к различному переводу слова „uusini", например, 'vicos', 'les hameaux', как это делает Сандалджиан, но самое построение „uusini I ^{i}ANNUS" требует поверки по подлиннику и передача его в этом виде вызывает у меня сильное сомнение, тем более, что почти во всех случаях такой передачи знак I ставится в скобки, как восстанавливаемый издателем надписи (Хорхорская летопись, V 11, VII 32 и др.), и, мне кажется, восстанавливаемый совершенно напрасно.

Чтение числительного 'два', порядкового 'второй', выясняется также путем сопоставления некоторых мест халдских клинописных текстов, как то „mešini šali" (надпись Келаны-Кирланы, 14) и „ṣaal-dubi ^{d}URBS Luqiunini mešini pii" 'я изменил города Лухиунини другое имя', то есть дал городу Лухиунини другое название, переименовал его (Ташбурунская надпись, 13—14). Из сличения подобных фраз явствует, по моему мнению, что за термином „mešini" устанавливается значение 'другой', в смысле не тот который уже имеется, а 'второй', поэтому и „mešini šali" может быть понятно как 'в другой год', 'в следующий год', 'во второй год'.

Фонетическое чтение других числительных остается пока неясным. Система графического изображения чисел приведена мною в конце халдского алфавита.

Что касается анализа числительных, то здесь я позволю себе повторить замечания Н. Я. Марра, сделанные им во вступительном очерке к текстам Сардуровских летописей, именно, что в постановке десятков на первое место, а единиц на второе проявляется общая норма, что идеограмма тысячи, слагаемая из знаков „десять" и „сто", то есть 'десять сотен', имеет в своем образовании полную аналогию с грузинским, так как и грузины говорят aϑ-as-i 'тысяча', собственно десять (aϑ) сотен (as), и что в яфетических языках, в частности и грузинском, 10, 20 и 100 более раннего образования, чем aϑ-as-i 'тысяча' и представляют собою разные формы одного и того же корня, первоначально воспринимавшегося в смысле 'много', что̀ бы в действительности оно в основе ни означало. Сами указанные формы представляют собою особое образование мн. числа, дифференцировавшиеся иногда только фонетически, иногда и морфологиче-

ски. Поэтому халдское слово со значением 'десять тысяч' (at-i-bi) может представлять тот же корень в форме мн. числа, то есть в нем первая часть „at" (a$^{\vartheta}$) окажется основою, а вторая „bi"—обычным яфетическим суффиксом мн. числа. При таком об'яснении, atibi будет, собственно, означать 'много десятков', каковое понятие в своем семантическом продвижении остановилось у халдов на значении 'десять тысяч' и с этим значением попало в клинописные их тексты.

3. Аффиксы. Что касается суффиксов, то есть приставок в конце слова, то на них сейчас останавливаться не приходится, так как они были достаточно подробно разобраны в соответствующих частях склонения, спряжение, образования мн. числа и прилагательных.

Префиксы же, приставки в начале слова, затронуты еще не были, поэтому о них нужно сказать несколько слов. Во-первых, при анализе географических названий всплывает целый ряд префиксов имен места, образованных как с губным согласным „m ↑ p—› b", например, в названии страны Bi-ain-a, так и с сибилянтом „s" и его спирантным эквивалентом „h", который, отпадая, оставляет одну огласовку „u", перебойные „e/i" (из „hel/hi") и „a", как это видим в именах стран и народов U-rur-dan-i, E-ti-un-i, E-ra-qin-i, A-p un-i-ni и др., а также в самих терминах e-ban-i 'страна', i-nan-i 'город' и др. Во-вторых, префиксы, особенно в глагольных образованиях, оттеняют характер законченности действия, как то „te", например в te-ru-u-bi 'я довел до конца' 'я закончил', или „za" в za-du-u-bi 'я положил до верху', 'я завершил'. Префиксы же указывают направление действия, как то „a"—направление от говорящего лица в смысле 'туда' и "аш"—обратное направление к говорящему лицу в значении 'сюда', например, a-gu-u-ni 'он взял туда', 'он увел', и аш-gu-u-ni 'он взял сюда', 'он захватил', причем префикс „a" часто оказывается равноправным префиксу „ра", что явствует из сопоставления фраз, в которых царь, говоря про захваченную добычу, оттеняет место ее направления, Биайну, то приставкою „a", то приставкою „ра", пользуясь при этом различными глагольными основами: ^{d}REGIO Biainaidi pa-ru-u-bi (надпись Кёланы-Кирланы, 14). ^{d}REGIO Biainaidi a-gu-u-bi (надпись Изоглу, 25), в обоих примерах в одном и том же смысле 'в Биайну увел я'. Таким образом, глаголь-

ная основа встречается в древне-Ванских клинописных текстах с различными префиксами, например, основа „rw — r“ 'вести', собственно 'идти', имеет префиксы a-ru-u-bi, pa-ru-u-bi 'я увел', te-ru-u-bi 'я довел до конца', 'я закончил' и т. д.

Анализа всех этих префиксов я сейчас не касаюсь, но не подлежит сомнению, что по отношению к ним халдская речь дает примеры сильного выветривания, в результате какового отдельные слова, к которым, вне сомнения, восходят префиксные придатки, дошли до нас в халдских клинописных текстах лишь в виде согласного с огласовкою, а иногда и одного гласного. В этом отношении сильной изношенности их, они, префиксы, дают как раз обратную картину тому, что наблюдаем мы с суффиксами мн. числа, где сохранившиеся полные формы сплошь и рядом наводят нас на мысль о том, что мы в них имеем разные значения, а не одно только окончание множественности.

Префиксы с этой стороны проще, они не ставят таких сложных вопросов, но зато и анализ их крайне затруднен. Пока я останавливаюсь только на одном префиксе „te“, который представляет собою основу со значением 'голова', ср. глагол te-ru-u-bi буквально означающий 'я довел до головы', 'я довел до конца', отсюда 'я закончил'. Только один случай дает соединение глагола с приставкою полной основы šidi, но и здесь возникает сомнение, префикс ли она, потому что глагол šidi-išt-u-bi 'я выстроил', собственно 'верх построил', представляет собою скорее соединение двух отдельных слов, из которых первое может быть понято и как предлог 'вверх' и как существительное 'верх'. Глагол этот означает постройку верха здания, то есть окончание строительных работ, и так как он по контексту часто связан с работами над разрушенными постройками, то и получает иногда оттенок реставрации, которая и заканчивается воздвижением верха здания, то есть самый глагол получает, в этих случаях. смысл восстановления развалин или поврежденного строения.

Можно еще остановиться на префиксе-предлоге „al“ 'над', 'высоко', созвучном с местоимением сходной по внешнему виду основы „al“ 'весь'. Наличие этого префикса отмечено Н. Я. Марром в форме царского эпитета „al suuini (фонетически „al suini“) 'выше-небесный'. Здесь основа „su“ повидимому та же какую мы видели в имени страны Tu-

i-ni-a 'приозерная', но не аффрикативна, что и наводит меня на мысль о фонетическом расчленении трех яфетических небес, из которых верхнее, небо в собственном смысле, в современном его значении, сохранилось в халдском с простым сибилянтом „su", а нижнее, то есть море, с аффрикатом "ṫu". Слово suini, в этом его понимании, может действительно означать прилагательное 'небесный' и с придатком „al" 'вышне-небесный'. Но анализ этого термина несколько осложняется тем, что в Сардуровских летописях после имен богов, к которым с молитвою обращается халдский царь, стоит их характеристика как живущих в высоком храме (alujini ali abadi) и как 'высоко-небожителей'. Последнее выражено словами „al suiшini" (VI 6, V 3). Возможно, что тут, в слове su-i-шin-i, мы имеем ту же основу „su", 'небо' и „шin" 'внутри', то есть al suiшini в смысле 'высоко внутри неба', то есть живущий в центре неба, отсюда и 'высоко-небожитель', как переводит Н. Я. Марр. Но, тот же эпитет, на этот раз тоже бога, в той же буквально форме встречается в некоторых надписях в самом начале текста: „Qaldinini al suiшini" (надпись Кара-Таш около Арджиш, 1; надпись Падноц, 2, и целый ряд других), а в одном случае „Qaldinini al suшini" (надпись Ордаклу, 1).

Вопрос осложняется тем, что „al suini" стоит обычно в титуле царя, каковой вставляется в текст без согласования с царским именем, им характеризуемым, следовательно, не имеет падежного суффикса. Скорее всего мы должны видеть в „al suini" прилагательное на „ni", „высоко-небесный", т. е. божественный, тогда как „ni" в „al suшi-ni" совсем иного порядка. Этому эпитету предшествует имя бога Халдини-ни в дат. падеже, а т. к. эпитет, в данном случае с ним согласован, то и он, очевидно, стоит в том же падеже на „ni". В таком случае, основою эпитета явится только „al suшi".

Вполне возможно, что разница двух эпитетов „su-i-ni" и „su-i-ши-ni" об'ясняется внутренним их оттенком, каковой я и пытался установить выше, так как они принадлежат различным лицам, первый относится к царю, а второй к богу, но дело анализа на этом вовсе не останавливается, потому что божеский эпитет имеет еще совсем другие варианты, именно более частый „Qaldinini uш mашini" (надпись церк-

ви Павла в Ване, 1 и др.) и более редкий „Qaldinini ba uшini“ (Атамханская надпись, 1). Все они по контексту равнозначны, ими начинаются надписи и непосредственно после них всегда следуют слова самого царя, начинающиеся с его имени: такой-то сын такого-то говорит.

Не останавливаясь сейчас на разборе всех этих вариантов, пока остающихся мне не ясными, все же отмечаю, что в этих словах „al-suiшini“, „uш-mашini“ и „ba-uшini“, вероятно эпитетах богов, выступает наличие еще двух других, кроме отмеченного выше „al“, префиксов, предлогов, может быть местоимений, „ba“ и „uш“.

И. Идеографические знаки. Целый ряд часто встречающихся терминов халд в своей клинописи не изображал длинным построением слоговых знаков, а заменял их одним условным знаком, ·который поэтому и получил название идеографического. Я не затрагиваю сейчас вопроса о происхождении этих условных знаков, которые стали ими только в процессе длительной жизни клинописных языков вообще, первоначально же не были таковыми, а были цельными словами, совпадающими с фонетическим чтением самого знака. С этим чтением совпадало и значение слова, которое потом, заимствованием системы клинописи другим народом и эволюциею самой речи, разошлось с фонетическою стороною, и клинописное обозначение, в его буквальном произношении, уже не совпало с произношением того понятия, которое идеографически осталось в нем сокрытым. И если ассирийский язык воспринял идеограммы из шумерского, то халдский, в свою очередь, взял их у ассирийского. Но ассирийский язык, семитический, сохранил за этими идеограммами ассирийское произношение, очевидно не совпадавшее с яфетическим халдским, и потому одиноко стоящие идеограммы в текстах древнего Вана часто совершенно не поддаются чтению. Только в отдельных случаях мы узнаем, как халд произносил тот или иной клинописный идеографический знак и узнаем это, когда писец, поместив идеограмму, сейчас же вслед за нею писал и фонетическое ее чтение, как то ^{i}BOS paqini, ^{i}REGIO ebani и т. д. Но, это не особенно частый случай. Все же, таким путем мы знаем, что идеограмма страны читалась „ebani“, города „inani“, овцы „шuше“, быка „paqini“, дворца-храма

„аше", женщины „lutu". Есть и другой случай верного распознавания чтения идеографического знака, именно тот, когда в сходных контекстах писец иногда заменял условное обозначение фонетическими знаками клинописного алфавита, так, например, вместо ^{i}DAN-NU в царском титуле писал „tarai", вместо ^{i}ANNUS писал „uali", вместо идеограммы бога водной стихии, грома и молнии помещал „Teiuеba", вместо бога солнца писал „Ardi", вместо идеограммы царя ставил „eriela", вместо 'господин', 'владыка'— „euri", вместо 'я разрушил'—qarqar uubi и т. д.

Идеографическое письмо имеет в халдском, как и в других клинописных языках, двоякое значение. Иногда идеографическим знаком только характеризуется следующее за ним слово и тогда он ставится впереди этого слова, облегчая чтение текста указанием на то, что стоящее за ним клинописное начертание есть имя бога, название страны, города, народа или собственное имя. Это—детерминатив, вероятно не переводившийся при чтении, во всяком случае он никогда не склоняется. Но иногда знак никого не характеризует, имея совершенно самостоятельное значение и являясь равноправным словом со всеми остальными словами текста. Тут писец только облегчал себе задачу письма, поместив вместо сложного изображения один лишь условный знак. Это—идеограмма в узком понимании термина. Она, как самостоятельное слово, часто склоняется и спрягается получая и суффикс мн. числа. Например, царь царей пишется ^{i}REX ^{i}REX-ue, где вторая идеограмма стоит в родит. падеже мн. числа, или ^{i}DUP-te 'письмена', 'надпись' (во мн. числе), или ^{i}INCENDERE-bi 'я сжег', 'я разрушил' и др. Нередко идеограмма сопровождается последним слогом скрываемого в ней термина, как то ^{i}REGIO-ni, вместо ^{i}REGIO ebani, и этот придаток склоняется по всем падежам, например, родит. усеч. ^{i}REGIO-ni-e, родит.-дат. ^{i}REGIO-ni-ni и т. д. Иногда идеограмме придается характер прилагательного, как то́ мы видим в построении ^{i}URBS ^{i}REX-nu-si (nu-ji) 'город царя сидящаго', 'город резиденция царя', отсюда 'город царский'.

Двоякое значение идеографических знаков, как детерминативов и идеограмм, придает известный оттенок в дешифровке надписей, так например, в построении ^{d}REX ^{d}RE-

GIO Luшae 'царь страны Луша' (надпись Сахак, 38) мы имеем идеограмму царя и детерминатив страны, потому что только последний характеризует следующие за ним клинописные знаки как географическое название, первая же стоит самостоятельно. и за нею нет знаков, которыми обозначалось бы имя царя. Равным образом ^{d}URBS Urayani ^{i}PALATIUM 'города Урайани дворец' (Сардуровская летопись, III 26). Здесь идеографическое написание дворца, конечно, является идеограммою, тогда как знак города служит детерминативом к следующему за ним названию. И эта обязательная постановка детерминатива перед характеризуемым им словом уясняет чтение и перевод таких фраз как ^{d}URBS Luqiunini ^{i}REGIO-ni 'города Лухиунини страна' (Ташбурунская, 3), в которой REGIO является идеограммою, предшествующий же ему Лухиунини определяется детерминативом URBS, то есть он не страна, а город. Поэтому и в имени Тушпы двоякая постановка идеографического знака „город" впереди и позади ее ^{d}URBS Tuuшpae ^{i}URBS имеет различное значение: в начале термина стоит детерминатив, характеризующий следующее за ним имя как название города, а в конце его стоит, очевидно, идеограмма, подлежащая самостоятельному переводу, как 'Тушпы город', поэтому и само имя Tuuшpa-e поставлено в род. падеже (Тушпы-град). Этим столица Биайнского коллектива отличается от всех других городских названий, которые в халдской клинописи снабжаются только детерминативом впереди. Она есть город Тушпы, и действительно, по сакральной надписи Мехер-Капуси мы знаем о существовании бога Тушпы, графически Tu-uш-pu-a, которому приносились жертвы (21/69). И эти детали чтения имеют большое значение как в уточнении географических названий, так и в уяснении смысла самого клинописного текста.

Из других идеографических знаков обращает на себя внимание ^{i}PLURALE, как отдельное обозначение мн. числа, но о ней уже говорилось в другой главе (о мн. числе), где отмечена была также особая манера выражения множественности страны повторением два раза идеограммы REGIO.

Как исключительное в своем роде явление следует отметить и один случай появления идеограммы в составе царского имени, написанного в остальной части фонетически-

Я имею в виду имя Сардура, которое заключает в себе идеограмму богини Sar, халдского эквивалента ассирийской Иштар, и пишется ^{d}DEUS ^{i}SAR-du-ri. Эта идеограмма SAR графически совпадает со знаком „ri", что и привело к неправильному чтению ^{i}DEUS-ri-du-ri или ^{i}SAR-ri-du-ri, где ^{i}SAR отождествлялось не со знаком „ri", а с идеограммою бога, что не соответствует действительности, так как тут мы имеем не идеограмму бога, а его детерминатив, характеризующий следующее за ним имя SAR, которое лишь графически совпадает со слоговым знаком „ri", при полном же фонетическом написании имя царя так и изображается: Sar-du-ri (Атамханская надпись, 2).

Возможны и случаи некоторого отступления от понимания халдом ассирийской идеограммы. Возможен случай, когда писец древнего Вана переиначивал значение ассирийского условного знака и вкладывал в него свое собственное содержание. Так, Н. Я. Марр, коснувшись идеограммы, означающей в ассирийском 'господин', отмечает, что вместо нее в некоторых надписях стоит фонетически начертанное слово „e-ur-i" (графически e-u-ri), которое, на основе яфетического языкознания, толкуется как 'милость', 'попечение', а вовсе не как 'господин', 'владыка', и такое толкование прекрасно подходит к самому тексту Qaldi-e euri-e, в котором оба слова стоят в род. усеч. падеже, используемом в халдском и в значении творительного: 'бога Халда милостью'. Следовательно, говорит Н. Я. Марр, каково бы ни было идеографическое значение ассирийского начертания 'владыка', за халдским словом e-u-ri мы не можем в параллельном чтении не признать значения 'милость', оправдываемого и яфетическим языкознанием и контекстом.

Идеограммы сами по себе дают богатейшую почву для палеонтологических работ, так как чтение знака указывает на связь его с тем понятием, которое за ним закрепилось и в языках, заимствовавших чуждое им клинообразное письмо. Но это уже работа вне халдского кругозора.

Я не считаю себя вправе подробнее останавливаться здесь на вопросе принципиального значения, именно о фонетическом чтении идеограмм в соответствии с основным чтением их клинописного начертания как слогового знака. Выше, говоря об идеограмме № 67, в об'яснениях к ней, я,

пользуясь указаниями яфетидолога-арменист а Л. Г. Башинджагиана, отметил возможность фонетического чтения идеограммы страны как слогового знака „kur". Это далеко не единичный случай. Подобных примеров можно привести несколько. В собираемых бакинским научным работником А. Р. Зифельдтом-Симумяги материалах по семантике словооснов урало-алтайских языков, к сожалению до сего времени еще не опубликованных, мы получаем богатое подспорье в дополнение к аналогичному вопросу, разрабатываемому в Ленинграде по халдско-армянским сопоставлениям. Постепенно все более и более выясняется не только связь смыслового значения идеографического знака с его чтением как слогового, но и живучесть этого соответствия вплоть до современных нам языков. Уже в процессе печатания настоящей работы я получил ряд интереснейших указаний и специально из области материалов азербайджанской тюркской речи от члена наших археологических экспедиций А. Алекперова, специализирующегося на археологии и ведущего свои занятия с определенным уклоном в сторону халдских интересов.

Я ограничиваюсь лишь несколькими примерами: идеогр. SAL 'женщина', груз. ǯol-i в том же значении, мадьяр. sül 'рожать', эстон. süll 'лоно'; идеогр. KUR 'страна, область', башк. kər 'страна, поле', азер. тюрк. kər' поле', южно тюрк. kara 'почва, земля'; идеогр. KUR 'гора', лоп. korr 'горный хребет', коми kər 'гора', алтайск. kər' гора', др. тюрк. kurgan и др.; идеогр. ЖИВОТНОЕ KUR 'лошадь', арм. kur-ak 'жеребенок'. азер. тюрк. kär и kähär'гнедая лошадь'; идеогр. TUR 'малый', арм. pu-tur 'малый', южно-эстон. и ливск. ǯur-a 'мальчик', эрзя ǯöга 'юноша' и т. д.; идеогр. DUP 'письмо', арм. dəp-ir 'писец'; идеогр. GAL 'большой', морд. (мокша) kel-i 'большой, широкий', тюрк. kal-ən 'толстый' и т. д.

Так как в халдском идеограммы в их начертании совпадают с ассирийскими, в которых чтение идеографического знака в значительной степени расходится с чтением их смыслового значения, то по отношении к ним встает вопрос другого порядка. Не имеем ли мы в ассирийском уже семитическое несоответствие основам идеограмм, заимствованных из речи иной структуры—шумерской. Такового несоответствия могло не оказаться на почве языка халдов,

явно несемитического. Если же мы в речи современных нам яфетических народов и в яфетических пережитках народов других семей, видим стойкость значения некоторых понятий, очевидно имевших особую социальную значимость и потому застывших в сходных идеографических их изображениях, то и фонетическое их чтение могло в яфетических языках и пережитках оказаться длительно тождественным. И это будет до известной степени понятным, когда мы вспомним, что и сам шумерский язык принадлежит к той же яфетической семье. Вопрос требует углубленной проработки с накоплением фактического материла, и здесь халдская клинопись свяжет яфетизмы и яфетидизмы современной речи с языками шумерской и эламской клинописи.

К. Синтаксические особенности. Характерною особенностью халдского языка, роднящею его с рядом других яфетических языков, является пассивная конструкция речи, то есть постановка логического суб'екта (подлежащего) в косвенном падеже при всех временах сказуемого. В этом отношении язык древне-Ванской клинописи оказывается выдержаннее грузинского, в котором пассивная конструкция (с логическим суб'ектом в дательном местоименном падеже) сохранилась лишь при аористе; халдский дает более общих черт с некоторыми горскими языками, соблюдающими пассивную конструкцию тоже при всех временах,

Логический суб'ект в халдском всегда стоит в полной форме родит. падежа на „ше", который рядом исследователей халдского языка воспринимался как именительный падеж, причем этот падежный суффикс читался ими односогласно, то есть вместо „ше" одним „ш" или „s". Несостоятельность такого толкования, также как и несостоятельность такого усеченного чтения исходного слога, нами уже отмечены.

Чтение знака „ше" одним слоговым звуком „ш" или „s" резко противоречит общему правилу произношения клинописных начертаний, по которому все остальные знаки читаются с огласовкою и, очевидно, устанавливаемое из'ятие из этого общего правила только для одного „ше" совершенно произвольно. Об'ясняется оно лишь натяжкою в целях искусственного конструирования именительного падежа. Неправильность такого подхода налицо и у А. К. Глейе в его грамматике халдского языка, помещенной в Сборн. Ма-

тер. для опис. мест. и племен Кавказа (в. XXXVII). Полное же чтение означенного клинописного знака восстанавливается и М. В. Никольским и В. С. Голенищевым.

Таким образом, как отличительную особенность языка древне-Ванских клинописных памятников отмечаем форму логического суб'екта на „ше". Частое наличие именно этой формы в значительной мере облегчает перевод надписей легкостью нахождения подлежащаго. Что касается глаголов, то они обычно стоят после подлежащего и заканчивают фразу, но это не обязательно. Так, при часто встречающемся построении с подлежащим в начале и глаголом (сказуемым) в конце, например, Menua-ше Ishpuiniqini-ше ini ^{i}LAPIS pulusi (puluji) kug-u-ni 'Менуа сын Ишпуина этот камень пулуж воздвиг' (надпись Еди-Килисса на горе Варак, 1—3), встречаются и такие, где глагол предшествует об'екту, qa-u-ni ^{d}REGIO Uluaniei ^{i}REGIO ebani ^{d}URBS Daarani ^{i}REGIO-nie он захватил области Улуани страну город Дарани страны' и т. д. (Эйлярская надпись, 6—7) и даже предшествует логическому суб'екту: turin-i-ni ^{d}DEUS Qaldi-ше ^{d}DEUS ^{i}TEI-ШЕВА-ше ^{d}DEUS ^{i}ARDI-ше 'да прогневаются боги Халд, Тейшеба, Арди' (формула проклятия). Впрочем, последняя конструкция фразы вызвана, повидимому, особым ее характером, именно повелительным оттенком глагола, и потому, несмотря на наличие и такого построения, все же можно признать, что излюбленным местом логического суб'екта является начало фразы, глагол же чаще ставится после об'екта, но может и предшествовать ему.

Сплошь и рядом приходится учитывать и то, что подлежащее иногда вовсе не выделяется в отдельное слово, оставаясь сокрытым в глагольной форме, и это синтаксически представляется вполне естественным, так как, при весьма однообразной конструкции текста, повествовательная его часть нередко зависит от вступительных слов, которыми царь выражает свое участие в дальнейшем изложении словами: такой-то сын такого-то говорит. В последующем перечне своих действий автор надписи излагает их в первом лице, а потому подлежащее оказывается излишним: Argishti-ше Menuaqini-ше alie ^{i}PALATIUM badusie (badujie) shidi isht-u-bi 'Аргишти сын Менуи говорит дворец разрушенный я восстановил' (Сардарабадская надпись, 2—4). Здесь под-

лежащее „я“ скрыто в глагольной форме šidi-išt-u-bi. Равным образом, логический суб'ект не выделяется особо и в таких фразах, которые непосредственно связаны с предыдущею, где логический суб'ект упоминается, хотя и в другом построении, например: ^{d}DEUS Qaldini uštabi majini giš šurie kar-u-ni ^{d}REGIO Etiunini 'к богу Халду обратился я (с мольбою) великою к нам милостью покорил он страну Етиуни' (Эйлярская надпись, 1—2). Тут имя бога, как логического суб'екта, не повторено, и подлежащее, так же как в предыдущем примере, скрывается в глагольной форме, в данном случае kar-u-ni 'он покорил'.

Что касается отрывочности фраз, то о ней уже приходилось говорить выше, так же как и о крайне редком употреблении союза 'и', может быть и полном его отсутствии, если будет установлено за халдским словом „ui“ другое значение. Это обстоятельство, по словам Н. Я. Марра, как будто весьма отдаляет халдскую речь от сибилянтной группы яфетических языков, то есть грузинского, мегрельского и чанского, отчасти отдаляет и от сванского, но зато исключительно сближает с абхазским и армянскою мокскою речью, где никогда предложения не соединяются союзом 'и', как и в халдских текстах. Однако, такое соотношение языка древне-ванской клинописи с прочими яфетическими можно отстаивать на основании наблюденной подробности до тех пор, пока отсутствие союза 'и' будет рассматриваться лишь как явление, лежащее в природе самого халдского языка. Но возможно, говорит Н. Я. Марр, что это—особенность наличных письменных халдских текстов, возникшая или по техническим соображениям в видах экономии работы резчика, или по стилистической природе речи надписей, восходящей, как можно предполагать, к слогу устной религиозной литературы халдов, притом в том или ином стихотворном, точнее ритмическом, изложении. Тогда близость может оказаться у халдского языка наличных клинописных его текстов в этом явлении и с грузинским языком, так как народная грузинская поэзия, нашедшая лучшее свое отражение в творении Шоты из Рустава, чрезвычайно скупа на союзы между предложениями, и даже можно сказать, что совершенно их избегает.

Названия времен года.

В халдских надписях, повествующих о военных походах, неоднократно встречается идеограмма года с фонетическими к нему дополнениями, из которых обращают на себя особое внимание три варианта. На них и остановился Н. Я. Марр в своих „заметках по яфетическим клинописям" (стр. 300—304).

Эти три варианта следующие: 1) ГОД tarani, 2) ГОД šištini, 3) ГОД šišuqani.

Guyard первоначально усматривал в „tarani" и „šištini" названия времен года, но затем признал в них порядковые числительные „второй" и „третий". D. H. Müller принял последнее об'яснение Guyard'a, усумнившись только в том, какой термин означает числительное „третий".

Н. Я. Марр указывает на то, что во всех трех терминах налицо исходный слог „ni", который может быть или дательным падежом, используемым здесь как падеж для выражения обстоятельства времени, или исходным слогом самой основы, вернее, согласным коренным „n" с именным окончанием „i". Падежный суффикс Н. Я. Марром усматривается в первом термине, оставляющем одну основу „tar" при именном окончании на „a". Что касается второго и третьего терминов, то в них отмечается наличие „šiš" в начале обоих и отличие их одного от другого во второй части „tini" и „uqani", каковые могут быть поняты как наречия—послелоги, присутствие которых устраняет необходимость оформления слова придатком еще и падежного окончания для выражения обстоятельства времени.

Переходя к разбору указанных терминов каждого в отдельности, Н. Я. Марр указывает, что по яфетическим материалам мы имеем полное основание видеть в комплексе „ГОД tar" (с падежным окончанием „ГОД tar-a-ni") „зиму", так как „tar" представляет собою эквивалент слова „ϑar" „зима (холод)", наличного в грузинском слове совершенно той же конструкции „zam-ϑar" „зима", буквально „год холода". Исходя, затем, из того, что у яфетидов год был шестимесячный, Н. Я. Марр отмечает, что собственно оба года характеризуются один по холоду (зима), другой по жаре (лето). Весна же и осень выражаются описательно при-

датком слов, означающих „до, предшествующий“ или „после, последующий“ за годом жары или холода.

Именно такие описательные выражения мы можем видеть в придатках ко второму и третьему терминам в форме „tini и „uq̇ani“. В обоих конечное „i“ служит именным окончанием, основою же остается „tin“ и „uq̇an“. Первое из них, „tin“, легко отожествляется с грузинским „tin“ „перед“. Второе, „uq̇an“, может быть понято как разновидность второй части известного халдского слова „iq-uq̇an-i“ „потом, вслед затем“. При таком положении, в первой составной части обоих указанных выше терминов, „šiš“, следовало бы усмотреть термин „жара“, при чем и он мог бы получить подтверждение на грузинской почве, если его понимать как в свою очередь составной из „ši-š (ši-šh) с грузинскою параллелью „su-sq“ „зной“, отсюда „знойный. суровый“.

Таким образом, Н. Я. Марр отмечает в халдском наличие следующих терминов для выражения времен года:

ГОД tarani „год холода“ (зима).

ГОД šiš-tini „перед годом жары“ (весна).

ГОД šiš-uq̇ani „после года жары“ (осень).

Чтение текстов.

Для большей легкости чтения и перевода халдских клинописных текстов нужно усвоить себе стиль их и с этой стороны работа не представляет особенных затруднений. Во всех дошедших до нас памятниках автором надписи всегда является царь, имя которого не трудно найти по стоящему перед ним детерминативу лица, и так как в текстах частные лица вовсе не упоминаются, то, фактически, этот детерминатив (один большой вертикальный клин) оказывается равнозначущим детерминативам царя и правителя. Правда, в надписях нередко упоминаются и цари, с которыми воюет владыка Биайны, но они не являются действующими лицами и потому в падеже логического суб'екта никогда не стоят. Кроме того, имена халдских царей, к тому же уже заранее известных по историческому очерку, почти всегда снабжаются отчеством, перед которым тоже стоит детерминатив лица, и такое парное помещение собственных имен дает возможность еще легче ориентироваться в над-

писи. Впрочем, иногда бывают случаи, что царь не помещает своего отчества, как например в надписи Захалу, где сказано ^{d}PERSONA Sarduri-ше ali (3), то есть опущено отчество Argiштiqini-ше, которое дальше в том же тексте помещается, но такие случаи крайне редки, и только с надписями Аргиштия это явление наблюдается несколько раз с полным отсутствием отчества во всем тексте, что наводит на мысль о принадлежности их именно тому Аргишти II, имя отца которого до сих пор остается неизвестным и который, быть может, происходит из боковой линии от отца не занимавшего престола, а, может быть, и из другой династии.

Обычно царь выступает в роли говорящего лица, что и отмечает в тексте (^{d}PERS. Argiшti-ше ^{d}PERS. Menua-qini-ше alie 'Аргишти сын Менуа говорит') после чего излагает свою речь или в первом лице, если повествует о своих деяниях, или в третьем, если приписывает победные действия не себе, а богу Халду. И так как в текстах описываются обычно законченные достижения, то и глагол, в большинстве случаев, появляется в форме аориста, то есть с характером „u“ и окончаниями лица „bi“ для 1-го и „ni“ для 3-го: ^{d}PERS. Argiшti-ше ^{d}PERS. Menua-qini-ше alie ^{i}PALATIUM badusie (badujie) шidi-iшt-u-bi 'Аргишти сын Менуа говорит дворец разрушенный восстановил я' (Сардарабадская надпись, 2-4), или, ^{d}PERS. ^{i}SAR-duri-ше alie ^{d}PERS. Quшташpili ^{i}REX ^{d}REGIO Kumaqa-alqie aniyar d-u-ni 'Сардур говорит Кушташпили царя страны Кумаха-алхи ярмом смирил он (то есть бог)' (Сардуровские летописи, IV 40—42). Бывают случаи, когда царь осложняет изложение вставкою придаточного предложения с причастною формою, представленною или голою основою с характером времени или, кроме того, и с суффиксом причастия „li“, „ni“, или же с основою, снабженною суффиксом отношения, обычно направит. падежа на „di“, в котором стоит географическое название, например: XX ^{i}PALATIUM agununi man-u gunuша qa-u-bi '20 дворцов добычными сделав (то есть ограбив) добычу взял я' (Сардуровские летописи, V 24—25), или, ^{d}PERS. ^{i}SAR-duri-ше alie iqukani шali ^{i}GENS-aji ^{i}PLURALE uшta-a-li ^{d}REGIO Abilianiqini-e-di ^{d}DEUS Qaldini-ni al suшi-ni ^{i}REGIO Tume ^{i}REGIO ebanii aшg-u-bi ^{i}PALATIUM ^{i}PLURALE qarqar ш-u-bi

^{i}URBS ^{i}PLURALE ^{i}INCENDERE-bi и т. д. 'Сардур говорит, спустя год войска направив в область Абилианихи, богу Халду вышне-небесному области Туме землю захватил я, дворцы разрушил я, города сжег я и т. д. (там же, II 5—9), или ^{d}PERS. ^{i}SAR-duri-ше alie iqukani uшta-di ^{i}REGIO Puzuni ainie ^{i}REGIO ebani-e-di... ^{i}PALATIUM ^{i}PLURALE qarqar m-u-bi и т. д. 'Сардур говорит, потом направившись в земли Пузуни область... дворцы разрушил я и т. д.' (там же, V 10—12), или еще короче, ^{d}PERS. ^{i}SAR-duri-ше ali uшta-di qa-u-bi ^{d}PERS. Arquqini ^{i}REGIO-nie 'Сардур говорит, направившись, покорил я Аркукина область' (надпись Захалу, 3--4; здесь интересен случай самостоятельного склонения причастия, поставленного в напр. падеже на „di", но без указания места направления).

Характерным для халдских надписей является и то, что повествователь избегает длинных абзацов и проявляет склонность к делению больших текстов на части, начиная каждую с тех же слов: такой-то сын такого-то говорит. Обычно разграничиваются цельные периоды и каждый поход начинается с этой фразы. Такая особенность ярко выступает в длинных летописных сводах Хорхорском Аргиштия и Сардуровском из западной ниши Ванской скалы.

Целый ряд текстов, обычно весьма коротких, имеет другое построение, именно царь не отмечает своей повествовательной роли, а просто описывает свое деяние в третьем лице. Здесь фраза 'такой-то сын такого-то говорит' отсутствует, например: ini ^{i}DOMUS ^{d}PERS. ^{i}SAR-duri-ше ^{d}PERS. Argiшti-qini-ше шidi-iшt-u-ni 'это сооружение Сардур сын Аргиштия воздвиг (Армавирская надпись, 1—2).

Виднейшее участие в деяниях царя принимает бог Халд, поэтому подавляющее количество надписей начинается с его имени, каковое не трудно узнать по предшествующему детерминативу бога. И такое упоминание бога помещается раньше указанных выше вариантов царского повествования, причем обращение ко всемогущему покровителю Биайны выражается в различных формах, обычно или: ^{d}DEUS Qaldini-ni al suiшi-ni ^{d}PERS. Argiшti-ше ^{d}PERS. Menua-qini-ше alie ^{i}PALATIUM badusie (badujie) шidi-iшt-u-bi teru-u-bi ^{d}PERS. Argiштiqini-li tini' богу Халду вышне-небесному Аргишти сын Менуа говорит: дворец разрушенный восстано-

вил я, закончил, Аргиштихинили (букв. Аргиштиевым) назвав' (Сардарабадская надпись, 1—5); эпитет бога в начальной фразе этого типа вариируется в отмеченных выше видах: al suiшini, al suшini, ba uшini, uш mашini. Или, ^{d}DEUS Qald-i-e eur-i-e ini ^{i}DOMUS ^{d}PERS. ^{i}SAR-duri-ше ^{d}PERS. Argiшti-qini-ше шidi - iшt-u-ni ^{i}PALATIUM badusie (badujie) шidi - iшt-u-ni qiurani quldini man-u ^{d}PERS. ^{i}SAR-duri-ше ^{d}PERS. Argiшti-qini-ше ag-u-ni 'бога Халда милостью это сооружение Сардур сын Аргиштия воздвиг, дворец разрушенный восстановил, внутренние помещения сделав, Сардур сын Аргиштия довел (до конца, то есть 'достроил')' (Армавирская надпись, 1—5, последнее слово ag-u-ni неясно и восстанавливается переводчиками).

Иногда царь все деяние приписывает самому богу, и тогда текст надписи меняется, и имя царя в первых строках текста не упоминается вовсе, оно скрывается в форме первого лица глагола, логический же суб'ект, в данном случае бог, тоже не выделяется как подлежащее фразы, оставаясь выраженным только в глагольной форме уже третьего лица, например: ^{d}DEUS Qaldi-i-ni uшt-a-bi masini (majini) giш шuri-e kar-u-ni ^{d}PERS. Qiteruadani ^{d}PERS. Saqu-qi ^{i}REX ^{d}URBS Melita-alqi-e ^{i}REGIO-ni-e '(к) богу Халду обратился я (с молитвою) великою к нам милостью покорил он Хитеруада сына Саху царя города Мелиты-алхи земли' (надпись Изоглу, 1—3), или, ^{d}DEUS Qaldi-ni uшt-a-bi masini (majini) (giш) шuri-e kar-u-ni ^{d}PERS. Arquqini ^{i}REGIO-ni-e ^{d}PERS. ^{i}SAR-dur-i-ше ali uшta-di qa-u-bi ^{d}PERS. Arquqini ^{i}REGIO-ni-e и т. д. '(к) богу Халду обратился я (с молитвою) великою (к) нам милостью покорил он Аркукина область, Сардур говорит, отправившись, захватил я Аркукина область' и т. д. (надпись Захалу, 1--4).

Наконец, в целом ряде мелких надписей царь повествует в третьем лице и вовсе не упоминает имени бога. Таковы обычно однострочные надписи в три ряда, обходящие базы колонн, как то: ^{d}PERS. Iшpuuini-ше ^{d}PERS. ^{i}SAR-durie--qini-ше ini ^{i}DOMUS aше zadu-u-ni 'Ишпуин сын Сардура это сооружение-святилище воздвиг' (надпись из Зустана).

Таковы обычные начальные строки надписей как длинных, до летописных включительно, так и коротких, иногда однострочных.

Что касается середины текста халдских клинописных памятников, то здесь в сжатой форме обычно излагаются строительные достижения царя или же идет перечень покоренных стран, городов, народов и царей, иногда с указанием числа занятых городов, селений и дворцов-крепостей. Отдельно в тексте, после описания похода или походов, приводится нередко и перечень добычи с выделением мужчин, женщин, отроков, иногда особо знати и воинов. Бывает сделан и общий им подсчет. Из скота чаще всего упоминаются, среди добычи, лошади, быки и овцы, реже указывается вывоз металла и сельско-хозяйственных продуктов. Цифры, весьма часто тысячные, сплошь и рядом приводятся с точностью до единицы. Как о совершенно естественном поступке царь, упоминая покорение стран, говорит о разрушении дворцов, сожжении городов, обращении в пепел селений, разгоне населения, и все это плавное, но сжатое изложение прерывается иногда славословием богу: Ḳaldi kuruni Ḳaldini giш шuri kuruni Ḳaldinini uштabi 'бог Халд велик, бог Халд к нам милостью велик, (к) богу Халду обратился я (с молитвою)'; ^{d}DEUS Ḳaldi-i-ni uшt-a-bi masini (majini) giш шur-i-e kar-u-ni ^{d}REGIO Ḳate kar-u-ni ^{d}PERS. Ḳiteruada-ni ^{i}REGIO-ni tequa-li ^{d}PERS. Аргiштi kai ^{d}DEUS Ḳaldi-i kuruni ^{d}DEUS Ḳaldini qiш шuri kuruni ^{d}DEUS Ḳaldini-ni al suiши-ni ^{d}PERS. Аргiшti-ше ^{d}PERS. Menua-ḳini-ше al-i-e и т. д. '(к) богу Халду обратился я (с молитвою) великою к нам милостью покорил он страну Хату покорил он (царя) Хитеруада (может быть Хитеруадову) землю, повержены (они) пред Аргиштием, бог Халд велик, бог Халд к нам милостью велик, богу Халду вышне-небесному Аргишти сын Менуа говорит и т. д.' (Хорхорская летопись, II 5—8).

В конце надписи обычно помещается титул царя в сокращенном виде: ^{i}REX ^{i}DAN-NU ^{i}REX ^{d}REGIO Biaina-ue alu-si (alu-ji) ^{d}URBS Tuушра-е ^{i}URBS 'царь могущественный, царь страны Биайн, живущий в Тушпы-граде' (например, Ордаклинская надпись), или в полном: ^{i}REX ^{i}DAN-NU ^{i} REX ^{i}RABU ^{i}REX ^{i}REGIO ^{i}REGIO ^{i}PLURALE-u-e ^{i}REX ^{d}REGIO Biaina-u-e ^{i}REX ^{i}REX ^{i}PLURALE-u-e alu-si (aluji) ^{d}URBS Tuушра-е ^{i}URBS 'царь могущественный, царь великий, царь страны стран, царь страны Биайн, царь царей, живущий в Тушпы-граде' (например, Армавирская).

Целый ряд надписей снабжается еще перед царским титулом, а иногда и без него заканчивая надпись, неоднократно уже упоминавшеюся формулою проклятия следующего вида: (^{d}PERS. Menua-ше al-i-e) alu-ше ini) ^{i} DUP-te t-u-li-e alu-ше pit-u-li-e alu-ше ainii ini lid-u-li-e alu-ше uli-ше ti-u-li-e ie-ше zad-u-bi turin-i-ni ^{d}DEUS Qaldi-ше ^{d}DEUS ^{i}TEIШEBA-ше ^{d}DEUS ^{i}ARDI-ni-ше ^{i}DEUS ^{i}PLURALE-ше mani ^{d}DEUS ^{i}ARDI-ni pini mei arqi urudani mei inaini (inani) mei naraa auie ul-u-li-e '(Менуа говорит) тот кто эту надпись похитит, тот кто испортит (ее), тот кто землею этою покроет (ее), тот кто другой себе присвоит (ее, то есть себе припишет ее сооружение), я воздвиг (ее), да разгневаются (на него) бог Халд, бог Тейшеба, бог Ардин, боги, (и) сделав явным (^{d}DEUS ^{i}ARDI-ni) имя его, семейство (и) потомство его, город его огню (и) воде да предадут (надпись Язлы-Таш, 29—36 и др.). Только в одном случае, насколько мне известно, формула проклятия попала в середину текста, именно в надписи церкви св. Петра в Ване, (Sayce XLVIII). Эта формула иногда удлиняется вставкою еще предположительных преступных деяний лица, долженствующего вызвать на себя гнев богов, иногда и сокращается пропуском тех невзгод, которым имеет лицо это подвергнуться со стороны карающих божеств. Последний случай находим в Макинской надписи, разбор текста которой включается в мою настоящую работу.

Таковы наиболее типичные варианты построений текстов клинообразного письма древнего Вана. Но ими, конечно, не исчерпываются все детали, затрудняющие установление точного смысла, особенно в виду наличия слов, иногда еще не поддающихся переводу, и в виду неясности некоторых грамматических форм.

Разбор и перевод текстов.

I. Надпись из Ардамеда.

1. ^{d}DEUS Qal-di-ni-ni ушь ma-ши-ni ^{d}PERS. Me-nu-a-ше
2. ^{d}PERS. Iш-pu-u-i-ni-qi-ni-ше i-ni pi-li
3. a-gu-ni ^{d}PERS. Me-nu-a-i pi-li ti-ni

---

1. богу Халду величайшему (по Н. Я. Марру: этот памятник) Менуа
2. сын Ишпуина этот канал
3. провел, Менуи каналом назвав.

Разбор текста:

1. Имя бога Халда стоит в дат. падеже на „ni“, суффикс которого налег на полную форму божеского имени на „din“, с именным окончанием “din-i“. Что касается „ушь mашini“, то о нем я подробно остановился в главе об аффиксах, сейчас добавлю лишь, что „mашini“ имеет параллель в „masini (majini)“, встречающемся в фразе „majinie giш шurie“, переводимой 'великою к нам милостью'. Если за “mашini“ сохранить то же значени, то „ушь“ при нем может выражать превосходную степень. Н. Я. Марр видит в „ушь“ местоимение 'этот'. Имя царя Менуи поставлено в падеже логического суб'екта на „ше“, который следует за гласным „а“, остатком термина 'сын', как и в мегрельских фамильных именах Stur-u-a и др., предшествующий же ему „u“ есть именное окончание, так что само имя Менуа буквально означает 'сын Мен'а (Мин'а)', но в этой своей конструкции Менуа уже представляет цельное имя, а не имя отчества живой халдской речи.
2. Имя Ишпуина стоит в том же падеже как и Менуа, но оно имеет перед падежным окончанием придаток „qin“, с именным суффиксом “qin-i“, который в жи-

вой речи халда означал 'сын', то есть здесь мы имеем уже имя отчества. Местоимение „ini" также как и слово „pili" оба снабжены лишь именным окончанием „i", то есть стоят в неоформленном падеже как логический об'ект.

3. Глагол „aguni" стоит в 3-м лице („ni") аориста (характер „u"), основа его „gw—›g" имеет префикс направления „a", в сторону от говорящего лица. Имя „Menuai" стоит в родит. усеченном падеже на „e/i", означая принадлежность 'канал Менуи'. За словом "tini" оставляю обычный его перевод, прекрасно подходящий и к данному контексту, но здесь явно не 3-е лицо глагола, а причастная форма с суффиксом „ni", что вполне ясно по тексту 7-ой строки Макинской надписи.

II. Надпись из Эйпяра.

1. ^{d}DEUS Ḳal-di-ni uш-ta-bi ma-ji-ni giш шu-ri-e
2. ka-ru-ni ^{d}REGIO E-ti-u-ni-ni ^{d}DEUS Ḳal-di-i
3. ku-ru-ni ^{d}DEUS Ḳal-di-ni giш шu-ri-e ku-ru-ni
4. ^{d}DEUS Ḳal-di-ni-ni uш ma-ши-ni uш-ta-bi
5. ^{d}PERS. Ar-gi-iш-ti-ni ^{d}PERS. Me-nu-a-ḳi-e
6. ḳa-u-ni ^{d}REGIO U-lu-a-ni-e-i ^{i}REGIO e-ba-ni
7. ^{d}URBS Da-a-ra-ni ^{i}REGIO-ni-e ^{d}DEUS Ḳal-di-ni-ni
8. al su-ши-ni ^{d}PERS. Ar-gi-iш-ti-ni ^{d}PERS. Me-nu-a-ḳi
9. ^{i}REX ^{i}DAN-NU ^{i}REX al su-i-ni ^{i}REX ^{d}REGIO ^{d}Bi-a-i-na-e
10. a-lu-ji ^{d}URBS Tu-uш-pa-a-e ^{i}URBS

---

1. (к) богу Халду я обратился (с молитвою), великою (к) нам милостью
2. покорил он страну Етиуни, бог Халд
3. велик, бог Халд (к) нам милостью велик,
4. к богу Халду величайшему обратился я (с мольбою)
5. за Аргиштия сына Менуа,
6. он взял страны Улуани область
7. город Дарани области для бога Халда
8. вышне-небесного для Аргиштия сына Менуа

9. царя могущественного, царя божественного, царя страны Бианы,
10. живущего в городе Тушпы-граде.

Разбор текста:

1. Имя бога использовано с усеченною основою на „di". Здесь огласовка исходного слога „di" восприняла в себя и именное окончание „i", к которому прибавлен суффикс дат. падежа „ni", так что грамматически правильно имя должно было бы писаться Ḳal-di-i-ni, как оно часто и пишется. В дат. падеже от полной основы имя должно писаться Ḳal-din-i-ni и именно в этой форме оно чаще и встречается в сходных контекстах. Глагол uшt-a-bi имеет суффикс 1-го лица (bi) и характер времени „a", указывающий на длительность действия; majni giш шur-i-e стоит в родит. усеченном, здесь в значении творительного, причем падежный суффикс „e" прибавлен только к последнему слову, хотя и относится также к двум предыдущим, что представляет собою общее явление для яфетических языков.
2. Глагол „kar-u-ni" стоит в 3-м лице аориста (u-ni). Конечное „ni" в географическом термине „Etiu-ni-ni" скорее всего оттеняет здесь мн. число 'страна Етиуны', но, возможно, и принадлежность 'страна Ети-унова' (дательный падеж принадлежности). В имени бога Ḳal-di-i выделено именное окончание „i" (см. строка 1).
3. Здесь имя бога стоит в полной форме Ḳal-din с именным окончанием Ḳal-din-i; шur-i-e поставлено в родит. усеченном, в значении творительного, что возможно по контексу, если понимать фразу, как 'бог Халд велик милостью к нам'. Первое и последнее слово строки „kuruni" не следует смешивать с глаголом второй строки „karuni". Здесь, в третьей строке, мы имеем не глагол, а прилагательное.
4. Относительно „Ḳaldinini uш mашini" см. об'яснение к 1-ой строке Ардамедской надписи, о глаголе же „uштabi", сказано в 1-ой строке настоящей надписи.

5. Имя царя поставлено в дат. падеже со значением 'за кого' (молился за Аргиштия, то есть за самого себя. Это обычное для халдских надписей построение). Menuaqie имеет в конце термин 'сын' в усеченном виде „qi" вместо „qin-i", исходный же гласный „e" не может быть понят как суффикс родит. падежа, потому что усеченное „qi" не склоняется. Скорее всего, здесь обозначен перебойный звук „e,i", так как встречается и форма с усеченным „qe" вместо обычного „qi", например, Išpuini-qe 'сын Ишпуина' (надпись Сидек, 2 и др.,—случай далеко не единичный).
6. Глагол qa-u-ni стоит в 3-м лице аориста (u-ni). Название страны Uluan-i-e-i может быть понято как стоящее в родит. усеч. („e"), следующее же за ним „i" как суффикс отношения к „eba-ni", то есть как повторение его суффикса, в данном случае его именного окончания (явление обще-яфетическое). Так как об'ект должен стоять в неоформленном падеже, то таковым и может считаться „eban-i", являющееся фонетическим чтением предшествующей ему идеограммы. Тогда точный перевод получится такой: 'взял он страны Улуани область', то есть: он захватил область страны Улуани.
7. Здесь в родит. усеченном стоит ^{i}REGIO-ni-e, то есть, раскрывая идеограмму по примеру предыдущей строки: ^{i}REGIO eban-i-e, логическим же об'ектом является неоформленный падежом город „Daran-i". Значит, тут покорен город Дарани страны, очевидно той, про которую говорилось выше. Имя бога стоит в дат. падеже полной основы (см. выше).
8. Об „al suuini" см. в главе об аффиксах. Имя царя стоит в дат. падеже („ni"), причем предшествующее падежному суффиксу именное окончание „i" слилось с огласовкою слога „ti", дав явление аналогичное разобранному в строке 1-ой в слове Qal-di-ni, вместо Qal-di-i-ni.
9. О слове „al suini" см. в главе об аффиксах. Что касается имени страны Биайны, то оно стоит в род. усеч. падеже, как всегда и ставится это название, но не в обычной форме мн. числа на „u-e", а в един. числе на „e", что

встречается сравнительно реже. Использование в имени этой страны родит. падежа, особенно в форме мн. числа, придает ей оттенок коллектива 'страны Биайн', поэтому же она и является страною стран, что выражено в 14 строке Макинской надписи построением ^{i}REX ^{i}REGIO ^{i}REGIO ^{i}PLURALE 'царь страны стран', о чем см. в главе об идеограммах и о мн. числе.

10. О форме „alu ji (alu si)" 'тот кто сидящ', 'сидящий', 'пребывающий', 'имеющий резиденцию', см. в главе о местоимениях. Имя города Тушпы стоит в родит. усеч. на „е", которому предшествует именное окончание „а", здесь выделенное от огласовки исходного слога основы „ра" (из „ран"). Родительный падеж Тушпы зависит от последней идеограммы города, давая построение 'Тушпы-град', см. глава об идеографических знаках.

III. Надпись из Маку.

1. ^{d}DEUS Ḳal-di-e ^{i}DOMINUS i-ni ^{i}TEMPLUM ^{d}PERS. Ru-sa-ше
2. ^{d}PERS. Ar-giш-te-ḳi-ni-ше ши-di-iш-tu-ni ^{d}DEUS Ḳal-di-ni-ni
3. иш ma-ши-ni PERS. Ru-sa-ше ^{d}PERS. Ar-giш-te-ḳi-ni-ше
4. a-li qar-bi ^{i}SAL-zi ma-ṅu u-i gi-e-i
5. iш-ti-ni ши-da-u-ri шu-ki ^{d}DEUS Ḳal-di-ше
6. u-bar-du du-ni i-e-ше ши-di-iш-tu-bi
7. te-ru-bi ti-ni ^{d}PERS. Ru-sa-a-i ^{i}URBS ^{i}TUR
8. ^{d}PERS. Ru-sa-a-ше ^{d}PERS. Ar-giш-te-ḳi-ni-ше a-li
9. a-lu-ше i-ni ^{i}INSCRIPTIO-te tu-li-e a-lu-ше
10. pi-tu-li-e a-lu-ше ip-ḳu-li-e tu-ri-ni-ni
11. ^{d}DEUS Ḳal-di-ше ^{d}DEUS ^{i}TEIШEBA-ше ^{d}DEUS ^{i}ARDI-ni-ше ^{i}DEUS ^{i}PLURALE-ше
12. meku u-i ti-ni ma-nu-ni ^{d}DEUS ^{i}ARDI-ni ka-i
13. ^{d}PERS. Ru-sa-a-ni ^{d}PERS. Ar-giш-te-ḳi
14. ^{i}REX ^{i}POTENS ^{i}REX ^{i}REGIO ^{i}REGIO ^{i}PLURALE-a-u-e
15. ^{i}REX ^{d}REGIO Bi-a-i-na-u-e ^{i}REX ^{i}REX-u-e
16. a-lu-ji ^{d}URBS Tu-иш-pa-a-e ^{i}URBS.

———

1. Бога Халда владыки эти покои Руса
2. сын Аргиштия соорудил. Богу Халду

3. величайшему (по Н. Я. Марру: этот памятник) Руса сын Аргиштия
4. говорит: (из) камня алтарь сделав и . . . .
5. сооружение верхнее, как бог Халд
6. веление дал, я воздвиг,
7. довел до конца, назвав Русы город малый.
8. Руса сын Аргиштия говорит:
9. тот кто эту надпись похитит, тот кто
10. испортит ее, тот кто разобьет ее, да разгневаются (на него)
11. бог Халд, бог Тейшеба, бог Ардини, боги;
12. его на месте они назовут, сделав явным
13. для Русы сына Аргиштия
14. царя могущественного, царя страны стран
15. царя страны Биайн, царя царей,
16. обитающего город Тушпы-град.

Разбор текста.

1. Q̇aldi-e стоит в родит. усеченном падеже; после идеограммы храма или дома стоит еще идеограмма, соответствующая ассир. № 196 'хоромы, покои, комнаты'. В ней верхний горизонтальный клин ассирийского написания изменен в малый угол острием влево. В имени бога Q̇al-di-e именное окончание „i", предшествующее падежному суффиксу „e", срослось с огласовкою основы „di", см. об'яснение к 1-ой строке Эйлярской надписи. Слова „ini i TEMPLUM" 'эти покои' стоят в неоформленном падеже как логический об'ект. Имя царя имеет форму родит. падежа на „ше" как логический суб'ект. Здесь мы видим редкое начертание с одним „а" вместо двух, так как одно из них является пережиточным остатком термина 'сын', как и в имени другого царя „Men-u-a" (см. строка 1-я Ардамедской надписи), а второе, ему предшествующее, есть именное окончание, так что полностью имя должно звучать „Rus-a-a" 'сын Рус'а', и родит. падеж логического суб'екта должен выразиться в виде „Rus-a-a-ше", родит. усеченный „Rus-a-a-i", дат. „Rus-a-a-ni". Именно в этих формах царское имя обычно и встречается, так оно и стоит в строках 7, 8, 13 настоящей надписи.

2. Имя Argiшte-q̇in-i-ше имеет тоже суффикс падежа логического суб'екта („ше"). Начертание имени здесь интере-

сно своим слогом „te“, в котором слились два гласных „i-e“, то есть именное окончание и суффикс родит. усеченного падежа, так как наличие термина 'сын' (qin-i) требует постановки собственного имени в родит. падеже (сын такого-то), но перебойные гласные „e/i“ сливаются и, в свою очередь, входят в огласовку придатка „ti“ (из „tin“), который и без того имеет свой коренной „i“. Другими словами, безукоризненно правильной будет встречающаяся в халдской клинописи форма „Argiшti-e-qin-i“ (еще правильнее Argiшti-i-e-qin-i), отсюда при слиянии гласных „e/i“ мы и имеем или „Argiшti-qin-i“ или, как в данном случае, „Argiшte-qin-i“. Глагол шidi-iшt-u-ni поставлен в 3-м лице („ni“) аориста („u“); предшествующий ему предлог или существительное 'вверх', 'верх' придает оттенок строительных действий (основа „шт“) до верху, то есть воздвижение постройки. Часто этот глагол используется в халдском при воздвижении разрушенных строений, почему иногда и переводится 'возобновил', 'восстановил'. Относительно слов „Qaldin-i-ni“ и, на следующей строке „иш ma-ши-ni“ см. толкование 1-й строки Ардамедской надписи.

3. Об именах царей „Rus-a-ше“ и „Argiшte-qin-i-ше“ см. первые две строки настоящей надписи.

4. В глаголе „al-i“ (из „al-i-e“) произошло слияние характера времени „i“ и местоименной частицы „e“, о чем см. в главе о спряжении. Слова „qarb-i ^{i}SAL-z-i“ поставлены в неоформленном падеже как логический об'ект. Относительно qarbi см. об'ясн. к идеограмме № 65. Следующее за ними „man-u“ представляет причастную форму с одним лишь характером времени („u“), см. спряжение; за словом „ui“ оставляю обычный, хотя и условный, перевод его как союза „и“. Последние слова „gi ei“ Н. Я. Марр разделяет, переводя причастною формою 'поставив его', но возможно, что в „giei“ и его разночтении, например по Сардарабадской надписи, „gii“ мы имеем существительное от основы „gy“, в котором D. H. Müller и М. В. Никольский усматривают вид строительного материала.

5. „iштini“ обычно понимается как местоимение „этот“, но мне кажется возможным предложить и иное его толкование, именно как существительного от основы „iшт“ 'строить' (ср. глагол „шidi-iштubi“ 'я соорудил', букв. 'верх

выстроил'); „шidauri" можно здесь понять, как прилагательное на „ur-i" по аналогии с „man-ur-i" 'сделанный', „ai-ur-i" 'земляной' и т. д. Следовательно, и в „шida-ur-i" мы можем устанавливать форму прилагательного в значении 'верхний', а в „iштini шida-ur-i" видеть 'строение верхнее', то есть 'акрополь', который и воздвигнут по повелению бога под именем малого города Русы. Все три слова „gie-i iштin-i шida-ur-i" поставлены в неоформленном падеже, как логический об'ект. Слово „шu-ki", фонетически точнее „шo-ki", Н. Я. Марр толкует и переводит в значении 'как', буквально 'каким образом'. Имя бога „Qal-diше" стоит в падеже логического суб'екта; именное в нем окончание „i" слилось с огласовкою основы „di" (из „di-i"), о чем смотри выше.

При даваемом переводе выйдет, что „Русы городом малым" названо то верхнее строение, акрополь или город на возвышенности, о котором шла речь в предшествующих строках. Самая конструкция „Русы город малый" невольно напрашивает на сравнение другой термин, встречающийся при построении городов, носящих царское имя, в частности Русахина, в котором окончание „хин" может быть понятно вовсе не как строительный термин, а в его обычном значении „сын", отсюда „малый". Настоящий контекст дает, мне кажется, основание именно так и толковать аналогичные названия: Аргиштихина „Аргиштия город малый", Русахина „Русы город малый" и т. д. По моему мнению, в данном месте Макинской надписи имеется в виду ничто иное как Русахина, то есть термин, в этом случае представленный описательно.

6. Ubard-u стоит, как логический об'ект, в неоформленном падеже, имея лишь именное окончание „u"; „d-u-ni" — аорист 3-го лица (u-ni) от основы „dw" 'класть', 'полагать', в сочетании с предыдущим словом „ubard-u d-u-ni" 'веление он положил', 'веление он дал', 'он повелел'. Местоимение „ie-ше" поставлено в родит. падеже логического суб'екта при глаголе шidi-iшt-u-bi, о котором см. выше в стк. 2 настоящей надписи. О редком употреблении местоимения „ie-ше" (в род. пад.) см. в главе о местоимениях.

7. Слово „te", если и не самостоятельно, то в составе других слов, налично в халдском в значении 'голова', 'гла-

ва', оно же входит в состав аористной формы 1-го лица (u-bi) глагола „te-r-u-bi", образованного от основы „rw" 'идти', и побудительно 'заставлять идти', отсюда 'вести'; „te-r-u-bi" буквально означает 'я привел к голове', то есть привел к концу, завершил, окончил. Н. Я. Марр указывает, что такая семантика встречается в яфетических языках. О слове „ti-ni" см. в 3 строке Ардамедской надписи. Здесь оно ни коим образом не может быть глаголом, так как в этом случае должно было бы, по контексту, стоять в первом лице на „bi" как и предшествующее „te-r-u-bi". Имя царя „Rus-a-a-i" стоит в родит. усеченном на „e/i" как определяющее ^{i}URBS ^{i}TUR 'Русы город малый'.

8. О царских именах „Rus-a-a-ше" и „Argiш-te-qin-i-ше", стоящих в родит. падеже логического суб'екта, см. в первых двух строках настоящей надписи, о глаголе же „al-i" см. строка 4.

9. Местоимение „alu-ше" является логическим суб'ектом и потому стоит в родит. падеже полной формы на „ше", о нем см. в главе о местоимениях. После "ini" „этот" стоит знак, соответствующей ассирийскому третьему варианту № 102 „um" и № 103 „dup". Для знака „таблица, письмена" в халдском используется ассирийский знак № 103 „dup" в первом его варианте, но графически халд отступил от точной передачи ассирийского начертания, пропустив четвертый вертикальный клин и оставив лишь три, благодаря чему знак для „письмен" совпал по внешнему своему написанию с другим ассирийском же знаком № 102, имеющих чтение „um" (в др. вавилонском оба знака графически совпадают, давая, при раздельном написании клиньев, построение сходное халдскому). В ассирийском оба знака и „dup" и „um" имеют три начертания, из которых только третье для обоих тождественно. Его в данном случае и использовал писец, идеографически изображая понятие „таблицы, письмена" с прибавлением к нему суффукса „te", ср. об'яснения к идеогр. № 23 и 24. Слова „in-i ^{i}INSCRIPTIO-te" поставлены в неоформленном падеже как логический об'ект; „te" при идеограмме INSCRIPTIO выражает мн. число 'письмена', отсюда 'надпись' (см. в

главе о мн. числе). Глагольная форма „tu-li-e", собственно „tu-u-li-e", образована от основы „*tuh" 'пленить', откуда имеем и существительное „tuqin-i", может быть „tuq-i-ni" 'пленник'. В глаголе настоящей строки „tu-li-e" характер будущего времени „u", аористной группы, слился с огласовкою основы „tu‹—*tuh", на нее налегает суффикс желательного-будущего времени „li" и об'ективный местоименный суффикс „e" 'его', 'ее': „tu-li-e" 'похитит ее', то есть надпись. Но возможно, что конечное „li-e" представляет собою графическое начертание слога „le", отсутствующего в халдской клинописи, в в таком случае мы здесь об'ективного местоименного суффикса, может быть, и не имеем, см. глава о спряжении.

10. Глаголы „pit-u-li-e" и „ipqu-li-e" имеют ту же конструкцию как и глагол „tu-li-e" предыдущей строки. Они образованы от основ—первый „pit" 'осквернять', 'портить' и второй „pqu" 'разбивать (на куски)', 'крошить', ср. его эквивалент в сванском „li-bqu-r-e" в том же значении и грузинское „ṗqu-n-a" 'крошить', армянское „ṗuq" 'ломкий', 'крошащийся'. Слово „turin-i-ni" представляет собою глагол в форме 3-го лица („ni") с характером времени „i" сослагательного-повелительного наклонения 'разгневались бы', 'да разгневаются'. Основа его „turin", может быть „torin", сопоставляется с мегрельским „tkorin" 'гневаться', 'гнев'.
11. Все три имени богов стоят в родит. падеже полной формы на „ше", следовательно, они являются логическим суб'ектом. В начертании идеограммы бога солнца мы видим, кроме падежного суффикса („ше"), еще и придаток „ni", восстанавливающий чтение „Ardini", из чего мы можем заключить, что сама идеограмма читалась усеченно „Ardi", что подверждается и фонетическим изображением имени этого бога в надписи Мехер-Капуси (23—75) в род. усеч. Ardi-i-e. В том же падеже логического суб'екта стоит и идеограмма мн. числа, непосредственно связанная с предшествующею идеограммою бога 'боги многие', 'боги'.

12. Здесь продолжение формулы проклятия получает своеобразный вариант в отступление от обычной, где говорится „сделав явным имя его" и т. д. (ср. строки 8—9 надписи Шамирам-Су близ Ардамеда). В данном месте нашей надписи, по моему мнению, все же идет продолжение этой формулы. Начальное „me" следовало бы отделить от последующих знаков, поняв как местоимение 3-го лица в неоформленном падеже, каковой, при пассивной конструкции халдской речи, служит падежом об'екта. Следующие „kui tini" можно сопоставить к текстом строки 35 Келишинской надписи (Sayce LVI), где стоит „me kui guni". Это сопоставление наводит на мысль видеть в „kui" отдельное слово или сходный в обоих случаях аффикс с неясным для меня смыслом. В „kui guni" (разночтение „ku-guni") мы имеем основу глагола „вести" (ср. aguni „он привел"); „kui-guni, и „ku-guni" встречается в надписях о постановке стел-пулужей, в значению „воздвигать", каковое можно возвести к основному значению корня „gw" „вести", как „вести на месте", отсюда „воздвигать". Весьма условно я даю такое же толкование и в данном контексте „на месте назовуть", то есть назовут имя преступника на месте совершенного им деяния, подвергающегося проклятию. Следующее „man-u-ni" легко понять как глагол в 3-ем лице аориста „он/они сделали", но, при предшествующих глагольных формах сослагательного (повелительного) наклонения с гласным характером времен I группы на „i", аорист не уместен, поэтому соблазнительнее видеть в нем не аорист, а полную причастную форму с суффиксом „ni" (см. в грамматике) 'сделав'. Что касается „kai", то в двуязычной надписи оно передано по-ассирийски „ina pan" 'пред'. В халдском „kai" согласуется с неоформленным падежом, что особенно ясно видно из построения „ ^{d}PERS. Menua kai" 'пред Менуей' (Ташбурунская надпись, 3), следовательно и здесь мы имеем не дат. падеж на „ni", а полную форму божеского имени „Ar-din-i", графически ^{i}ARDI-ni, без всякого падежного окончания. Сходную с настоящим форму имеем в двух Армавир-

ских надписях, где стоит „ᵈPERS. ⁱSAR-dur-i-ше XX tuqini ᵈDEUS ⁱARDI-ni kai ar-u-ni" 'Сардур 20 пленников пред богом Ардини привел'. В формулах проклятия имя Арда употребляется в его значении „свет, солнце" → „явный". В последнем значении мы, повидимому, имеем его и в нашей надписи.

13. Имя Русы стоит в дат. падеже („ni"), см. строка 1-я настоящей надписи, имя же его отчества написано в усеченной форме „qi" вместо полной „qin-i", что представляется обычным явлением халдской речи. Относительно огласовки „te" в имени Argiш-te-qi см. строку 2.
14. ⁱPLURALE снабжено суффиксом род. усеч. мн. числа ("u-e") 'страна стран'. Предшествующий суффиксу гласный „a" есть исход скрываемого идеограммою халдского слова, м. б. означающаго множественность, поэтому идеограмму можно перевести отдельно в значении 'многих', ср. ниже 'царь царей', где такой идеограммы нет вовсе, множественное же число выражено прибавкою соответствующего суффикса прямо к ⁱREX. О построении ⁱREX ⁱREGIO ⁱREGIO ⁱPLURALE см. в конце главы о мн. числе. Впрочем, на выделении в переводе особо ⁱPLURALE словом 'много' я и в данном случае не настаиваю, даже несмотря на наличие гласного исхода „a".
15. Название страны Биайны здесь стоит в род. усечен. мн. числа („u-e"), а не единственного („e"), как это мы видели в 9-ой строке Эйлярской надписи. Вторая идеограмма царя поставлена в род. усеч. мн. числа („u-e").
16. См. 10 строка Эйлярской надписи.

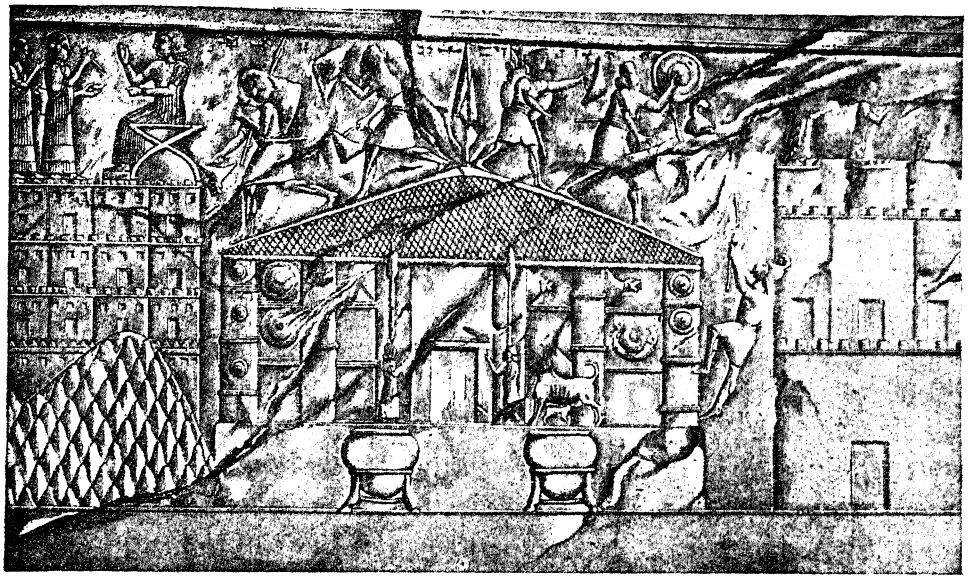
Общие замечания ко всем трем надписям:

В надписи из Ардамеда (конец IX века или начало VIII) говорящим лицом выступает царь Менуа, повествующий о построении канала, то есть водопровода или оросительной системы. Клинопись высечена на скале на берегу Шами-

рам-Су. По контексту выходит, что царь сооружал для бога Халда, и такой оттенок царской речи вполне возможен, так как Халд, в том виде как он рисуется по письменам древнего Вана, принимал деятельнейшее участие в поступках правителей Биайны.

Что бог Халд даже покорял для урартского царя страны, это мы видим и по Эйлярской надписи (2-ая четверть VIII века), начертанной на скале в районе Эривани. Эта надпись, приведенная мною также, как Макинская, целиком, характерна тем, что в ней активным лицом является сам бог, между тем имя его нигде не обозначено как логический суб'ект. Таким образом, во всем тексте клинописи из Эйляра нет подлежащего, или, вернее, оно сокрыто в соответствующих глагольных формах; нет и царского имени, как повествующего лица, и только в одном месте царь говорит, что он молился за Аргиштия сына Менуи, то есть за самого себя, но и то при глаголе „uшt-a-bi" логический суб'ект, имя говорящего лица, особо не выделено; бог же совершает победные деяния для себя и для Аргишти. Только отсюда мы и узнаем, кто именно из длинного ряда халдских царей творец настоящего памятника.

Совершенно иной характер носит шестнадцати-строчная Макинская надпись середины VII века. Тут царь Руса сын Аргиштия называет свое имя как автора повествовательного изложения. Он везде говорит в первом лице.



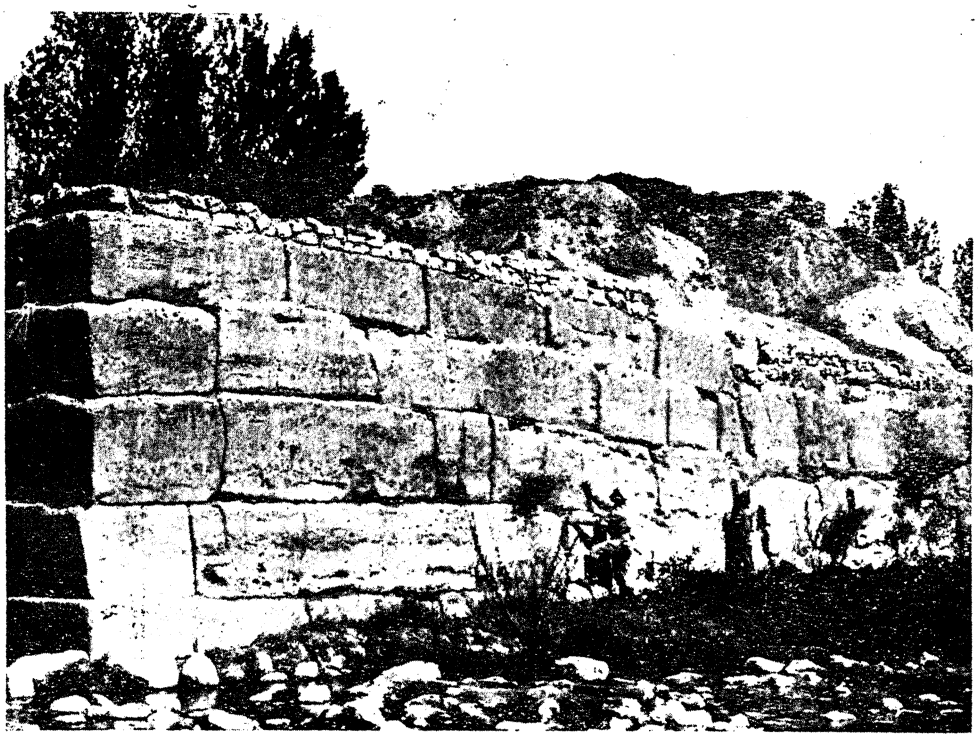
Об'яснения к халдским текстам, даваемым клинописью.

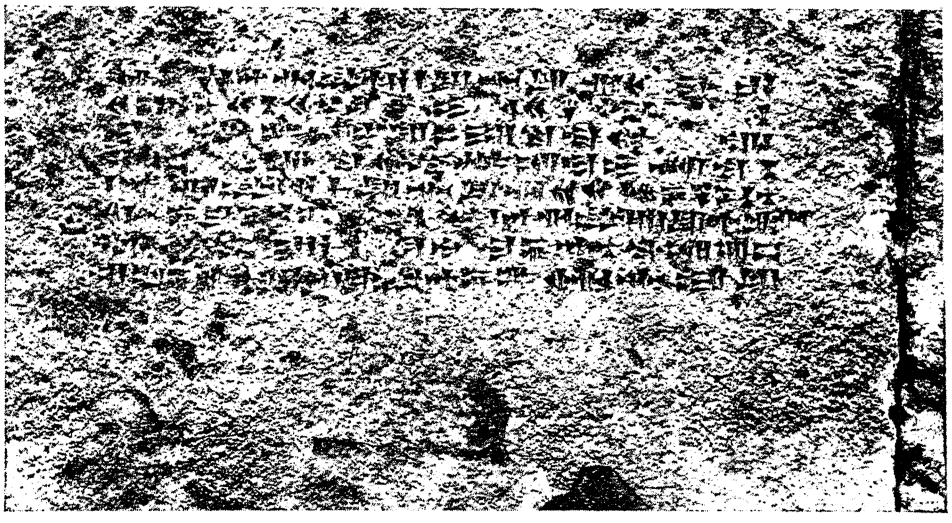
Ссылки на номера изданных надписей даются мною по: 1) A. H. Sayce, „The Cuneiform Inscriptions of Van, Deciphered and Translated" в Journal of the R. Asiatic Society of Great Britain and Ireland, начиная с XIV тома, 1882 года, 2) C. F. Lehmann, „Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belck und Dr. C. F. Lehmann 1898/99 ausgeführten Forschungsreise in Armenien" в Sitzungsberichte der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1900, 3) М. В. Никольский, „Клинообразные надписи Закавказья" в Материалах по Археологии Кавказа, выпуск V, 1896 г., 4) J. Sandalgian, „Les inscriptions cunéiformes urartiques", Venise, 1900.

IV. Надпись из Заҳалу (Сардур III).

Надпись высечена на большом камне и занимает на нем площадь в 40 см. высоты и 81 см. ширины. Издана Сэйсом под № LXXXII и М. В. Никольским под № XV. Текст дается мною по Никольскому.

Об'яснения к тексту: стк. 1) имя бога стоит в дат. падеже на „ni" от усеченной основы Халди, согласованной с глаголом „uut-a-bi", стоящим в 1-м лице на „bi" с характером времени „a" второй группы времен, букв. „к богу Халду я обратился (с молитвою или славословием)";





XV. Кладка Халдского укрепления в Ване и строительная на ней надпись Сардура I на ассирийском языке (на верху общий вид кладки).

„majini šuri-e“ имеет суффикс род.—творит. падежа, „e“, прибавленный ко второму слову и относящийся к обоим; стк. 2) перед собственным именем, стоит детерминатив лица, а после собственного имени поставлена идеограмма страны. Такое построение мы часто встречаем в халдских надписях, причем, в подобных же случаях, детерминатив лица иногда заменяется детерминативом страны, напр. название области Абилианих обычно изображается, как и Аркукини нашей надписи, с детерминативом лица впереди, но в Сардуровских летописях (II 35) ему предшествует детерминатив страны, детерминатив же лица отсутствует, хотя в тех же летописях (II 7, 21, V 15) употреблено обычное построение. Отсюда следует заключить, что в указанной конструкции мы не имеем имени царя, а имеем или племенное название, или имя эпонимного героя, может быть династии, совпадающее с наименованием самой области; следующая идеограмма страны дополнена исходным слогом „ni“ ее фонетического чтения („ebani“ или „kurebani“, см. об'яснения к идеограмме № 67). Прибавка еще гласного „e“ могла бы означать постановку слова в род. усеч. падеже. В таком случае пришлось бы признать, что род. падеж. зависит от глагола „karuni“, но двумя строками ниже мы видим то же построение и при глаголе „qaubi“. Таким образом, оказывается, что „страна“ стоит с конечным „e“ при различных глаголах, а отсюда легче всего придти к выводу, что „e“ связано не с глаголом, а с самим термином „ebani“, то есть, что в нем личным окончанием является не „i“, а „e“ (eban-e), написать же слог „ne“, избегая построения „ni-e“, халд не мог за отсутствием в его распоряжении соответствующего знака для „ne“ (ср. об'яснения к qini||qine в надписи Ванской мечети Хосров-Джами, стк. 2 и к „pili||pile“ надписи Шамирам-Су, стк. 2). Последнее об'яснение не устраняется и в тех случаях, когда мы находим написание „ebani“ без конечного „e“, см. стр. 122; стк. 3) „uut-a-di“ представляет собою причастную форму с придатком суффикса напр. падежа на „di“; обыкновенно после нее следует имя страны, в которую царь направился, с тем же суффиксом напр. падежа. В данной надписи такое имя отсутствует, оставляя одну причастную форму „обратившись (походом)“ или „направившись (в поход)“; стк. 5) за словом „pari“ я

сохраняю перевод М. В. Никольского; стк. 6) см. стр. 195 стк. 8) после идеограммы „большой" в титулатуре „царь великий" стоит слог „ni", очевидно, исходный слог соответствующего халдского слова, для нас пока не ясного. Это „ni" не может быть окончанием дат. падежа, так как стоит среди титулатуры, в других своих частях им не снабженной, к тому же титулатура всегда помещается, как и в данном случае, без согласования с именем того царя, к которому относится.

V. Летопись Сардура III (5-ый столбец, на пьедестале).

Издана Н. Я. Марром „Археологическая экспедиция 1916 года в Ван. Надписи Сардура Второго из раскопок западной ниши на Ванской скале". Текст помещен на лицевой стороне базы, представляющей собою квадратный монолит шириною в 1 м. 56 см. и вышиною 1 м. 8 см. (см. об'яснения к даваемой мною фотографии Летописи Сардура). Текст приводится мною по фотографии собрания Яфетического Института. Из всех 32-х строк надписи на постаменте мною дается здесь отрывок в неполные шесть строк, непосредственно по своему содержанию связанных с текстом предыдущей надписи того же царя из Захалу.

Об'яснения к тексту: стк. 21) за словом „ikuka-ni" сохраняю перевод Н. Я. Марра, наиболее подходящий и к данному контексту. О „ГОДЕ šištini" см. в главе о временах года; стк. 22) причастие „uшt-a-di" согласовано с идеограммою „СТРАНА—ni-e-di" (то есть со скрываемым идеограммою фонетическим чтением „ebani-e-di" или „kur-ebani-e-di"), а не со стоящим перед ним собственным именем Аркукини, давая следующее построение: „направившись в племени (или династии) Аркукини страну". Такое толкование подтверждается тем, что имя Аркукини стоит в род. усеч. падеже на „e", следовательно, зависит от „страны", согласованной с причастною формою „uштadi"; стк. 23) приведенные в Захалинской надписи об'яснения подтверждаются текстом данной строки, в которой все перечисленные страны зависят от одного и того же глагола „karubi", между тем идеограмма „страны", заканчивающаяся на „nie", в двух случаях заканчивается на „ni". Так же, как и в предыдущей строке, здесь согласуется с глаголом („karubi") идеограмма

страны, стоящее же перед нею собственное имя согласуется с этою идеограммою постановкою в род усеч· падеже на „e‖i“. Суффикс этого падежа слился с именным окончанием там, где таковым является тот же гласный (Arquqiini, Adaquni, Luipruni), но он налицо в тех именах, в которых именное окончание не совпадает с суффиксом падежа (Ешитиа-i, Kaamniu-i); стк. 24) в точном соответствии с предыдущим мы должны признать, что от глагола зависит идеограмма страны, стоящая после собственного имени, а не само это имя, поэтому мы должны дать точный перевод в следующем виде: (я покорил) страны Ухуни(ни) область (или земли). В „agun-u-ni“ я усматриваю прилагательное от основы „gun“ „брать в добычу“, отсюда „gunu-ша“ „добыча“. Оба слова буквально означают „добычным сделав“, но им я даю вольный перевод „разграблению предав“, так как дальше идет опять слово „добыча“, см. Н. Я. Марр, Надпись Русы из Маку, 23; стк. 25) перед „tume“ поставлен один большой вертикальный клин. По контексту, подтверждаемому и другими ему аналогичными, тут не уместен детерминатив лица, следовательно пред нами числительное. Но это не цифра 60, так как в халдском она изображается шестью углами (см. об'яснения к числительным). Остается цифра единица. Что именно ее мы имеем здесь, подтверждает строка 16 надписи из селения Изоглу (Sayce L), где в совершенно аналогичном тексте разбираемый нами вертикальный клин заменен фонетическим начертанием „шujini“, являющимся халдским чтением именно цифры „один“ (см. в главе о числительных и мою статью „Числительные в халдском“). При таких условиях „tumeni“ (усеченно „tume“) не может означать, „селения“, так как нельзя допустить, чтобы халдский царь, захватив 120 городов, взял бы только одно селение. Слово „tumen“ или „tomen“ разобрано Н. Я. Марром в его работе „Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей“ (Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., XXII, § 34, стр. 69 прим. 1) с возведением к двусоставной основе „*somen“ „населенное место, селение, страна, вселенная“. Мне кажется, что данный контекст имеет в виду тот край, в котором находятся поименованные им страны. Глагол „ашgubi“ имеет основу „gu“ „вести“, отсюда „a-gubi“ „я увел“. Значение формы „ашgubi“ легче всего

понять из часто встречающейся в надписях фразы „aliki za ашgubi aliki TI agubi“ „одних я умертвил, других живыми увел“. Здесь „умертвил“ передано через „za ашgubi“, а не одним „ашgubi“, но все же последний, скорее всего, означает разрушительное действие, что более всего подходит и к нашему контексту. Я предлагаю его перевод „низвел“, „уничтожил“; стк. 26) относительно „iштinini“ см. об'яснения к стк. 3 Надписи из Армавира. Здесь „iштini“ скорее всего прилагательное, оканчивающееся тем же суффиксом, как и полные причастные формы (о чем см. в грамматике), или отглагольное существительное в значении „построение, делание, работа“. Стоит оно в дат. падеже на „ni“ „для делания, для работы“. Что касается последнего слова, глагола, то основы „шu“ и „шi“ обе восходят к „руке“. Первая означает „делать, строить“, а вторая „брать“. Конец текста гласит „для работы я взял“, в вольном переводе „в рабство я взял“.

VI. Надпись из Армавира (Руса III).

Найдена в 1869 году у подножия Армавира близ Сардарабада. Высечена на камне, от которого сохранилась лишь часть высотою в 17 см. и шириною в 31 см. Издана Сэйсом под № LXXXV и М. В. Никольским под № XIX. Текст приводится мною по Никольскому.

Об'яснения к тексту. Дефектные места всех трех строк восстанавливаются М. В. Никольским по параллельной надписи Аргишти I, найденной в развалинах Аствадзашена около Вана, опубликованной Д. Мюллером в его работе „Die Keilinschrift von Aschrut-Darga“; стк. 3) „iштini“ обычно переводится как местоимение „эти“. Я предлагаю видеть в нем основу „шт“ „строить“. От этой основы может быть образовано усеченная причастная (деепричастная) форма „iшti“ и полная причастная „iштini“. Такую полную причастную форму мы находим, напр., в „tini“ „назвав“ (последняя обычно так и переводится). Мне представляется возможным и данную форму „iштini“ понимать как полную причастную. Предшествующие слова стоят в неоформленном падеже, являясь логическим об'ектом:“ 1432 камня построив“, в вольном переводе „1432 камня поставив“.

VII. Надпись из Варага (Менуа).

Монастырская церковь, в алтаре на престоле (Yadi-Kilissa). Опубликована Сэйсом под № XXVI 2. Надпись скопирована мною с фотографии собрания С. В. Тер-Аветисяна № 95.

1. Богу Тейшеба Менуа
2. сын Ишпуина
3. этот камень пулуж воздвиг
4. для (в честь) Менуа сына Ишпуина,
5. царя могущественного, царя страны Биайн,
6. пребывающего в городе Тушпа-граде.

Об'яснения к тексту: стк. 1) имя бога оканчивается на гласный „а", каковой может быть понят или как гласный исход скрываемого в идеограмме собственного имени (Te-e-i-še-ba-a), или как дат. падеж. Последний, пока, не улавливается в этом виде по халдским клинописным текстам, но, как огласовка именно дат. падежа, хорошо известен в яфетических языках. В случае наличия здесь дат. падежа, перевод получает некоторый особый оттенок: «В честь бога Тейшебы Менуа сын Ишпуина этот камен пулуж воздвиг в память о Менуе" и т. д.; стк. 4) отчество в имени Ишпуина выражено прибавкою знака qe, а не обычного qi, о чем см. в об'яснениях к знаку II 10 халдского алфавита и к надписи селения Дзвистан; стк. 5-6) см. об'яснения к строкам 14-16 надписи из Маку и строкам 8-9 надписи из Захалу.

VIII. Надпись в мечети Хосров-Джами в Ване (Менуа).

Клинописный памятник обращен в крестный камень с добавлением армянской надписи. Скопирован мною с фотографии собрания А. А. Бобринского № 2, где он, также как и другой аналогичного содержания, по тому же собранию № 3, значится происходящим из городской мечети. Снимок с этого же камня в собрании С. В. Тер-Аветисяна № 55 имеет пометку «из мечети Хосров-Джами». Фотограф А. В. Лядов, снимавший по поручению А. А. Бобринского клинописные памятники, занес в свои записи, что оба камня данной мечети вывезены, по словам жителей, из Варага. Ширина этого камня, по измерению А. В. Лядова, достигает 67 см.

1. (с помощью) бога Хутуина, Менуа
2. сын Ишпуина
3. этот камень пулуж воздвиг,
4. соорудив (сделав) в честь служителя бога Хутуина,
5. Менуи сына Ишпуина,
6. Инушпуи сына Менуи,
7. щитодержателя небожителя.

Об'яснения к тексту: стк. 1) имя бога Хутуина встречается и в надписи Мехер-Капуси 5, 37, где он следует непосредственно за богом Арди, то есть за возглавляющею пантеон божественною троицею. В настоящей надписи он стоит в род. усеч. падеже на «е»; стк. 2) отчество в имени Ишпуина имеет лишний гласный „е" qi-ni-e-ше вместо обычного qi-ni-ше. Эта сравнительно редко встречающаяся вставка, повидимому, лишь подтверждает сделанное указание на фонетическую близость в халдской речи гласных „i" и „е", в виду чего термин «сын» по-халдски звучал с неотчетливым гласным в конце (qini, qine), может быть, ближе к последнему, так как для изображения его халдский писец не имел в своем распоряжении знака «ne» и потому должен был для написания его прибегнуть к сочетанию двух знаков „ni" и „е", как он это и сделал в данном случае, ср. об'яснения к ст. 2 надписи из Захалу; стк. 4) первое слово „mani" „сделав" (прич. форма от основы man по 1-му спряжению) восприняла частицу отношения „ni", наличную в имени бога Хутуина, стоящего в дат. падеже, также как и следующее слово „bidi", которому я даю условный перевод „служитель культа" (ср. Sayce, словарь „biduni" «священник, жрец»). Такой перевод может подойти и к другим контекстам, где слово „bidi" встречается неоднократно; стк. 5) в последнем гласном „е" можно усмотреть окончание род. усеч. падежа, относящегося к обоим царским именам; стк. 6) конечное „е" понимается мною в том же значении, как и в предыдущей строке; стк. 7) конечное „е", понимаемое в том же значении, указывает на связь настоящей строки с предшествующею. Очевидно, тут мы имеем эпитеты царского сына. Совершенно сходное построение налично в надписи из Ванской же мечети, опубликованной W. Belck и C. F. Lehmann в Zeit. für Assyr., 1892 декабрь VII 3, 4 и Sayce'ом под № LXXX.

Слово „ulguше“ встречается в нескольких надписях, между прочим, оно в форме „ulguшiyani“ начертано на щитах из Топрах-кале. В нем конечное „ше“ не является род. падежом логического суб'екта. Следуюшее слово „pituuше“ оставляется мною без перевода; возможно, что оно связано с предыдущим, которое обычно понимается как „щит“, а не „щитодержец“. Последнее „al suiше“, в форме „al suшini“ является обычным эпитетом бога и имеет разночтения в виде „al suuшini“ и „al suiшini“, но все они, как указано в об'яснении к стк. 22 Хорхорской летописи, стоят в дат. падеже на „ni“, оставляя основу „al suшi“ или „al suiшi“, в которых „al“ означает „верх, верхний“ (ср. груз. „aǧ“) и „su“ „небо“. Очевидно, эту основу без суффикса дат. падежа, а с суффиксом род на „e“ мы и находим в данной строке надписи Хосров-Джами, повествующей о щитоносце небожителя, то есть о держателе щитов бога. Щиты, действительно, имели и культовое значение. Мы знаем их в этой роли по Хорсабадскому барельефу Саргона и по щитам из Топрах-кале, приуроченным к святилищу. С другой стороны, если последняя строка связана и с именем Инушпуи, то встает вопрос о том, кем был этот царевич? Последние редко упоминаются в халдских надписях. Известно, что совместно с отцом встречается сам Менуа, но он был не простым царевичем, а соправителем Ишпуина, Менуа же соправителей не имел, между тем, сын его Инушпуа встречается в двух надписях отца. Отсюда легко придти к выводу, что Инушпуа пользовался при Менуе особым значением, но едва ли он был наследником, так как после Менуи вступил на престол Аргишти, к тому же наследники в надписях не упоминаются. Если Аргишти при жизни отца предназначался к замене его на светском и военном поприщах, то другие старшие царевичи могли предназначаться на иные ответственные должности и в первую очередь на возглавление культа. Нет ничего невероятного, что Инушпуа именно и был таковым. В этом случае термин 4-ой строки „bidi“ с его переводом „служитель“ получит полное подкрепление. Но, в надписи Sayce LXXX, с сходным контекстом, тот же Инушпуа назвал служителем бога Халда. При сохранении нашего понимания надписи окажется, что царевич был одновременно и служителем Халда и служителем Хутуина, что,

впрочем, вполне допустимо если предположить, что он был вообще первосвященником, верховным жрецом халдского пантеона, возглавляемого среди богов Халдом. В таком случае, Инушпуа мог быть служителем и бога Хутуина, мог быть и его верховным жрецом. Не имеем ли мы на данном камне посвятительную надпись, приуроченную к культовому строению именно данного бога, может быть, воздвигнутому стараниями царевича?

IX. Надпись из Варага, св. Сион (Менуа).

Опубликована Сэйсом под № XVII как найденная Шульцом в церкви селения „Koshbanz". Сандалджиан точнее указывает ее место нахождения, именно над входом в часовню церкви св. Георгия деревни Кохбаниш, расположенной на горе Вараг в 9-ти километрах от Вана. Настоящая копия снята мною с фотографии собрания А. А. Калантара, где она значится под № 10 с отметкою „Вараг, св. Сион".

1. Богу Халду величайшему,
2. бога Халда милостью Менуа
3. сын Ишпуина этот храм соорудил,
4. Халдовы ворота воздвигнув,
5. этот дворец восстановил от разрушения.

Следующие пять строк повторяют дословно предыдущие.

Об'яснения к тексту: стк. 1) за словом „maši-ni" я сохраняю одно из об'яснений Н. Я. Марра, именно как превосходную степень с префиксом „ma" от основы „ше || ши", то есть с признанием в нем эквивалента сванского „ma-шепе" „величайший, старший", (мат. по команд. Орбели, 103); стк. 2) значение „eurі" „милость" устанавливается Н. Я. Марром в Макинской надписи, 10: стк. 3) относительно слова „suji" см. об'яснение к идеогр. № 47; стк. 4) форма „qaldinili" понимается мною как прилагательное с суффиксом „li" от полной формы божеского имени qaldini. Этот же суффикс „li", как суффикс отношения повторяется досле идеограммы ворот и причастной глагольной формы „šidi-išt-u"; стк. 5) если правильно восстанавливаемое мною по дефектному месту надписи конечное „e" слова „baduji", как оно обычно и встречается в других надписях, то это „e", стоящее при том после гласного „i" (ji-i-e),

скорее всего может быть понято как окончание род. усечен. падежа; в таком случае часто встречающаяся фраза получит несколько иной оттенок, а именно: не „восстановил храм разрушенный", а „восстановил", то есть „принял предохранительные меры" от разрушения, реставрировал его и т. д. При таком толковании „baduji" может оказаться не прилагательным, а существительным. Вообще глагол „šidi-ištu-ni" едва ли всегда означает реставрационную работу. Он, повидимому, получает это значение только тогда, когда к нему добавляются слова, означающие конкретно „разрушенный", „разрушение", как в данном случае. Сам же по себе „šidi-ištu-ni", по этимологии Н. Я. Марра, буквально значит „верх выстроил", отсюда „соорудил" в смысле завершения постройки, а не ее ремонта и реставрации. Эта этимология, мне кажется, подтверждается и сравнением с ассирийским эквивалентом, заменившим означенное слово в строительной надписи Сардура I на ассирийском языке (см. ее текст на стр. 205).

X. Надпись близ селения Ардамед (Менуа).

Опубликована Сэйсом под № XXIII. Настоящая копия снята мною с фотографии собрания А. А. Каланта-ра № 12.

1. Менуевы его жены,
2. Таририи это древесное насаждение
3. по имени Таририи он назвал.

Следующие три строки дословно повторяют предыдущие.

Об'яснения к тексту: стк. 1) форма „Menuaini" понимается мною как стоящая в дат. падеже принадлежности; „ei" отделяется как местоимение третьего лица. Последнее „e" является окончанием род. усечен. падежа, относясь ко всем предыдущим словам, между собою связанным; стк. 2) женское имя читается достаточно точно, восстанавливая чтение Сэйса 1882 года, а не позднейшие исправления, внесенные по снимку Хюверна. Оно снабжено окончанием род. усеч. падежа на „i". Слово „uldi" не имеет пока уточнения, означая какие-то древесные насаждения или сооружения; стк. 3) добавка „qinili" к женскому имени едва ли указывает на ее сына. Такие конструкции как Rusa-qina, Argišti-qina означают построения, сооружения Русы,

Аргиштия и присваиваются определенным городам, в частности так был назван и опорный пункт халдского владычества в Закавказье на Армавирском холме близ Сардарабада (Аргиштихина). От этих же имен образуются и прилагательные добавкою суффикса „li", напр. Аргиштихинили. Совершенно аналогичную конструкцию мы имеем и в данном случае, буквально „Тариевo сооружение". Последнее слово „ti-i-ni" по своему построению может быть понято как 3-е лицо на „ni" первой группы времен с характером „i" от основы „ti" 'называть'. Именно так я и понимаю эту форму, тем более, что в противном случае вся фраза оказалась бы без глагола. Причастная форма „tini" 'назвав' уместна в других контекстах, а не в этом, совпадая с ним лишь фонетически и графически, но не по смыслу фразы, каковая при причастной форме будет лишена и причастия и сказуемого. При понимании „ti-i-ni" как глагола, повторное написание в нем гласного „i" может означать характер времени.

XI. Хорхорская летопись (Аргишти I).

Высечена на западной стороне Ванской скалы. В моем распоряжении оказался небольшой фотографический снимок из собрания А. А. Калантара № 23, в котором захвачена часть надписи, именно строки 7-60 четвертой колонны. Фотография дает возможность полного чтения только строк 21 по 55, каковые мною и воспроизводятся. Полностью названная колонна помещена Сэйсом под № XL, им же она переиздана новым переводом в Records of the Past, n. s., 128-129.

Строки до 32-й включительно идут малой колонной, оставляя свободным с левой стороны ровное четыреугольное пространство. Строки, начиная с 33-ей, занимают полностью всю ширину колонны. Судя по тексту приводимых строк с вполне законченным содержанием, свободное пространство не предназначалось для заполнения летописным же повествованием. Оно, очевидно, было оставлено для какой-либо иной цели, скорее всего для изображения, следов которого, впрочем, на фотографии не заметно.

21. Богу Халду
22. небожителю
23. Аргишти

24. говорит: с молитвою воззвав к
25. богу Халду владыке,
26. богу Тейшебе, богу Арди,
27. богам стран Биайн,
28. пребывающим в верхнем небе
29. в верхнем обиталище, о благоволении их, богов,
30. Аргишти
31. сын Менуи говорит:
32. бог Халд велик,
33. бог Халд своею милостью велик,
34. во славу бога Халда направившись
35. в страну Мака, я захватил страну Иркиунини,
36. отделив от Ассирии страну Алга,
37. 64.071 людей частью я смерти предал
38. частью живыми увел, 286 коней,
39. 2.251 быка, 8.205 овец.
40. Аргишти говорит: бога Халда помощью
41. городские заставы укрепленные в один год я воздвиг.
42. К богу Халду я обратился, великою своею милостью
43. покорил он области Мака страну,
44. покорил он страну Пушту, поверженные
45. пред Аргиштием сыном Менуи.
46. Богу Халду небожителю Аргишти
47. говорит: воззвав к богу Халду владыке,
48. богу Тейшебе, богу Арди, богам стран Биайн,
49. пребывающим в верхнем небе в верхнем обиталище,
50. о благоволении их, богов, Аргишти
51. сын Менуи говорит: бог Халд велик,
52. бог Халд своею милостью велик, во славу бога Халда
53. небожителя направившись в страну Пушту,
54. я захватил страну Ашкайа, захватил страну Шатирарага,
55. (границы?) страны Угишти я изменил.

Этот отрывок хорошо известной летописи Аргиштия, с тем коррективом, который вносится нами по отношении к чтению страны Мака, вместо обычно читаемого Мана, получает значительный интерес для истории Закавказья. В приведенных строках упоминается страна Иркиунини, носящая имя, приурочиваемое к северному окружению Арарата, где

в Лухиунини, нынешнем Ташбуруне, отмечены Ташбурунскою надписью (Никольский I и II) династии Эридуа и Иркуа. По всем данным, халдский царь направлялся походом, огибая Арарат, или на север в Армению, или же на восток в Нахичеванский край, и в том и в другом случае ему нужно было пройти нынешнее Макинское ханство, в имени которого очень соблазнительно усмотреть Маку клинописного текста, мысль о чем, вполне мною разделяемая, высказана историком древнего Востока, проф. В. В. Струве, при совместном обсуждении данного печатаемого мною отрывка.

Об'яснения к тексту: стк. 21) так же, как и две последующие, оставляет свободным пробелы, обходя дефектное место, неровную поверхность камня, препятствующую нанесению на ней клинописного знака; стк. 22) „al" сопоставляется Н. Я. Марром с груз. „aǧ" „верх, верхний" (Делибабинская надпись, 130), „su" „небо", „šin" могло бы означать в параллель к грузин. „šin" „внутри", то есть „al su šini" „внутри верхнего неба", но, в этом виде означенное построение может быть усмотрено в стк. 28, а не в данной, так как тут „al susini" согласовано с именем бога в предшествующей строке, стоящим там в дат. падеже на „ni" от полной формы Халдини, следовательно и тут эпитет бога стоит в дат. падеже (ni), остающаяся же основа „susi" понимается мною как прилагательное от „su" „небо"—„небесный", а с придатком „al" „вышне-небесный", „небожитель"; стк. 24) причастная глагольная форма „quti" снабжена суффиксом отношения, связывающим ее с последующими собственными именами, стоящими в напр. падеже на „di"; стк. 28) первое слово „aluji" обычно встречается в конце царского титула „пребывающий в городе Тушпы-граде", здесь, в данной строке, оно, как относящееся ко многим, поименованным выше, богам стоит во мн. числе с его суффиксом „ni", наросшим на такой же суффикс „ni" имен прилагательных „живущие, обитающие, пребывающие". Если бы тут было падежное окончание, то таковым по согласованию с предшествующими словами, характеристикою которых является данное, должно было быть „di" или „aute", но ни в коем случае не суффикс дат. падежа „ni". Скорее всего, здесь мы имеем неоформленное падежным окончанием слово, что вполне допустимо к эпитетам богов и ца-

рей, не подпадающим под согласование с ними. Следующие слова „al su šini“ находятся в том же положении и потому могут буквально означать „внутри верхнего неба“, в виду, чего, в отличие от стк. 22, могут подлежать раздельному написанию; стк. 29) за словом „abadi“ я сохраняю даваемый Н. Я. Марром в Сардуровских летописях перевод „храм“, точнее „обиталище“, так как речь идет о небесном жилище. Слово „qašial“ легче, по его конструкции, понять как существительное, а не как глагольную форму. В „me“ я усматриваю местоимение третьего лица; стк. 32) имя бога стоит в усеченной форме Халди; стк. 33) под влиянием ритма то же имя поставлено в полной форме Халдин; „giš“ условно переводится мною „своею“, что подходит и к другим контекстам; „šuri“, при существующих параллельных чтениях „giš šuri“ и „giš uri“ (см. Sayce V 28,78), дает возможность сохранить перевод Н. Я. Марра словом „милость“ (Макинская надпись, 10); стк. 34) под влиянием ритма с использованием наростающей гаммы „ni“ в имени бога Халди, Халдини, Халдинини, здесь, в настоящей строке, стоит имя бога в дат. падеже на „ni“, образованном от полной формы Халдин. В том же падеже стоит и прилагательное „al suiši-ni“, ср. стк. 22; причастная глагольная форма „uš-ta-di“ имеет суффикс отношения, связывающий ее со следующим географическим названием; стк. 35) второй знак имени страны по фотографии читается достаточно ясно, это не „na“, как обычно читается, а „qa“ с первым малым вертикальным вместо малого угла, ср. знак IV 8; стк. 36) „kuthadi“, повидимому, причастная глагольная форма с таким же суффиксом отношения, как и „uš-ta-di“ строки 34; за словом „pari“ я сохраняю перевод Никольского, данный в Ганлиджинской надписи (V 5). Лишний суффикс „ni“ в имени страны Ассирии понимается мною как суффикс принадлежности—дат. падежа, означающего отделение от стран Ассирии, то есть находящихся под ее властью, протекторатом или влиянием. Едва ли, по контексту, здесь можно говорить о покорении самой Ассирии; стк. 37) судя по фотографии, вначале идут десятки тысяч, а потом простые тысячи, а не тысячи и сотни, как обычно читается; стк. 38) слово „šeqiri“ является фонетическою заменою обычно стоящей в сходных контекстах идеограммы 16 или 17, см. об'яснения

к ним; стк. 40) слова „Qaldia iштinie“ встречаются не раз и всегда возбуждают сомнение в переводе. Мною сейчас, до известной степени условно, предлагается следующее их толкование: конечное „е“ слова „iштinie“ является суффиксом род. = творит. падежа, в самом этом слове мною усматривается основа „шт“ „строить, созидать, творить“, наличная и в глаголе „шidi iшt-u-bi“ „я соорудил“. В нашем случае, в „iштini“ возможно видеть существительное того же значения „созидание, творение, делание“, в творит. падеже „деланием“, то есть „помощью“. Предшествующий гласный „а“ можно было бы связать с именем бога в значении характера дат. падежа по аналогии с отмеченным в надписи из Варага (Yadi-Kilissa), „Халдова (принадлежащая Халду) помощь“, или же может быть понят как окончание имен места, по аналогии с Rusaqin-а и т. д. Ассирийская билингва (№ 128 по Леманн-Гаупту) именно так и передает имя бога, связанное со строением. При последнем толковании мы будем иметь род. усеч. падеж на „е“. Тогда вся фраза получит несколько иной смысл: „бога Халда сооружения“, то есть те городские укрепления, которые освящались или посвящались его имени, как посвящались ему „городские ворота“ и т. д.; стк. 41) первое и третье слова снабжены суффиксом прилагательного „li“ „городские“ и „выстроенные, укрепленные“. Слово „arni“, очевидно, означает вид сооружения. Судя по контексту, начало строки упоминает „городские сооружения укрепленные“. Мне кажется, что здесь речь идет об укреплении границ военными заставами, или об укреплении внутренних опорных пунктов в покоренных странах. С помощью бога Халда закрепление за собою покоренных стран исполнено царем в один год. Контекст едва ли дает основание видеть в „arni“ чтение идеограммы стены, о чем упоминалось мною в об'яснении к идеограмме 56 со ссылкою на Сэйса; стк. 43) второй знак имени страны также ясен, как и в строке 35, где само имя не оканчивается на „ni“ как в данном случае, следовательно „ni“ является здесь суффиксом, повидимому, дат. падежа, ср. то же в имени Ассирии строки 36. Следовательно, в настоящей строке мы имеем „область Макинской страны“; стк. 44) „tequali“, букв. „к голове направлены“, „повержены“, окончание „li“ есть суффикс прилагательного;

стк. 45) „kai“ соответствует ассир. ina pan „пред“ (см. Никольский I 3 со ссылкою на двуязычную надпись Sayce LXXIX 16), о последнем „е“ в имени отчества см. об'ясн. к надп. Хосров-Джами, стк. 2 и Макинской, стк. 12.

XII. Надпись из селения Дзвистан (Ишпуин).

На базе колонны. Текст занимает одну сплошную строку, обходящую базу. Он дословно, знак под знаком, повторяется в двух нижеследующих строках. Настоящая копия снята мною с одной строки по фотографии из собрания Яфетического Института №№ 19- 22,24. Эта же надпись, или с совершенно сходной базы другой колонны, помещена Сэйсом под № IV.

Ишпуин сын Сардура этот храм соорудил.

Об'яснения к тексту: придаток отчества к имени Сардура имеет, как и в воспроизводимой мною надписи из Ванской мечети Хосров-Джами, лишний гласный „е“ (qini-e-ше). В дополнение к излагаемому мною в об'яснениях к указанной надписи могу добавить, что и Сейс (толкование надп. IV) вполне допускает чтение qine „сын“. Это конечное „е“ могло отразиться и в сокращенном написании отчества „qe“ вместо „qi“ (из „qine“), встречающемся довольно редко, напр. в нашей надписи из Варага, Yadi-Kilissa. При даваемом об'яснении, имя отчества будет звучать Sardurie-qine-ше, но в нем слияние гласных „i + e“, как графическая особенность, натолкнувшая на таковое написание халда, не имевшего особого знака для слога „ne“, будет налицо только в этом случае, а не во всех аналогичных в том же слове, то есть предшествующие знаки „ri-e“ не дадут, как думал Сэйс, один слог „re“ (Sardure-qine-ше), так как в них имеется род. усеч. „е“ (Sarduri-e „Сардура“), согласующий царское имя с придатком „сын“. Следующая далее идеограмма дома или храма имеет фонетический придаток „е“, являющийся гласным исходом того халдского слова, которое представлено тут идеограммою, таковым могло быть „аше“, если прав Сэйс придавая ему значение „храма“.

XIII. Надпись из Вана, Айгестан (Руса I).

Надпись, найденная А. Н. Казнаковым близ Вана, в ограде сада в Айгестане (город садов), представляет ис-

ключительный интерес именем того царя, который воздвиг этот камень-пулуж. До настоящего времени считается неразрешенным спорный вопрос о том, кто был Руса, знаменитый, но неудачный соперник ассирийского Саргона. Fr. Thureau-Dangin в об'яснительном тексте к изданному им описанию 8-го похода Саргона 714 года (Париж, 1912 г.) видит в его урартском сопернике Урсе или Русе царя, прервавшего прямую линию предшествующей династии. По его мнению, этот Руса не был сыном Сардура, разбитого Тиглат-пилассаром и в тиши закончившего свою жизнь в разрушенной Тушпе. Удар, нанесенный ассирийцами халдам-урартам, был настолько силен, что на престол после смерти разбитого Сардура вошло или новое лицо, или член той же династии по боковой линии. Таково мнение французского ученого, с которым упорно не соглашался C. F. Lehmann-Haupt, отстаивавший свой прежний взгляд на цельность династии, не нарушенной вступлением на престол Русы I. Немецкий исследователь халдских текстов продолжает считать Русу сыном Сардура (см. его „Rusa I von Urartu Sohn Sardurs", Klio, XIV в. I, 125 сл., 1914 г. и „Das Urartäer-Chalder Herrscherhaus", Zeit. f. Assyr. XXXIII № 1-2, 1920 г., стр. 27-51).

Другие надписи, приурачиваемые Русе I, не содержат имени его отца, см. напр. Handes Amsorya (Вена), 1913 г., № 7, надписи 35 A, стр. 395 сл.; 35 Aa, стр. 399 сл.; 35 AA, стр. 402 сл.; Zeit. der Deut. Morg. Gesel., 1904 г.; Zeit. f. Ethnol., 1900 г.; Journ. of the R. Asiatic Society, июль 1906 г. стр. 625-627 и 627-629. Единственная известная надпись Русы с именем отчества, Кёланы-Кирланская (Никольский XVIII, Sayce LV) крайне дефектна, и потому настоящая надпись, где имя отца Русы выступает вполне ясно, приобретает особую ценность.

Исследователями не оспаривается принадлежность Русе сыну Сардура и упомянутой выше надписи из Кёланы-Кирланы. Между тем, в последней говорится о покорении крупных по значению областей Закавказья, повидимому, в частности, и Азербайджана, числом до 23, среди них Агвании (графически Akuani || Akvani). Большие военные успехи такого масштаба уместнее всего приписать именно Русе I, еще грозному сопернику Ассирии, а не последним царям Биайны, уже искавшим покровительства Ниневийского центра от на-

двигавшихся опасностей, между прочим и с севера. Таким образом, по всем данным мы имеем в нашей надписи именно того Русу, с которым сразился Саргон, и который в результате крупнейшей военной неудачи, завершившейся разгромом храма бога Халда в Мусасире, закончил жизнь свою самоубийством.

Камень с достаточно отчетливыми знаками, испорчен, к сожалению, позднейшею отделкою его, благодаря чему крайние знаки оказались сбитыми. Кроме того, камень раскололся, повредив знаки и посредине текста. На воспроизводимой мною по фотографии Яфетического Института копии этой надписи я нанес знаки, не возбуждающие сомнения в своем чтении. В квадратные скобки я вставил знаки не столько по оставшимся их следам, сколько по контексту. Таким образом, все заключенное в скобки ложится всецело на мою ответственность.

1. Богу Тейшеба (на почве его страны?)
2. этот камень пулуж
3. Руса
4. сын Сардура
5. . . . . назвав (или называемый)
6. соорудил
7. в честь щитоносца
8. . . . . .
9. . . . . .

Об'яснения к тексту: стк. 1) идеограмма имени Тейшебы имеет еще гласный придаток „а", каковой может быть как повторением исходного гласного самого имени Te-e-i-ше-ba-a (см. надпись Хазине-Капуси, Sayce XX 15), так и окончанием дат. падежа, см. об'яснения к стк. 1 надписи из Варага, Yadi-Kilissa. Следующий знак может быть или началом идеограммы города, или идеограммою страны в горизонтальном ее написании, или же началом слогового знака, напр. „ka", едва ли „ru", так как, по общему правилу, в халдском слова не начинаются со звука „r". Вероятнее всего, что мы имеем тут одну из идеограмм (города или страны), то есть обозначение определенной местности, посвященной богу или находящейся в ведении его храма. О таких городах и странах, посвящаемых именно Тейшебе, упоминается и в других надписях, напр. в Кёланы-Кирланской

на, правда весьма дефектной, строке 18 (Никольский XVIII). Следующий знак, очевидно, „gi"; последний, по всей вероятности, „e". Слово, ими образуемое, „gie" встречается несколько раз, но всегда с условным переводом. Я останавливаюсь, весьма предположительно, на переводе М. В. Никольского и D. H. Müller (Никольский IX 7 и Inschr. v. Aschr. Darga, 25) „камни", скорее „почва", давая вольный перевод „на почве страны", то есть, пулуж поставлен на почве страны, посвященной Тейшебе; стк. 2) дефектные знаки восстанавливаются мною по контексту, не вызывающему у меня сомнения в виду частых аналогий с другими надписями; стк. 3) вполне ясная по своим знакам; стк. 4) восстанавливаемые знаки не вызывают у меня никаких сомнений; стк. 5) первый знак стерся, оставив след одного малого угла, острием влево, или одного косого. Можно было бы его соединить со следующим, поняв как „ul", но два исходных малых вертикальных клина трудно прочесть как углы, к тому же они окажутся в этом случае слишком высоко поставленными и не похожими на то начертание „ul", каковое имеем двумя строками ниже. Третий знак не совсем ясен в своих внутренних клиньях, давая возможность усмотреть здесь и знак „lu". Спорность чтения всех этих знаков не дает мне права предлагать какой-либо перевод. Поэтому, ограничиваюсь последним „tini", в каковом можно усмотреть причастную форму глагола „назвав"; стк. 6) вполне ясная; стк. 7) с многими дефектными местами. Едва ли я ошибаюсь в своих восстановлениях, так как получается известное халдское слово, наличное именно в этом виде в надписях Sayce LII, начертанных на бронзовых щитах из Топрах-кале у Вана (см. C. F. Lehmann - Haupt, Zeit. f. Assyr., IX, 82 прим. 2), к тому же, верхняя горизонтальная черта последнего знака „ni" выступает на фотографии вполне отчетливо. То же слово „ulgushiyani" имеется в Армавирских надписях (Никольский XIII 3 и XIV 4) в род. падеже на „e", согласованное или с именем царя или с именем бога, в качестве его определителя „щитоносец", едва ли „щит", как переводит М. В. Никольский. Разбирая это слово, русский ученый совершенно правильно указывает на то, что щиты вешались на фасад урартских храмов, следовательно, имели культовое значение, и потому нет ничего невероятного в том, что

царь, приписывающий богу все свои победы, называл самого себя, в то же время, щитоносцем бога (см. Хорсабадский барельеф взятия ассирийцами Мусасирского храма бога Халда). Термин в значении „щит" скорее всего можно усмотреть в слове „ulguше" надписи Мехер-Капуси (Sayce V 24) и воспроизводимой нами надписи Ванской мечети Хосров-Джами; стк. 8 и 9) совершенно не ясны. По аналогии с указанными надписями, тут могло бы стоять „Тейшеба небожитель", но для них две строки излишни и, кроме того, ясный знак „а" в конце 8-ой строки в эти слова не войдет. Приемлемее предположения К. Ф. Леманн-Гаупта, усматривающего в 8-й строке имя Ru [-sa] -a [-ni], а в 9-й [Sar-du-r] i-q [i], то есть „Русы сына Сардура".

См. C. F. Lehmann-Haupt „Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belck und Dr. C. F. Lehmann 1898-99 ausgeführten Forschungsreise in Armenien, S. 624, надпись по его нумерации № 126.

См. фотографический снимок (надп. № XX).

XIV. Надпись у Шамирам-Су близ Ардамеда (Менуа).

Текст издан Сэйсом под № LXXIV. Настоящая копия снята мною с фотографии собрания А. А. Калантара № 13.

1. Богу Халду величайшему Менуа
2. сын Ишпуина этот канал
3. провел, Менуи каналом назвав.
4. Менуа говорит: тот кто эту надпись сотрет,
5. тот кто имя (на ней) сотрет, тот кто землею здешнею забросает (канал),
6. тот кто другой себе присвоит (сооружение канала), я этот канал
7. провел, да разгневаются (на него) бог Халд, бог Тейшеба, бог Арди, боги (Биайны),
8. сделав явным имя его, семейство
9. его, город его огню (и) воде предадут.

Об'яснения к тексту: стк. 2) значение слова „pili" „канал" раз'яснено Н. Я. Марром в его работе о халдском pul-i, pil-i (тоже W. Belck и C. F. Lehmann, Zeit. f. Ethnol., XXIV № 2, 1892 г., стр. 133-141). Окончание „е" (pi-li-e) могло бы быть принято за род. усечен. падеж, завися-

щий от глагола „aguni", но, по другим контекстам, где встречается этот глагол, не видно, чтобы он требовал постановки об'екта именно в род. падеже, поэтому мы скорее всего должны видеть в „e" именное окончание, при котором слово будет звучать не „pili", а „pile", тем более, что, за неимением особого клинописного знака для слога „le", халдский писец мог прибегнуть для его изображения к сложному построению из „li-e". Если это подтвердится, то нам придется в числе именных окончаний, отмеченных в тексте грамматики, видеть здесь четвертое на „e" (ср. об'яснения к надписи из Захалу, стк. 2); стк. 3) имя царя стоит в род. усечен. падеже на „i". При наличии глагола „aguni", другая здесь же стоящая глагольная форма „tini" понимается мною как причастная; стк. 5) „pi" отделяется мною от глагольной формы, за ним стоящей, как самостоятельное слово „имя" в усеченной форме от „pin-i", наличной в строке 8. Слово „aini-i", повидимому, стоит в род.—творит. падеже на „i". В „inili" я вижу производную форму от „in-i" „этот" в значении „этою", „здешнею", то есть здесь на месте находящеюся. Отсюда, мне кажется, начинаются фразы, связанные с дальше следующим заявлением царя, что он, а не кто-либо иной, этот канал прорыл; стк. 6) в первом слоге глагола „tiulie" можно усмотреть яфетическую основу „ti" „голова", отсюда „сам", „себе"; стк. 7) повторение в конце идеограммы бога с идеограммою мн. числа, стоящею также в род. падеже полной формы, наводит меня на мысль о сопоставлении с тем контекстом, в котором царь обращается с мольбою к этим же богам, названным богами страны Биайны, ср. Хорхорскую летопись строки 25 по 27; стк. 8) в слове „man-i" я усматриваю усеченную причастную, собственно деепричастную, форму от основы „man" „делать", что более всего подходит и по контексту. Обычно форма „mani" понимается как местоимение 3-го лица (Сэйс, Никольский, Леманн-Гаупт и др.). По мнению К. Ф. Леманн-Гаупта, от „mani" „его" образуется винит. падеж „mani-ni" (Zeit. f. Ethn., 1900, S. 623; Sitz. der K. Preus. Akad. der Wissenschaften, 1900, S. 632), в подтверждение чего он ссылается на двуязычную надпись по его нумерации 128 из Сидикан-Топсана (см. там же), но, падеж об'екта (винительный в прямой речи) выступает в халдской речи пассивной

конструкции в неоформленном виде, то есть без падежного суффикса; кроме того, в формуле проклятия местоимение третьего лица уже имеется в слове „me-i“ (род. падеж), к к тому же, если следовать переводу М. В. Никольского, то в одной только названной формуле местоимение „его“ выражается в трех видах „mešini“, „mani“ и „mei“ (см. напр. Никольский I 14, 21, 22), что само по себе вызывает уже большие сомнения, текст же упомянутой двуязычной надписи в ее ассирийской части едва ли является буквальным переводом слово за словом соответствующего халдского текста. Следующее за „mani“ имя бога Арди здесь, по контексту, употреблено в его значении „солнце“. „день“, „свет“. отсюда „светлый“, „явный“, что вполне подтверждается заменою идеограмм БОГ АРДИ в аналогичном тексте надписи из Изоглу (Sayce L 39) фонетическим написанием „ardini(ni)“ без предшествующего детерминатива бога. За „arqiuruliani“ я сохраняю перевод М. В. Никольского, напр., в Ташбурунской надписи I 22; стк. 9) „inaini“, по-видимому, является разночтением „inani“, встречающегося в совершенно аналогичном контексте. За следующими словами я сохраняю перевод формулы проклятия по М. В. Никольскому.

XV. Строительная надпись из кладки халдского укрепления в Ване (Сардур I).

На ассирийском языке. Переводилась неоднократно, см. Sayce II. Находится в кладке халдской стены близ Isheleh-Kapussi у подножья Ванской скалы на северо-западном ее склоне. Шульц, а за ним Сэйс и Сандалджиан видят в месте находки развалины церкви св. Иоанна, а Леманн-Гаупт считает их за остатки специального укрепления у подножья цитадели, выстроенного Сардуром I, и потому называет его Sardur-Burg (см. фотография). Им же установлено наличие на означенной стене трех надписей того же царя, а не двух, как полагали раньше (см. Zeit. f. Assyr., XIII № 2-4, S. 315-316). Даваемый здесь перевод сделан по фотографии Яфетического Института.

Перевод.

1. Надпись Сардура сына Лутипра, царя великого,

2. царя могучего, царя совокупности (стран)[1]), царя страны Наири, царя (который)[2]) равного себе

3. не имеет, пастыря (достойного) удивлений, не боящегося
4. сражения, царя склонившего непокорных ему.
5. Сардур сын Лутипра царь царей; (от) всех
6. царей подать я принял. Сардур сын Лутипра
7. говорит так: я этот известняк[3]) из
8. города[4]) Альниуну принес, я эту стену воздвиг[5]).

Примечания:

Круглые скобки заключают смысловые дополнения.

1) Так предложил в последнее время понимать ассирийское šar kiššati Вейднер (Alt. Orient. Bibl., I, 73 прим. 13).

2) В скобках поставлено относительное местоимение, необходимое по ассирийской конструкции, но опущенное текстом.

3) В тексте ассир. pu-la-ni, дословно известковые глыбы, ср. халд. pu-lu-ji, означающее стелу, но не обязательно из известняка (напр. Звартноцская стела-пулуж сделана, как указывает В. С. Голенищев, из черного туфа).

4) Можно также понимать и как „местность".

5) Глагол rassapu (в нем s эмфатическое) в ассирийском имеет значение „сложить (стену)", „воздвигнуть". Ср. по значению с халдским šidi-ištu-bi?

Об'яснения к тексту: Несоблюдение обычных правил ассирийской речи, которое имеет место в этой надписи, говорит за не-ассирийское происхождение ее писца. По содержанию она может быть разделена на две части. Первая из них (заканчивающаяся словами „подать я принял") содержит титулатуру царя, которая, как это было уже указано исследователями, является сокращением более обширной титулатуры ассирийского царя Ашурнасирпала (884-860). Следует отметить, что слово „надпись", стоящее первым в тексте, не начинает царских надписей как ассирийских, так и халдских.

Вторая часть повествует о сооружении царем стены, что послужило поводом для возникновения нашей надписи, а также позволяет ее отнести к категории так называемых „строительных надписей".

Введение прямой речи, подчеркнутое словами „Сардур сын Лутипра говорит так", несмотря на ее наличие в пред-

шествующем предложении, представляет характерную особенность стиля всех других надписей, начертанных уже на халдском языке, в противоположность ассирийским приемам повествования.

Надпись халдского царя, составленная на ассирийском языке с заимствованием титула чужого царя, с подчеркнутым введением прямой речи, неожиданным с ассирийской точки зрения, иначе говоря, наличие смешения двух стилей, позволяет предположить, что литературная форма строительных надписей в эту эпоху еще не была найдена. Это можно подтвердить следующим анализом аналогичных по содержанию халдских надписей более поздних эпох.

Последние обычно начинаются с обращения к богу, после чего стоит царское имя без титула с глаголом „говорит" и следующею за ним прямою речью, повествующей о сооружении чего-либо. Надпись заканчивается повторением имени царя-строителя, в честь или воспоминание о котором воздвигалось сооружение, с перечислением всей его титулатуры (см. напр. Армавирская надпись № IX по Никольскому). Другая форма строительных же халдских надписей содержит в себе имя бога, с помощью которого царь выполняет свое строительное задание (см. напр. надпись из Маку) или только имя царя и повествование о сооружении в третьем лице, иногда с заключительною формулою проклятия (надпись из Маку), иногда без нее (надпись Ванской крепостной стены, Армавирская Русы III и др., см. текст их). Самая краткая форма, на базах колонн (см. надп. из Варага и др.), содержит имя царя, об'ект и глагол в третьем лице.

(А. Рифтин).

XVI Надпись из Ганлиджи (Аргишти I).

Находится в верху ущелья на левом берегу Арпачая у селения Ганлиджа близ Ленинакана (б. Александрополь). Издана Сэйсом под № XLVII и Никольским под № V. По этой надписи определяется местоположение древнего Эраха. Надпись воспроизводится мною по фотографии собрания Яфетического Института.

Перевод:

1. Богу Халду небожителю
2. Аргишти говорит:

3. я завоевал Эраха страну,
4. я отвоевал город Ирданиуни
5. от страны Ишкигулу.

Об'яснения к тексту: стк. 1) см. об'яснения к строке 22 Хорхорской летописи; стк. 3) здесь Эрах, как и обычно в надписях Аргиштия I, помещен с идеограммою страны, которая стоит после него, означая буквально „Эраха страну", но не страну Эрах. Детерминатив лица в этом построении (перед именем Эраха) имеет или значение племени, или же указывает на имя эпонимного героя, по каковому назывался и народ и страна, может быть имя владетельной династии, на что, между прочим, указывает и придаток „qi" „сын" в конце, то есть дети, потомство Eria (ср. сказание Платона в „Республике" об Эре сыне Армениоса, которого Эмин считает тождественным с Ара, любовником Семирамиды по Моисею Хоренскому, см. мою статью „О древне-ванских именах богов и царей", стр. 97); стк. 5) за словом „pari" я сохраняю перевод Сэйса, Никольского и др. Страна Ишкигулу, повидимому, лежала севернее Ганлиджи. В имени этой страны Н. Я. Марр усматривает двухчленное название мешаного населения из двух племен Ишки и Гулу или Голо (огласовка в клинописном алфавите не различает данных гласных), последнее сопоставляется с Гог-и или скифами-колхами, о чем см. в моей статье „Географические названия верховьев Аракса", стр. 47.

XVII. Надпись из Маку (Руса II).

Опубликована Сэйсом в Journal of the R. Asiat. Soc. за 1912 год и Н. Я. Марром в Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., XXV. Там же и перевод ее.

По сведениям Мелик-Тангяна, епархиального начальника в персидском Азербайджане, камень с надписью находится в Маку во дворе дома одного из ханов; вывезен сюда из развалин древнего города, расположенного в Макинском округе, а, по сообщению С. В. Тер-Аветисяна, вывезен он из селения Бастан. Длина камня 70 см., высота 54 см. (см. Н. Я. Марр, ц. с.). Перевод и об'яснения см. на стр. 174.

XVIII. Надпись из Ванской крепостной стены (Менуа).

В записях акад. Н. Я. Марра по руководимой им археологической экспедиции в Ван 1916 года, по поводу этой

надписи значится нижеследующее: „надпись на четыреугольном камне, извлеченном А. Н. Казнаковым из кладки в крепостной стене. Фотография Вруйра. Рамка выс. 42 см., шир. 78 см., высота камня 50 см., толщина 49 см.“.

Надпись издана C. F. Lehmann-Haupt'ом под № 56 в „Ergebnisse der armen. Forschungsreise Belck-Lehmann“, Sitzungsber. der K. Preus. Akademie der Wissenschaften, 1900, I-II, S. 622. Сходного содержания надпись, продолженная заклинательною формулою, всего в 17 строк, издана Сэйсом за № XXI.

Перевод:

1. Менуа
2. сын Ишпуина
3. это место покоя соорудил
4. усыпальницею.
5. Менуа говорит:
6. все погребения
7. да будут предназначены
8. усыпальнице законченной (постройкою),
9. помещение для упокоения.

Об'яснения к тексту: стк. 1) относительно лишнего „i“ в имени Менуа см. стр. 122; стк. 3) разбор слова „ejini“ дан Н. Я. Марром по поводу другой надписи. В нем усмотрен префикс имен места „e“ (такой же как в „e-ba-n-i“ „страна“) и основа „jin“, наличная в чанском „o-din-u „ложиться, лежать, спать“, полностью „e-jin-i“ понимается как „место покоя или упокоения“ (Мат. по команд. Орбели, 115-116). C. F. Lehmann-Haupt по тексту халдско-ассирийской билингвы (№ 128 его нумерации) устанавливает за „eji“ („ejini“) значение „места“, см. Verh. Berl. Gesel. für Anthr., Ethn. und Urgesch., 1900, S. 622-623. Наличное в нашей надписи „eji“ может быть понято как усеченная форма от „ejini“, подобно „ai“ из „aini“ „земля“; стк. 4) та же основа „ji“ и „šin“ „строить“. Я допускаю перевод всего слова как строение для упокоения, то есть усыпальница, кладбище, вероятно высеченное в скале. О постройке таких погребений см. у C. F. Lehmann-Haupt, Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens, Berlin 1907, стр. 70 сл. Слово стоит в род. усеч. падеже на „e“, имеющем зна-

чение и творит. падежа; стк. 6) слово „inujini", опять таки с той же основою, невольно сопоставляется с „inukani", 9-й строки. Последнее обычно переводится „обиталище, комната, помещение", первое мною, совершенно условно, переводится „погребение"; стк. 7) слову этой строки я даю вольный перевод, усматривая в нем повелительное наклонение по примеру „turi-ni-ni" формулы проклятия, раз'ясненному Н. Я. Марром в Макинской надписи (стр. 17); стк. 8) в „jiirшini" мы несомненно имеем то же слово, что и „jierшini" строки 4-ой. Здесь оно стоит в дат. падеже на „ni". То же падежное окончание налегло на прилагательное, может быть полную причастную форму глагола „teirdu-li ni"; стк. 9) см. об'ясн. к строкам 6 и 3. Здесь „ejini" стоит в полной своей форме или же с суффиксом прилагательного „ni" от усеченной основы „eji". Не устраняется и возможность того, что мы имеем тут дат. падеж на „ni" от той же усеченной основы: „помещение для места упокоения".

В приведенном абзаце после слов „Менуа говорит" должно было бы стоять сказуемое в 1-м лице на „bi", но такового мы не находим, поэтому, по примеру формулы проклятия, где после тех же слов нет сказуемого в 1-м лице (см. напр. надпись из Маку), я усматриваю таковое в строке 7-ой в форме желательного-повелительного наклонения. Выражение „inukani ejini" „помещение усыпальное", „обитель смерти" имеет вариант с иным, может быть противоположным, значением в виде „inukani edini (edin)" Сардуровских летописей I 56, II 54, III 53, IV 56-57, смысл которых пока не ясен.

XIX. Надпись из Варага (Ишпуин).

В три строки, обходящие базу колонны и повторяющие один и тот же текст. Настоящий снимок дается мною по фотографии № 15 собрания Яфетического Института Академий Наук

Перевод:

Ишпуин сын Сардура этот храм соорудил.

Об'яснения к тексту: см. в об'яснениях к надписи из селения Дзвистан.

XX. Надпись из Вана, Айгестан (Руса I).

Найдена б. Директором Кавказского музея А. Н. Казнаковым в ограде сада в Айгестане (город садов) близ Вана.

Эта надпись скопирована мною и помещена в числе даваемых клинописными знаками. Там же см. об'яснения к ней и перевод (стр. 198).

XXI. Глиняная таблетка из раскопок в Топрах-кале.

Найдена немецкою экспедициею В. Белька и К. Ф. Леманна в Топрах-кале у Вана. Она содержит донесение Шагаштара, правителя (царя) северной вассальной области Ишкигулу, своему суверену Русе II. Местоположение Ишкигулу определяется Ганлиджинскою надписью, текст которой дается нами в фотографии. Судя по ней, Ишкигулу лежало севернее Ленинакана (б. Александрополя). В донесении говорится о построении города Русы (Русахина), очевидно, в этой области.

До раскопок немецкой экспедиции была известна лишь одна глиняная таблетка, принадлежавшая американскому миссионеру Рейнольду и вывезенная в Америку. В 1889 году Хюверна, находившийся в Ване одновременно с Рейнольдом, снял копию с этой таблетки, опубликованной засим в 1893 году Сэйсом под № LXXVIII. Таблетка Рейнольда, весьма дефектная, содержит перечень животных, предназначаемых храму или его служителям. Именно в ней упомянуты и те слоны, о которых пришлось говорить мне в об'яснениях к идеограмме № 60.

В. Бельку и К. Ф. Леманну посчастливилось найти в Топрах-кале, кроме воспроизводимой нами, еще несколько фрагментов глиняных таблеток с цифровыми обозначениями, и до сих пор загадочную таблетку с иероглифическими знаками, происходящую, по мнению К. Ф. Леманна (C. F. Lehmann-Haupt), из западных областей, подчиненных Вану или же находившихся с ним в торговых или иных сношениях.

Настоящая таблетка Шагаштара, даваемая мною в фотографии с издания К. Леманн-Гаупта, представляет исключительный интерес для Закавказья, так как ею засви-

детельствовано пользование клинообразною системою письма на месте.

См. C. F. Lehmann-Haupt „Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens", Abh. der K. Gesel. der Wissenschaften zu Göttingen (Berlin, 1907), S. 105-109; его же „Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belck und Dr. C. F. Lehmann 1898-99 ausgeführten Forschungsreise in Armenien", Sitz. der K. Preus. Akad. der Wissenschaften zu Berlin, 1900, S, 625; его же возражения В. Бельку в Zeit. für Ethn., 1900, S. (622).

На левой фотографии представлена лицевая сторона таблетки, на правой—обратная.

XXII. Надпись из Звартноца (Руса II).

Найдена архимандритом Хачиком при раскопках Звартноцского храма в 4-х верстах от Эчмиадзина. Длина стелы 2 м. 70 см., ширина 63 см., толщина 36 см. Надпись в 47 строк занимает одну сторону стелы. Верхний край ее закруглен, а нижний конец несколько сужен. В. С. Голенищев полагает, что этим концом стела была или просто зарыта в землю, или же вставлена в небольшое углубление, нарочно для этого высеченное где-либо в скалистом грунте.

Об'яснения и перевод текста см. В. С. Голенищев, „Надпись древне-ванского царя Русы II-го", Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., XIII, в. IV, 086-092. Вольный и неточный перевод дан K. J. Basmadjian, „La stèle de Zouarthnotz", Rec. de Travaux rel. à la Phil. et à l'Arch. égyp. et assyr., XXIII.

XXIII. Летопись Сардура III.

Из всей стелы Сардура, найденной археологическою экспедициею Русского Археологического Общества 1916 года в западной нише Ванской скалы, дается здесь фотография 4-го ее столбца, занимающего южную ее боковую сторону. Сохранившаяся часть стелы имеет в вышину около 2 м. 27 см.., при ширине 1 м. и толщине 46 см. Стела стояла на базе, представляющей собою квадратный монолит шириною 1 м. 56 см. и вышиною 1 м. 8 см. (И. А. Орбели „Раскопки двух ниш на Ванской скале", Рус. Арх. Общ., археол. экспедиция 1916 года в Ван, стр. 17). На уцелевшей части стелы, на всех ее четырех сторонах, имеется 220 строк, а вместе с надписью на постаменте (базе) 252 строки. Кроме

того, на южной стене самой ниши имеется надпись того же царя в 13 строк, а на восточной ее стене в 29 строк.

Об'яснения и перевод, см. Н. Я. Марр, „Надписи Сардура из раскопок ниши на Ванской скале", там же.

XXIV. Фрагменты глиняных сосудов с клинописью из Хайкаберда.

Приобретены И. А. Орбели в 1911-12 годах в Ване у курда, доставившего их из Хайкаберда. Опубликованы Н. Я. Марром в „Материалах по халдской эпиграфике из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению". Подобные же фрагменты в числе 13 указаны Леманн-Гауптом под №№ 156-177 как происходящие из Топрах-кале (см. его „Ergebnisse der armen. Forschungsreise Belck-Lehmann"). Присоединяя к ним 4 приобретенных И. А. Орбели, два из коих воспроизводятся здесь, мы получаем число известных фрагментов глиняных сосудов с клинописью 17. Все эти черепки имеют надпись „q̇iruji" или „aqarki".

На обоих фрагментах, воспроизводимых мною по фотографиям любезно мне предоставленным И. А. Орбели, имеется надпись „q̇iruji", означающая единицу меры веса или емкости.

Об'яснение термина: вторая часть „u-ji" ставится Н. Я. Марром в связь с основой „ji" „сидеть, помещаться", отсюда „e-ji" „место сидения, место отдохновения, место покоя" (см. об'яснения к стк. 3 надписи из Ванской крепостной стены). Наличное в настоящем слове „u-ji" может быть понято как „вместилище". Что касается первой части „q̇ir", то она сопоставляется с грузин. „qil", наличным в слове „qil-ak" „кадка, мера", как последняя равняется половине „кода", вес которого колеблется около 2 пудов с четвертью, и в слове „qil-a" „глиняный сосуд, горшок", а также вес в 1 пуд.

На указанных халдских фрагментах мы имеем не наименование кувшина, а определенную единицу меры, помещаемой на сосуде, поэтому скорее всего меры емкости. Что здесь мы имеем именно меру, а не название сосуда, явствует по другим фрагментам, где приведенному слову предшествуют цифровые обозначения обычно в единицах, на одном черепке 8 (тоже из Хайкаберда, см. Н. Я. Марр, ц. с.).

На некоторых фрагментах слово „q̇iruji“ заменено словом „aqarki“, тоже с предшествующим цифровым обозначением. В „aqarki“ Н. Я. Марр усматривает двойник грузин. „kasri“, делящегося на восемь единиц мер, именно хир'ов, что наводит на мысль о том, что и халдское обозначение „8 q̇iruji“ могло равняться халдскому же одному aqarki (см. ц. с., 120-123).

Общие замечания и выводы.

Выводы по грамматической части представляемых здесь текстов уже даны в об'яснениях к ним и суммируются в общем грамматическом очерке. Эти выводы сделаны не мною. Я лишь свел во-едино об'яснения моего учителя, акад. Н. Я. Марра, даваемые им не только в тех его работах, которые посвящены специально изданию текстов царей древнего Вана, но и во многих его трудах, касающихся языков Кавказа. Изложение его выводов и доказательств в одном цельном обзоре выпало на мою долю. С этой стороны моя работа может иметь и свои положительные стороны. Подходя к халдскому языку с глубоким опытом кавказоведа, Н. Я. Марр оттенил в нем те особенности, которые ускользали от других исследователей, не знакомых с языками народов, выросших на почве исчезнувшего Урарту.

Первым выдвигаемым основным положением является установление пассивного строя речи с постановкою логического суб'екта в косвенном падеже, при котором неоформленный падеж оказывается уже падежом об'екта. Благодаря такому указанию меняется коренным образом весь принятый взгляд на древнюю речь халдов-урартов и получается возможность подойти с анализом к самим падежным суффиксам. Получается возможность с определенным сравнительным материалом взяться за ответ на многие вопросы, сму-

щающие даже таких углубленных исследователей, как К. Ф. Леманн-Гаупта, отметившего, например, в своем Bericht über die Ergebnisse der armen. Forschungsreise (633 прим.) пассивное восприятие переходного глагола и усматривающего повторение суб'екта в косвенном падеже. Высказанная мысль подкрепляется переводом надписи из Варага (см. ее текст) в следующем виде: „богу Теишбе Менуа: эта надпись воздвигнута Менуей, могущественным царем и т. д." Леманн-Гаупт не настаивает, а только предлагает подобное толкование текста, но оно, после данных Н. Я. Марром об'яснений структуры халдской речи, требует подкрепления общим анализом ее клинописных текстов. Необходимо одно об'яснение всей структуры речи, под которое подойдут и другие надписи, между тем другие тексты под даваемое немецким ученым толкование не подходят.

Далее, понимая логический суб'ект как стоящий в косвенном падеже, мы тем самым вынуждены при переводе собственных имен отбросить халдское падежное окончание, и потому имена эти у нас утрачивают конечное „ше", читаемое некоторыми за „s", и остаются только с гласным формативом, как то: Менуа, Руса, Сардур, а не Менуас, Русас, Сардурис и т. д. Современники халдов, ассирийцы, так и делали, передавая в своих текстах имена царей Урарту, но так не делают многие исследователи, и, с нашей точки зрения, совершенно напрасно. Это не мелочи, а необходимые детали, уясняющие язык в его синтаксическом строе, язык пассивной конструкции, уловить которую можно скорее всего исходя от кавказских языков, в которых такая конструкция держится при аористе в грузинском, мегрельском, чанском, и во всех временах в языках горских народов. Для уточнения в понимании самой структуры речи клинописных памятников в освещении, даваемом Н. Я. Марром, и требовалось соединить все его разрозненные указания. Если этого я достиг хотя бы в некоторой степени, цель моей работы уже оправдывается.

Я умышленно подробнее останавливаюсь на разнотипных надписях и даю построчное им толкование в схеме изложенного грамматического очерка. Вывод об убедительности приводимых об'яснений и о применимости их к разнообразным текстам пусть сделают другие исследователи, до-

бавив и исправив то, что действительно этого потребует по представлении веских тому данных. Если это последует, то и другая цель моя достигнута, так как моею книгою дается лишь толчек для дальнейшей вдумчивой научной проработки пока только частично выдвинутых положений. Требуется еще весьма длительный труд для освещения всего сложного вопроса о халдском языке, клинописном языке, географически наиболее близком Кавказу и связывающем его с великим носителем клинописной речи, с месопотамским миром, и со всею культурою Передней Азии, частью, а не только отражением которой, является и наше Закавказье.

Даваемые мною надписи представлены с возможно близкою передачею палеографических особенностей. В целях ознакомления с внешним видом, с графикою клинообразных текстов я привлекаю в настоящей работе и древнейшие, начертанные на халдском языке, надписи Ишпуина (из Варага и Дзвистана) и тексты промежуточных периодов, времен расцвета Биайнского коллектива, времен Менуи (надп. из Ванской крепостной стены, Воскебака, Хосров-Джами, Варага—Yadi-Kilissa, Варага—св. Сион, Ардамеда, Шамирам-Су), Аргиштия I (из Ганлиджи и Хорхорскую летопись), Сардура III (из Захалу, Вана—сурб Паулос и летопись из ниши Ванской скалы). Включается мною и текст царя Русы I, несчастливого соперника ассирийского Саргона, под его ударами неудачно в 714 году закончившего поползновения Биайны на политическую гегемонию в передне-азиатском мире (надп. из Айгестана-Ван). Дальше идет период упадка, почти подчиненного Ассирии положения, когда Биайна, внешне все же независимая, сошла на роль второстепенных держав Востока. Впрочем, традиционный текст царских надписей продолжает оставаться по прежнему величественным, и мало отражает в себе уже совершившуюся перемену. Таковы тексты надписей Русы II из Маку и Звартноца. Биайне суждено было пережить своего южного соперника, павшего в 612 году: она дожила, как самостоятельное государство, до битвы при Галисе 585 года. Последним царем Биайны был Руса III, одну из надписей которого, именно Армавирскую, я также включаю в данный сборник.

По содержанию своему надписи ясно делятся на повествующие о военных успехах, о строительных достижениях и

о служении культу. Из числа первых надписей даются мною отрывки двух крупных летописных сводов царей Аргишти I и Сардура III, обе надписи из Вана. О частичных военных успехах повествуют и местные надписи, сооруженные в покоренных областях. Я привожу четыре таких: Звартноцскую, Захалинскую, Эйлярскую и Ганлиджинскую. Из числа вторых мною приводятся наиболее типичные, повествующие о сооружении городов (Макинская и найденная в Топрахкале таблетка ишкигульского царя Шагаштара), крепостей (Армавирская), храмов (надп. из Варага, Воскебака, Дзвистана и Вана—св. Сион), о воздвижении стел-пулужей (из Варага, Ванской мечети Хосров-Джами и Айгестана), о проводке каналов (из Ардамеда Шамирам-Су), о построении усыпальницы (из Ванской крепостной стены) и о разведении садов (Звартноцская и Ардамедская). Последние иногда предназначались царицам (Ардамедская). Наиболее известною культовою надписью является Ванская, так называемая Мехер-Капуси, текста которой, перечисляющего жертвенные приношения богам халдского пантеона, мною не приводится. Я ограничиваюсь общим снимком надписи с окружающими ее скалами. К числу культовых-строительных надписей относятся упомянутые мною выше о построении храмов, в числе их и даваемая мною из Ванской мечети Хосров-Джами с упоминанием имени царевича Инушпуа, а равно и надпись из Ванской крепостной стены, повествующая о сооружении усыпальницы.

Главным богом, возглавляющим верховную троицу, был Халд. Он, как мы видим из приводимых надписей, и ставится в них на почетном месте, обычно в начале текста. Упоминание взамен Халда других богов повидимому указывает на специальное назначение памятника и во всяком случае не отмечает определенного политического момента, когда его главенствующее место заняло иное божество. Такого момента не было. Из числа этих надписей мною дается Варагская с именем Тейшебы и мечети Хосров-Джами с именем Хутуина.

До нас дошли преимущественно надписи на камне. Писались они или на скалах непосредственно (см. напр. из Ганлиджи) или на камнях, иногда обработанных в форме высоких стел (см. летопись Сардура III, Ванскую надпись

сурб-Паулос, Звартноцскую и др.), иногда прямо на глыбах или на ровно обтесанных строительных камнях (см. напр. фотографию кладки халдского укрепления в Ване). Надписи помещались также на базах колонн, одна из фотографий которых, Варагская, мною дается. На глине надписей найдено пока очень немного. Воспроизведения некоторых таких надписей мною тоже представлены в настоящем сборнике, именно черепков глиняных сосудов из Хайкаберда и таблетки с письмом Шагаштара к Русе II из раскопок Белька и Леманна в Топрах-кале.

Для истории Азербайджана, да и вообще Закавказья и шире его, для всего древнего Вана и тех районов, которые посещались его войсками, исключительный интерес представляют местные надписи, то есть те, которые сооружались на самом месте военного действия Такие надписи дают возможность более точно приурочить упоминаемые в них географические названия к определенным пунктам. Одною из таких надписей является Захалинская, найденная у селения Захалу на юго-восточном берегу озера Гокчи (см. ее текст). Этою надписью фиксируется имя страны, покоренной Сардуром III. Здесь, в долине стекающей с Карабахских гор реки Мазри и помещалась, как полагает М. В. Никольский, область Аркукини, область едва ли незначительная. Она, во всяком случае, заслуживала в глазах халдского завоевателя того, чтобы факт ее завоевания был особо отмечен постановкою клинообразной надписи.

Следующий, приводимый мною текст непосредственно связан с этою надписью. Я даю отрывок из летописного свода того же царя, в одном связном изложении суммирующего свои военные достижения. В летописных сводах царь обычно указывает направление похода упоминанием тех видных, ближайших к Биайне стран, через которые проходили его полчища, направлявшиеся с завоевательными целями за границы своего коллектива. Так, двигаясь через нынешнюю Армению, халды проходили Этиуни, лежавшую между Карса-чаем и Гокчей, Эрах, занимавший, примерно, пределы нынешнего Ленинаканского уезда, или Абилианих, расположенный восточнее его до северных берегов озера. Как мы видим из приведенного отрывка летописей Сардура, он не упоминает ни Этиуни, ни Эрах, ни Абилианих,

следовательно он не проходил через них, то есть не зашел на нынешнюю территорию Армении. Текст упоминает начальным пунктом похода именно тот Аркукини, местоположение которого фиксируется надписью из Захалу. Царь, очевидно, взял сразу северо-восточное направление и, двигаясь с юга, вторгся в названную область, покорил ее и прошел дальше. Перечень следующих стран получает поэтому особый в наших глазах интерес, позволяя усматривать в них древние названия областей в пределах, входящих ныне в границы Азербайджана. По всем данным, правитель Биайны описывает тут свой поход именно в земли древнего Азербайджана. Мысль эта подтверждается и наличием среди поименованных стран Албании, древнейшее упоминание о которой мы и имеем как раз в данной надписи (см. мою статью „Предположительные сведения о движении халдов в пределы Азербайджана").

Дальнейшие разведки на местах выяснят правоту наших предположений о том, что в восточном Закавказье халды-урарты нашли не менее благоприятную для своего обогащения почву, и что следы их здесь пребывания должны иметься в виде их крепостных сооружений и в виде клинообразных письмен, повествующих о военных успехах постановкою на месте письменных о себе свидетельств.

Бронзовая статуэтка (Топрах-Кале).

Вторгаясь в области, очевидно экономически для себя выгодные, халды стремились упрочить свое в них влияние и укреплялись в определенных опорных местах, создавая вассальные центры и наблюдая за ними из своих местных же пунктов, устраиваемых в интересах политического господства. Была ли такая резиденция халдского сатрапа в пределах нынешнего Азербайджана,

покажут последующие археологические исследования, но что таковая была в границах нынешней Армении, в этом не возникает сомнения. Отец Сардура, Аргишти I основал ее недалеко от Эривани, в нескольких верстах от Эчмиадзина на холме у селения Сардарабад, носящем имя Армавира. Тут был один из таковых центров, город, обращенный в халдский опорный пункт и названный по имени его завоевателя. Одну из Армавирских надписей я и привожу под № VI. Принадлежит она последнему царю Биайны, Русе сыну Эримена. Это один из последних клинописных памятников древнего Вана.

Сам по себе, вопрос об Армавире тесно связан с общим вопросом о прародине урартов, которых М. В. Никольский, да и не он один, двигает к Ванскому озеру с севера из Араксской долины. Это широко распространенное мнение легло, между прочим, и в основу определения Закавказских, преимущественно Азербайджанских, до-исторических древностей, с легкой руки исследователей об'единяемых в один „урартский период".

Действительно, Армавирский холм представляет собою исключительно интересный пункт, дающий возможность изучения памятников халдской-урартской культуры на почве Закавказья. До настоящего времени археологические работы в части изучения урартских памятников Кавказского междуречья ограничивались почти исключительно собиранием эпиграфического материала, поисками надписей халдских завоевателей, вторгавшихся со своими полчищами в приараксские долины. Памятники эти, VIII-VI веков до-христианской эры, проливают свет на древнейшую культуру Закавказья, но, заключая в себе краткий описательный текст побед и строительных достижений властителей древнего Вана, дают односторонний материал, характеризующий деятельность крупного южного центра и слабо освещающий состояние покоряемых им стран. И если, все же, по этим надписям мы узнаем, с известною степенью достоверности, о политическом делении старой территории бассейнов Куры и Аракса, узнаем об этиунском государстве, об Эрахе и Абилианихе, разместившихся севернее этиунов, об Агвании и Албании и о приозерных государствах западного берега Севанга, то все же мы имеем пока лишь голые названия, ма-

ло еще говорящие о культурных их взаимоотношениях и о культурных связях с югом.

Но, едва ли, как это когда-то предполагалось М. В. Никольским, мы найдем в Армавире древнейшую столицу урартов, перенесенную затем Сардуром к берегам Ванского озера. Отождествление Армавира со столицею урартов Арамали, если бы даже и было верно, все же не разрешило бы вопроса о древнейшем центре Урарту-Наири с отнесением его в междуречье Куры и Аракса. Недоразумение со столицею Арамали уже давно разрешилось само собою, но, как иногда бывает, разрешение вопроса ускользнуло от исследователей. Арамали упоминается Салманассаром III, современником Араме, и считается древнейшим престольным городом, центром политического господства урартов. Этот центр, говорится в исторических исследованиях, перенесен в Тушпу (Ван) лишь Сардуром, сыном Лутипра. Между тем, этот Сардур был не преемником Араме, а его предшественником. К тому же текст начертанных им надписей, тождественных по содержанию, перевод которых мною дается, говорит вовсе не о новом поселении в городе, а лишь о крепостных или городских стенах, которые строятся Сардуром. Таким образом, надписи Сардура I не дают еще права говорить о перенесении и при нем самом столицы из другого места. Более того, нет никаких данных настаивать на том, что и первый, исторически известный, царь Лутипр не жил в той же самой Тушпе. Правда, столкновения их обоих с ассирийцами действительно происходили в северо-западной части Наири, но отсюда мы никаких выводов делать не можем, так как и тогда и после столкновения двух соперников всегда происходили далеко от Тушпы (Вана). Один только Тиглатпиласcар III был в Тушпе, но и он подступил к ее цитадели, преследуя разбитого Сардура III, встреча с войсками которого произошла совсем в другом месте. При таких условиях, у нас нет никаких исторических данных для сохранения старого мнения о перенесении политического центра урартов с севера на юг, напротив, мы с большею долею вероятности можем утверждать, что на заре истории центр этот был уже в Тушпе. Это не было учтено и мною при изложении истории древнего Вана, здесь же печатаемой.

Имя страны Урарту встречается, как любезно указывает мне А. П. Рифтин, еще в надписях Ашурназирпала (см. King, Annals of Kings of Assyria, 194, col. II 15; 216). Это имя Вейднер сопоставляет с Уруатри времен Салманассара I и ближайших преемников Тиглатпилассара I, а также с Уратри Ададнирара II. Надписи Салманассара I дают основание Вейднеру коснуться и вопроса о границах Уруатри-Урарту. Салманассар преследовал Кути до границ Уруатри, страна же Кути лежала севернее или северо-восточнее Ассирии. Вейднер заключает отсюда, что урарты были северными соседями Кути, то есть жили у Ванского озера и дальше по рукавам Евфрата до западного его загиба (см. E. Weidner в Alt. Orient. Bibl. I, стр. 113 прим. 9 к надписи Салманассара I, col. I 27 сл.). В этот же примерно район приходится отнести и то Урарту, о котором говорят ассирийские цари, сталкивавшиеся с халдскими Лутипром, первыми двумя Сардурами и Араме.

Таким образом, и древнейшие ассирийские источники и они же времен первых царей древнего Вана не дают еще оснований считать Закавказье за старейший урартский центр и не дают возможности, следуя за М. В. Никольским, видеть ассирийское движение на север до склонов Алагёза и усматривать именно в Армавире упоминаемый Салманассаром III Арамали. Ассирийское продвижение едва ли доходило так высоко на север.

При новом подходе к историческому материалу вопрос осложняется, так как топонимика все же указывает на то, что урартские земли связаны с Айраратскою областью. В чем же дело? Я могу высказать лишь предположения. Урарту, как кажется мне, действительно лежало на севере Наири, но Урарту не есть само Наири, а только определенная ее часть. Во второй период Биайны, она же Наири, столкновения происходили главным образом за восточные страны Мана, тогда как в первый период из за северо-западных стран Урарту. По этой части Наирского коллектива ассирийцы и окрестили все государство одним именем, по принципу целое по части. Сами же суверены Наири, не исключая и древнейшего исторически известного из них, Сардура I, себя царями Урарту не именовали. Но ассирийцы имели же какие нибудь основания присвоить им именно

это имя! Я думаю, да, потому что наирские цари, очевидно, были и царями Урарту, но они были и царями других, входивших в состав Наири, областей, они были царями царей, может быть с тем только различием, что Урарту являлась одною из коренных областей, не имевших отдельных вассальных правителей, но центр политического господства мог находиться и не в ней.

Кроме того, мы имеем полное основание полагать, что коллектив существовал уже и при Сардуре I царе Наири, а не одного только Урарту. Сардур чувствовал себя выше остальных царей возглавляемого им об'единения, он был и царь царей, и царь могущественный и царь не боящийся сражений, он был даже царем вселенной и т. д. во всей пышности заимствованного ассирийского титула. По всей видимости, дело вовсе не в перенесении политического центра, а в значении его по отношению к Ассирии, и тут, по мере усиления власти в пределах самого об'единения, оно превращается из Наири в Наири-Шураа, в Шураа-Биайну и просто в Биайну, центр же остается на одном месте. В таком случае встает задание определения урартской части коллектива и ее географических границ, а вовсе не улавливания момента переселения урартов с севера на юг. Такового переселения могло и не быть.

Что касается Закавказья, то входило ли оно в пределы Урарту или нет, неизвестно. Военные надписи халдов VIII и последующих веков видят в нем Этиуни, Эрах, Абилианих, Аркукин, Албанию и целый ряд мелких владений, но ни разу не упоминают об Урарту. Если же современные нам исследователи иногда присваивают закавказским древностям наименование урартийских, то, при изложенных выше данных, мы можем принять это наименование лишь как весьма условное и явно имеющее в виду до-исторических урартов. Но, что такое до-исторические урарты, никто не знает.

В таком случае, можно ли по неизвестному термину именовать целую культуру, при том смешивая во едино крайне длительные ее периоды?

В определении закавказской культуры нам мало помогут и армянские источники, перескочившие в своих воспоминаниях далеко за халдский период и даже вовсе забывшие про это, казалось бы, мощное когда-то царство. Так,

Моисей Хоренский видит в упомянутом выше Армавире армянскую столицу, основанную за 2000 лет до начала нашего летоисчисления Армаисом, сыном Арменака и внуком Хайка, родоначальника Армении. Между тем, название Армавира столько же восходит к историческому Араме ассирийских источников, сколько и к эпонимному герою армянского народа Последний, может быть и тождественный третьему исторически известному царю Наири, хотя скорее всего лишь совпадающий с ним, стал на армянской почве легендарною личностью, и мифический, по словам М. В. Никольского, Армавир мог оказаться приуроченным ему вне всякой зависимости от позднейших халдских-урартских завоеваний. Этому нисколько не противоречило бы и возможное тождество названия нынешнего Армавира с Птоломеевским Армаурна. Имея своего эпонимного героя, явно пережиточно сохранившегося от халдского периода, хотя корнями своими вероятно и значительно более древнего, народное осмысление легко могло отнести к Сардарабадскому холму это легендарное имя, издавна наличное на местной почве и прошедшее через времена исторических халдов. Несомненное присутствие остатков древних здесь сооружений, хорошо известных жителям армянам, пользовавшимся отсюда строительным материалом для своих жилищ и уже утратившим память о когда то пребывавшем тут халдском гарнизоне, могло навести их на мысль поместить сюда своего мифического праотца и мифический же город древнего его царства.

Точные исторические данные, основанные на местных надписях уже урартов-халдов, то есть народа Биайнского коллектива, указывают на Армавир не как на древний урартский центр, а как на город, построенный в VIII веке халдским царем Аргишти I. Для нас и этих сведений достаточно, чтобы обратить внимание на Армавирский холм. Судя по найденным здесь в изобилии строительным камням, мы имеем в нем халдский центр крупного политического значения и во всяком случае достаточный для того, чтобы ему, в отличие от многих других покоренных городов, было присвоено имя завоевателя. Тут, в месте, называемом клинописными текстами Аргиштихина, скорее всего и был центр халдского господства над частью Закавказья, центр, может

быть резиденция, халдского наместника. Если же прав М. В. Никольский в своих утверждениях о том, что город, в качестве царской резиденции, существовал до походов Аргишти и был лишь ими занят и восстановлен для воздвижения крепостных строений, обеспечивающих базу халдского продвижения далее на север, и если принять это утверждение с оговоркою, что город до VIII века был резиденциею царя, но вовсе не ванского, а местного и явно Вану враждебного, иначе не к чему было бы его покорять, то интерес намечаемого к исследованию пункта усугубится возможностью увязки исследовательских интересов в поисках памятников халдской (урартской) культуры с поисками культуры местного населения без различия родственного ли урартам или совершенно от них отличного. Именно в такой увязке и лежит гвоздь научных работ, так как в ней мы найдем свой опорный пункт для познания культуры Закавказья и для поверки предположений Никольского о том, что халды не имели племенного родства с ассиро-вавилонянами, но, повидимому, были одной народности с обитателями долины Аракса и окружающих ее гор Малого Кавказа.

Армавир, конечно, представляет собою исключительный интерес, но, вопрос, им подымаемый, осложняется тем, что в Закавказье мы знаем о городах, носящих имена халдских царей, не по одному только Армавиру. Мы видели, что имя Русы носил город области Ишкигулу. Об этом мы узнаем случайно благодаря находке в Топрах-кале глиняной таблетки Ишкигульского царя Шагаштара (см. ее фотографию). Мы далеко не уверены в том, что только этими двумя городами ограничатся поиски так или иначе связанных с халдами городских поселений. Более того, есть полное основание искать такие же пункты и вне территории Армении. Здесь встает общий вопрос и в частности о датировке древностей Азербайджана

Установив культуру Закавказья, современную урартскому-халдскому периоду, мы уже легче подойдем к культурам, предшествовавшим этому периоду, и к последующим за ним с приближением к историческим эпохам Азербайджана, Армении и Грузии. Тогда мы уже с полною уверенностью опровергнем сохраняемое до сего дня представление о тождест-

ве всей пока известной культуры Закавказья с „урартийскою". Идя только этим путем, мы сможем подойти к научной оценке разнотипных находок всего кавказского междуречья, проследить смену культурных наслоений, создающих в вечных процессах скрещения новые образования, новые формы культурной жизни и, в связи с этим, новые формы культуротворчества. Но формы эти, в чередующихся сменах культур, создавались не сразу, а в длительном ходе видоизменяющихся группировок господствующих слоев населения и видоизменяющемся укладе общественной его жизни, местами быстрее приноравливаясь к ним, местами отставая от общего хода более развитых и восприимчивых центров и давая потому сходные проявления, невольно соблазняющие исследователей к одинаковой их датировке и невольно наталкивающие их на мысль об одновременном появлении всего культурного целого, об'ясняемого приходом нового населения.

Приходу нового населения придается явно преувеличенное значение. В науке болезненно чувствуется увлечение часто теоретически создаваемыми народами и пранародами, носителями готовых культурных форм и почти всегда представителями единой этнической массы. С вопросом о переселениях дело обстоит очень сложно и в части так называемого урартийского периода. Мы видели, что у нас мало данных для утверждения о передвижении урартов с севера на юг. Но, так же мало данных и для прослеживания нашествия халдов в IX-VIII веках, мало хотя бы потому, что само племенное название их не улавливается пока по клинописным памятникам ни Ассирии, ни самого древнего Вана, и то, что считается за имя народа, Халдинини, есть ни что иное как полная форма божеского имени в дат. падеже, а вовсе не наименование господствующего племени (см. мою статью „Древне-Ванский бог Халд-Халдин"). Мало того, я не вижу достаточных оснований прослеживать и приход в VI веке армян на место халдов, будто бы заменивших собою прежних обладателей края урартов. Само имя армян в основе своей тождественно халдскому Араме (*Арамен), кроме, того, по Сардуровской надписи сурб-Паулос мы знаем о покорении Сардуром страны Армеа. Следовательно, термин бытовал уже на месте за много веков до VI, и не

армяне, предполагаемые пришельцы с запада, принесли его при своем продвижении к Вану и Урмии. Он был уже на месте задолго до событий конца VII-го века.

Мне может быть брошен упрек в чрезмерной яфетидологизации вопроса о переселениях с полным его отрицанием. Он будет неправилен: вообще переселений я, конечно, не отрицаю. Но что же делать, когда я не вижу материала для утверждений о движении урартов, царь которых, упоминаемый как таковой ассирийскими источниками, Сардур I уже на заре истории жил в Тушпе (Ване) в качестве не царя урартов, а властителя стран Наири (см. текст его ассирийской надписи), когда движение халдов кажется мне не менее проблематичным, так же как и не доказано еще само их наименование, и когда армяне носят местное имя, хорошо известное задолго до образования армянской сатрапии. Переселения здесь могли быть, но они не доказаны, следовательно говорить о них преждевременно. Поэтому я и не включаю в свою работу особой главы о прародине тех или других уже исторически известных народов.

Великие события VII века произвели перетасовку и в жизненном укладе населения и в экономических взаимоотношениях и в составе самих группирующихся племен. Произошел новый процесс скрещения, давший то, что получило имя армян. В этом процессе сыграл свою роль и приток свежих сил путем переселения, но отсюда слишком далеко до приемлемости таких простых об'яснений как приход скифов, приход мидян, разорение края и появление армян на опустошенном месте. Этого не было по крайней мере в том виде, как это обычно понимается. Не было этого и по отношению к другим местам Закавказья, в частности и Азербайджана. Для познания его нужно охватить в возможно большем размере разновидности культурного проявления на месте, и во всяком случае не следует увлекаться единичными типологическими сравнениями и строить только по ним выводы о перенесении с другого места тех или иных культурных форм. В первую очередь нужно отказатся от предвзятого взгляда, что на месте, в Закавказье, жило малокультурное население, способное лишь к восприятию чужого. Это тоже неверно. Культура Азербайджана об'ясняется не одним только тем, что он был широким корридором, по

которому текли одна за другою переселенческие волны. Закавказье имеет свою культуру и свою явно культурную силу, хотя бы оно и было частью культурного района гораздо большего масштаба и было тесно связано с хеттским и эламским миром. Здесь вопрос не столько в переселениях и во всяком случае не в поисках единой этнической массы, единого великого Пра-Хетта, а в районировании культур, в изучении их внутри себя и в прослеживании вечных процессов скрещения, в которых свою роль сыграл и приток свежего элемента. И в этом сложном вопросе свое видное место занимает и вопрос урартийский.

Вопрос об урартах-халдах и о современном им населении Закавказья продолжает стоять открытым, и, конечно, прав М. В. Никольский, утверждая, что вопрос этот неизбежно должен быть поставлен полностью и при том, не по одним только археологическим материалам. Во всяком случае, говорил он еще в 1896 году, желательны параллельно и лингвистические сближения. Действительно, только путем кавказоведного подхода к халдскому языку, на что указывал и он и целый ряд других исследователей, можно понять и халдскую речь VIII-го века и взаимоотношения халдов с Закавказьем. Без учета языкового материала клинообразных текстов древнего Вана мы не постигнем ни культуры Закавказья в ее целом, ни взаимоотношений его с югом. Язык и памятники материальной культуры в их взаимном об'единении только и дадут возможность чувствовать твердую почву для последующих напрашивающихся сопоставлений с культурою окружающих стран, с хеттским миром, а, может быть, и с расширением вопроса до общей Передне-Азиатской подосновы с ярким ее проявлением в великом Месопотамском центре. Здесь предстоит провести в жизнь действительную увязку языкознания с памятниками материальной культуры и, быть может, на месте, работою над самим материалом, удастся легче и планомернее провести это насущное яфетидологическое задание, чем в далеком от него научном центре, более чувствующем связь с книгою, чем с самим материалом, и потому в ряде лет оказавшемся восприимчивым к такому заданию пока еще далеко не в желательной степени.

Письмо Шагаштара, правителя области Ишкигулу, должно так же обратить на себя особое внимание кавказоведов. Мною дается текст надписи, где упоминается эта область. Около Ленинакана у селения Ганлиджа на скалах высечена надпись, повествующая об отвоевании от Ишкигулу города Ирданиуни. Нет сомнения в том, что Ишкигулу лежало где то около Ленинакана, во всяком случае севернее Эраха, о покорении которого говорится в начальных строках той же надписи. Отсюда, вассальный царек по имени Шагаштара и пишет своему суверену в Тушпу, где она и найдена (в Топрах-кале), доклад о сооружении города, названного по его имени Русахина. Таблетка (см. фотография) адресована Ванскому царю, но составлена правителем отдаленной Закавказской области. На это как-то мало обращалось внимания, между тем факт остается налицо, свидетельствуя о составлении клинописных текстов в пределах самого Закавказья, чем подкрепляется почва делаемым в самое последнее время предположениям о наличии в Закавказье если не местной клинописи, то во всяком случае знакомства с клинообразным письмом.

Тут мы и имеем один из опорных пунктов для датировки памятников материальной культуры. Мы знаем, что древнейшие тексты халдов, относящиеся к середине IX века, писались еще на ассирийском языке. Одну из таких надписей я даю в переводе. На своем родном языке халды-урарты пишут только со второй половины того же века. Мало оснований предполагать, что жители Закавказья познакомились с письмом раньше этого времени Во всяком случае есть основание надеяться, что при нахождении местного письма можно будет уяснить себе его происхождение. Халдская клинопись по своей графике отличается от ассирийской. Очевидно, привыкнув изображать ассирийские знаки не на глине, а на камне, халдский писец уже воспринял то начертание постепенно сужающегося клина, которое навеяно ему самим материалом Выводя знаки на камне, халд повторяет их и на глине. Образцы таких знаков, нанесенных на стенки глиняных сосудов из Хайкаберда даются мною в фотографии. Здесь мы ясно видим повторение тех же знаков, какие наносились на твердый материал. Таким образом, оказывается, что халдский и ассирийский писцы разо-

шлись в своей манере начертания клинообразных письмен. Последний, набив себе руку на глине, вычерчивает головку клина и узкую засим линию, первый же чертит знак в виде сужающегося к концу колышка. Когда оба они переходят на писание по необычному для них материалу, то есть ассириец на камне, а халд на глине, то картина меняется еще резче. Головку клина с узкою линиею трудно изобразить на камне и ассириец переходит к простому линейному вычерчиванию, прекрасный образец какового мы имеем на ассирийской бусине Ходжалинского кургана (см. мои статьи в Изв. Общ. Изуч. Азерб., II и III), тогда как халд повторяет на глине то, что пишет на камне. Следовательно, найдя в Закавказье клинообразное письмо, мы по одному внешнему его начертанию будем иметь основания для определения, через кого оно попало на далекий от клинописного центра север.

Признав в такой клинописи халдское влияние, мы тем самым определим и древнейшую хронологическую грань современной ей культуры, которую не признаем старше чем конец IX века. Вот почему все появляющиеся в последнее время слухи о нахождении клинописи в различных местах Азербайджана волнуют каждого, интересующегося культурным прошлым края. Если эти слухи подтвердятся, то археология не одного только Азербайджана получит твердую основу для научных построений, для установления хронологических этапов, каковые пока лишь нащупываются и нашими учеными и учеными запада. Определив хотя бы один доисторический культурный период с известною точностью, мы и другие слои культуры Закавказья разместим с большею уверенностью, чем это делается до сих пор.

Для наступательного движения науки требуется свой опорный пункт, и вопрос в настоящее время в том, в чьих руках он окажется, какой научный центр возьмет на себя все бремя планомерного исследования и районирования культурных эпох с определением границ их распространения. И в этом ответственном деле серьезной научной постановки вопроса во всей его сложности, Бакинский центр пока сделал все от него зависящее, воскресив изучение Закавказья. Едва ли я, хотя и зараженный востоковедным интересом и в частности эламским и урартским вопросами, преувеличи-

ваю значение в этом деле и халдской клинописи. Едва ли преувеличена и отмечаемая здесь правильность постановки научной работы в центре Азербайджана, начавшего свои исследования с ознакомления с клинообразным письмом, с этим древнейшим историческим свидетельством о жизни Закавказья.

Халдская клинопись дает и такие древнейшие исторические свидетельства. Даже по одному этому источнику мы сможем, хотя бы пока и грубо, привлекая в параллель и местный топонимический материал, начертить карту Азербайджана VIII-го века до начала нашего летоисчисления, древнейшую карту Азербайджана. Поиски надписей на местах уточнят ее. Пока таких надписей не найдено, мы можем говорить только предположительно, но все же говорить можем. Мы знаем, что Аргишти I значительную долю внимания уделял именно Закавказью. В своей сводной летописи, Хорхорской, он повествует о движении в Маку, отрывок этого текста мною дается. В Маку был и правнук его, Руса II, оставивший там уже местную надпись, тоже даваемую мною, в фотографии. Таким образом, мы видим халдов на самой границе Нахичеванского края, работники которого полны слухов о наличии клинообразного письма и в нем самом. Мы подошли и с этой стороны вплотную к Азербайджану, дело будущего—перешагнуть и в его пределы.

Краткий халдо-русский словарь.

a —1) суффикс, именное окончание, 2) суффикс, характер прошедшего времени (длительного), 3) префикс направления от говорящего лица: a-g-u-bi 'я взял туда', 'я увел', 4) префикс имен места.

ai —(полная форма a i n - i) 'земля', напр. падеж a i - d i; a i - u r - i 'земляной'.

a i n - i—(сокращенная форма a i) 'земля'.

a u - i —'вода', род. и тв. падежи a u - i - e.

a b a d - i—'храм', 'обиталище'.

a b i l - i—'огонь', 'пепел'; abil-i d-u-ni 'он пепел положил', 'он сжег', см. идеогр. № 90.

a g u b i, a g u n i—см. g (g w).

a g u n u n i—см. g u n u.

a d q̇ u—'портить': a d q̇ u - a - l i 'испорченный'.

al —1) 'говорить'; A r g i ш t i - ш e a l - i - e (a l - ı) 'Аргишти говорит', 2) 'весь'; a l i ı G E N S t u q̇ i i ш t i n i z a - d - u - b i 'всех пленников этих (м. б. 'на работу', 'в рабство') я забрал', 3) 'верхний'; a l s u i n i 'верхне-небесный', 'небожитель'. См. suшi и об'ясн. к надп. № XI стк. 22.

a l u —'тот кто'; a l u - ш e i n - ı ı D U P - t e t u - u - l i - e 'тот кто эту надпись похитит'; a l u j i (a l u s i) 'тот кто сидящ', 'сидящий', 'пребывающий', 'имеющий резиденцию', 'обитающий', 'живущий'.

a l q i — 'население', 'народ'?

a m u u b i—см. m u.

a n i y a r d - u - n i, м. б. a n i y a a r - d - u - n i—'ярмом смирил он', букв. 'ярмо положил он'.

a p · t i n i—'названный', см. t i n i.

a j - i (a s - i)—'всадник'; ı GENS·aj-i 'всадники', 'конница'.

a r u b i, a r u n i—см. r.

Ardi —(полная форма Ardin-i)—имя бога солнца, отсюда и в отдельном значении 'свет', 'день'; man-i ^{d}DEUS ^{i}ARDI-ni 'делая ясным', 'обнаруживая'; man-i ^{d}DEUS ^{i}ARDI-ni pii mei 'выясняя (устанавливая) имя его'; ^{d}DEUS ^{i}ARDI-ni man-u 'сделав светлым', 'сделав явным', 'обнаружив'.

arn-i—'место', 'сооружение', см. стр. 197.

arq̇i — 'родитель', 'семья'? arq̇iuruliani 'семейство'?

asi —см. aji.

atibi—'десять тысяч'.

atubi—см. tu (tuh).

atqana—atqana du-u-ni 'в честь положил', 'посвятил в честь'.

aqarki—карас (мера емкости и сосуд), см. об'ясн. к надп. № XXIV.

aш —префикс направления к говорящему лицу; aш-g-u-bi 'я взял сюда', 'я захватил', 'я привел'. См. стр. 186.

aше (aши)—'святилище'; aш-i-li 'священный'; ȧшinia, см. об'ясн. к идеогр. № 47 и 49.

aшul—'побарывать'; aшul-a-bi 'я поборол'.

aшgubi—см. g (gw).

aш-te—окончание напр. падежа мн. числа.

aшq̇a — 'питать', 'питание'; aшq̇aш-te 'глава трапезы', 'тулумбаш'.

ȧtu —'месяц', см. идеогр. № 11.

e —1) окончание родит. усеченного, используемого и в значении творит. падежа, 2) местоименный суффикс 3-го лица в глаголах, 3) префикс имен места.

eir (ir)—'народ'; eir-ṫi 'глава народа', 'вождь', 'правитель'. См. er-i.

eurie—'милостью', см. ur и об'ясн. к идеогр. № 18.

e-ban-i—'страна', см. ban и об'ясн. к идеогр. № 67.

e-di —окончание напр. падежа ед. числа, см. di.

eji (esi)—'место', 'место покоя', 'место упокоения', см. об'ясн. к надп. № XVIII стк. 3.

er-i —'народ'; er-i-la или er-i-e-la 'царь', букв. 'глава народа' (er-i-e-la).

esi —см. eji.

esia —см. идеогр. № 19.

eša —'это'?

i —1) суффикс, именное окончание, 2) окончание родит. усеченного, используемого и в значении творит. падежа, 3) суффикс, характер настоящего времени и сослагательного-повелительного, 4) префикс имен места.

ie —1) местоимение 'я'; ie-še местоимение 'я' в падеже логического суб'екта, 2) местоименный суффикс 1-го лица в глаголах; šu-a-ie 'соорудил я'.

i-u-li-e (i-u-li)—'он покроет'; alu-še ain-i-e i-u-li-e 'тот кто землею покроет'.

ibirani-—см. идеогр. № 31 и 70.

i-di —окончание напр. падежа ед. числа, см. di.

ikukani—'после того', 'затем'.

inain-i—редкая форма разночтения inan-i 'город'.

inan-i—'город'; inan-i-li 'городской'; редкий вариант см. inain-i (об'ясн. к стк. 9 надп. № XIV).

ini —'этот'; in-i-li (с суффиксом отношения к za-du-a-li и др.).

inukan-i—'обиталище, комната, помещение'.

inujin-i—см. стр. 209.

i-pan-i—'царь', см. об'ясн. к идеогр. № 25.

ipt —'зарывать', 'засыпать'; ipt-u-li 'он засыпет'.

ipqulie—см. pq.

ir —'народ'; ir-di 'глава народа', 'вождь'; ir-ti 'глава народа', 'вождь'.

irdi —см. ir.

irti —см. ir.

iš —окончание родит. падежа логического суб'екта (редкая форма); ^{d}DEUS Qaldi-iš a-r-u-ni 'бог Халд увел', см. стр. 106.

išilda—'тень', 'сени', 'портик'?

ištin-i—'этот'; род. усеч. ištin-i-e 'этого', 'этим'; дат. ištin-i-ni 'этому'. Возможно, что от этой формы существует усеченная išti, отсюда напр. падеж išti-e-di и т. д. Другое об'яснение išti (ištini) —прилаг. или существ. от корня št 'строить', см. об'ясн. к стк. 5 надп. № III, к стк. 40 надп, XI и др.

iштu —'строить', см. шt.

u —1) суффикс, именное окончание, 2) суффикс, характер мн. числа в род. усеченном u-e, 3) суффикс, характер аориста и будущего времени, 4) префикс имен места.

ue —окончание род. усеченного падежа мн. числа.

ui —союз 'и'?

ubardu—'повеление', см. bar.

uduli—'вино', см. идеогр № 35.

uki —'сжигать'; uki-e-di и uki-di 'в сожжение', 'сжигая'.

ul —'предавать'; ul-u-li-e 'предадут'; naraa au-i-e ul-u-li-e 'огню (и) воде предадут их'.

ul-i —'другой'; alu-ше ul-i-ше 'тот кто другой'.

ulu —'дар'; ulu uшt-a-bi 'с дарами я обратился'.

ulguше—'щит', см. об'ясн. к стк. 7 надп. № XIII.

ulgушiya—'щит', может быть и 'щитодержатель'.

ultuni—см. об'ясн. к идеогр. № 76.

un —ᵎGENS-un 'человек'; '4.600 мужчин (ᵎGENS-ti) 23 200 женщин (ᵎFEMINA lutu) всего 27.800 человек (ᵎGENS-un) увел я'.

ur —окончание прилагательных; ai-ur-i 'земляной', man-ur-i 'сделанный', шida-ur-i 'верхний'. и др.

ur-i —'милость'; родит. усеченный и творит. e-ur-i-e 'милостью'. Фонетическое чтение ᵎDOMINUS; шur-i 'милость'.

urudan-i -'потомство', 'дети'.

uш —местоимение 'этот'; uш mашini 'этот памятник', но, может быть, частица выражающая превосходную степень от mашi 'великий' (эпитет бога), см. suшi.

úшini—или существительное 'памятник', или эпитет бога, вернее последнее. См. suшi где указана и форма родит. усеченного uшi-e.

uшin-i-li—'выстроенный', см. шin.

uшt —'направляться', 'обращаться'; uшt-i-bi 'я обратился бы', uшt-a-bi 'я обратился (к богу Халду с молитвою)', ulu uшt-a-bi 'с дарами я обратился', uшt-u-bi 'я обратился' (аорист), nulu

u ш t-u-b i 'я обратил в ничто', 'я уничтожил'?, u ш t-a-d i 'направившись в' (усеч. форма причастия с суффиксом направления), u ш t-a-l i 'направившись' (полная форма причастия).

b a —приставка к u ш i n i, см. под s u ш i.

b a a d (b a d)—'совершенно', 'целиком'; b a a d g u l u-u-b i 'совершенно я забрал', 'исчерпал'; b a d i, b a d i n i 'целиком', 'все'.

b a d u j i (b a d u s i)—'ветхий', 'разрушенный'.

b a d l i—'стрела', см. идеогр. № 15

b a n —'строить', 'населять'; e-b a n-i 'страна'.

b a r —'сказывать'; u-b a r-d u 'повеление', 'веление'.

b i —окончание 1-го лица в аористе, прошедшем и сослагательном-повелительном.

b i d-i—'жертва', м. б. 'служитель культа', см. об'ясн. к стк. 4 надп. № VIII.

b u r a (p u r a)—'много'; 'GENS p u r a 'племя многочисленное'.

g (g w)—'вести', 'брать'; a-g-i-b i 'я привел бы', 'пусть я приведу', a-g u-u-b i 'я увел', 'я взял', a ш-g u-u-b i 'я привел', 'я захватил', k u-g-u-n i 'он воздвиг'.

g a l a z-i—'алтарь', ср. s a l z-i.

g i —'ставить'; g i i, g i e i 'поставление', 'сооружение'? м. б. 'строительный материал', см. об'ясн. к стк. 1 надп. № XLI.

g i ш —'к нам'? см. ш u r-i.

g u l u —'брать', 'забирать'; b a a d g u l u-u-b i 'совершенно я взял', 'я исчерпал'.

g u n u—'брать добычу'; g u n u ш a 'добыча', a-g u n u-n i 'добычный', a-g u n u-n i m a n-u 'добычным сделав', 'взяв добычу'.

g u ш-i—см. идеогр. № 28.

d (d w)—'класть', 'полагать'; d u-u-n i (d-u-n i) 'он положил', a b i l-i d-u-n i 'пепел он положил', 'он сжег', a t q a n a d-u-n i 'в честь он положил', 'он посвятил в честь', ubardu d-u-ni 'веление он положил', 'он повелел', z a-d-u-n i 'он построил', z a-d u-a-l i 'построив', z a-d-i 'строитель', дат. падеж z a-d-i-n i 'строителю', d u 'поло-

жив', eirti du 'царем положив', 'царем сделав', ɛaal d-u-bi 'я изменил' (вариант ɛaal t-u bi), ши-du-u-bi 'верх я положил', 'я соорудил'.

di —1) окончание напр. падежа ед. числа, обычно e-di, i-di; dREGIO Etiuni-e-di 'в страну Этиуни', REGIO Biaina-i-di 'в страну Биайну', 2) приставка в значении 'голова', 'глава'; ir-di 'глава народа', 'вождь'.

dia (diani) —'мать', 'женщина'; 1GENS-ue diani 'женщины' (вместо 1FEMINA lutu), см. об'ясн. к идеогр. № 84.

du —причастная усеченная форма глагола (dw→d).

duni —см. d (dw) и aniyar d-u-ni.

dup —'письмо'; dup-te 'письмена', 'надпись' (знак dup служит идеограммою надписи), см. идеогр. № 23 и 24.

zaiше (zaiши; zaini)—см. идеогр. № 22.

zad-i — 'строитель'; zad-i-ni 'строителю', см. d (dw).

zadubi, zaduni, zaduali—см. d (dw).

zar-i—см. идеогр. № 37.

kai —'пред', 'в присутствии'; tequ-a-li Argiшti kai 'повергнуты пред Аргиштием', 'повергнув пред Аргиштием'.

kap-i—'камень'.

kapiше—мера веса.

kar —'покорять'; kar-u-ni 'он покорил'.

kug —kug-u-bi 'я воздвиг', kug-u-ni 'он воздвиг'.

kuruni—'великий'; dDEUS Q̇ald-i kuruni 'бог Халд велик'.

kurn-i—(kuurn-i)—'жрец'.

kutu —'отделять', ср. q̇at; kut-u-bi 'я отделил'.

kuшuni—см. шu.

la —'глава'; eri-la 'народа глава', 'царь'.

li —1) окончание прилагательного и причастия, 2) окончание 3-го лица желательного будущего (li, lie): alu-ше in-i 1DUP-te tu- u-li(-e) 'тот кто эту надпись похитит'.

lid —'покрывать'; lid-u-li (-e) 'он покроет (его|ее)'.

lu —'кто', см. alu 'тот кто'.

lutu —'женщина', всегда с предшествующею идеограммою (№ 84).

majini—(masini)—'великий'; majin-i-e giш шur-i-e 'великою к нам милостью', ср. maшi(-ni).

man —'делать'; man-u-ni 'он сделал' (аорист), man-u 'сделав' (усеченное причастие аористное), man-u-li 'сделавши' (полная причастная форма), man-ur-i (графически manu-u-ri) 'сделанный' (прилагательное), man-i 'делая' (причастие настоящего времени), man-i 'делатель', 'творец', дат. падеж man-i-ni 'творцу'.

mana—'мина' (мера веса), см. идеогр. № 54.

mani, manini—см. man.

manu, manuni—см. man.

masini—см. majini.

matq̇i—'женщина', 'женщины'; ¹FEMINA matq̇i 'женщины', ср. lutu, и об'яснения к идеогр. № 84.

maшi(-ni)—или существительное 'памятник' от основы шin или эпитет бога 'великий', тогда uш maшini 'величайшему' (в дат. пад.), ср. maji-ni (masi-ni), suшi-ni, uшi-ni.

me —местоимение; 'он'; me-ше местоимение 'он' в падеже логического суб'екта, me-i 'его' (род. усеченный).

mešini—'второй', 'другой'; mešini шal-i 'на второй год', 'в другой год', 'в следующий год', ṣaal d-u-bi mešini pii 'я изменил на другое имя', то есть 'переименовал'.

mu —'укреплять', 'соединять'; a-mu-u-bi 'я соединил'.

muri—'укрепленный'; ¹DOMUS muri или ¹DOMUS murili 'замок', 'крепость'.

nahu см. об'ясн. к идеогр. № 74.

nara—'огонь'; nara au-i-e ul-u-li-e 'огню (и) воде предадут', букв. 'огнем (и) водою предадут'.

naq —'брать в услужение'; naq-u-bi 'я взял в услужение', 'я взял в рабы', naq̇-a-di 'взяв в рабство' (усеченная форма причастия с суффиксом направления, ср. uшt-a-di)?

ni —1) окончание дат. падежа, 2) окончание 3-го лица в аористе, прошедшем и сослагательном-повелитель-

ном, 3) окончание мн. числа, 4) окончание прилагательного, напр. su-i-ni 'небесный', 5) приставка к идеограмме страны ^{i}REGIO-ni, заменяющая повторение полного ebani, 6) послелог 'для', 7) вспомогательный глагол 'есть', ni-e 'есть он'.

nie —см. ni 7.

nu —см. об'ясн. к идеогр. № 79; напр. пад. nu-a-di. См. nuji.

nulu —'ничто': nulu uut-u-bi 'в ничто я обратил', 'я уничтожил'.

nun —1) 'делаться хозяином', 'смирять'; nun-a-bi 'я смирил', nun-a-li 'смирив', 2) 'приходить'; nun-a-bi 'я пришел'.

nuji (nu-si)— ^{i}REX-nu-ji 'царский'; ^{i}URBS ^{i}REX-nu-ji 'город царский', 'резиденция царя', 'столица'.

pa —префикс в глаголах, см. pa-r-u-bi под r.

pari —'из', 'под'; kut-u-bi pari ^{d}REGIO Mушан-i-e 'я отделил от страны Мушан'.

parubi— см. r.

patar-i—'город', заменяет чтение второй идеограммы в имени Тушпы; ^{d}URBS Tuушpae patar-i, вместо обычного ^{d}URBS Tuушpae ^{i}URBS.

paqin-i—'бык', всегда с идеограммою № 41 впереди.

pi —(полная форма pin-i)—'имя'; meшini pii ɛa-al+d-u-bi 'на другое имя я изменил', 'я переименовал', 'я дал другое имя'; разночтение piei; ɛaal+d-u-bi meшini piei.

piei —разночтение pii, см. pi.

pieni—разночтение pini, см.

pil-i —'канал', 'водопровод', см. стр. 202.

pin-i—(усеченно pi)—'имя'; ɛaal+d-u-bi meшini pini 'я изменил на другое имя', 'я дал другое имя'; разночтение pien-i:man-i ardin-i-ni pien-i mei 'делая явным имя его', 'обнаруживая его имя'.

pit —'портить', 'осквернять'; pit-u-li-e 'он испортит', 'он осквернит'.

puluj-i—(pulus-i)—'пулуж', 'стела'.

pura —'много', см. bura.

p q̇ —'разбивать', 'крошить'; i p q̇ - u - li - e 'он искрошит', 'он разобьет'.

ji (si) —1) 'сидеть'; a l u j i 'тот кто сидящ', 'сидящий', 'обитающий', 'живущий', 2) см. n u - j i, a j i

r —'идти' и побудительно 'заставлять идти'; a - r - u - b i 'я увел', a - r - u - n i 'он увел', p a - r - u - b i 'я отвел', 'я увел', t e - r - u - b i 'я довел до головы', 'я довел до конца', 'я закончил', t e - r - u - n i 'он довел до конца', 'он закончил'.

r u l u —'одолевать'; q a - r u l u - u - b i 'я одолел', t e - r u l u - u - b i 'я подчинил себе'.

s a l z - i —'алтарь', 'престол', ср. g a l a z - i.

s i —см. j i.

s u —'небо'; s u - i - n i 'небесный', a l s u - i - n i 'вышне небесный'; разночтение, a l s u - n i.

s u i ш i (-n i) —разночтение s u ш i (-n i).

s u (n i) —разночтение s u i n i 'небесный', см. s u.

s u j i —'святилище', 'культовое сооружение', см. об'ясн. к идеогр. № 47.

s u ш i (n i) —(разночтение s u i ш i n i) —один из трех вариантов обычного начала надписей в дат. падеже: Q̇ a l d i n - i - n i a l s u ш i n i (a l s u i ш i n i), Q̇ a l d i n - i - n i u ш m a ш i n i, Q a l d i n - i - n i b a u ш i n i в значении 'богу Халду этот памятник' или в значении эпитета бога, тогда 'богу Халду величайшему'; встречается и форма род. усеченного b a u ш - i - e: Q a l d i n i e b a u ш - i - e 'бога Халда величайшего', 'бога Халда могущественного', может быть в значении творит. падежа 'богом Халдом могущественным', 'богом Халдом величайшим', см. ш i n

t a r a i —царский титул, фонетическое чтение ассирийской идеограммы D A N - N U 'могущественный', см. идеогр. № 45; t a r a i - u q i 'вельможа', 'сановник'.

t a r g i n - i —'избранный', 'избраннейший'?

t a r s u a n i — см. об'ясн. к идеогр. № 70.

t e —1) окончание мн. числа, 2) придаток в начале слова в значении 'голова', 'конец', выражающий завершение действия; t e - r - u - b i 'до головы я до-

вел', 'до конца я довел', 'я закончил'. Ср. te-rulu, где te в значении 'к голове', 'к себе'.

terubi, teruni — см. r.

terulu — 'подчинять себе'; terulu-u-bi 'я подчинил себе', см. rulu и te.

tequ — 'повергать'; tequ-u-ni 'он поверг': tequ-u-ni Argiшti kai 'он поверг пред Аргиштием', tequ-a-li 'повержены': tequ-a-li Argiшti kai 'повержены пред Аргиштием'.

ti — приставка к идеограмме народа; ¹GENS-ti 'мужчины', см. под un.

ti — 'присваивать'; ti-u-li-e 'он присвоит себе'.

tini — причастная глагольная форма 'названный', 'назвав'; в том же значении встречается и форма ap-tini. См. также стр. 193.

tu — 1) tu (* tuh) 'пленить', 'полонить', 'брать в плен'; a-tu-u-bi (a-t-u-bi) 'я полонил'; шa-tu-u-ni (шa-t-u-ni) 'он забрал в плен', 'он полонил'; tu-u-li-e (t-u-li-e) 'он пленит', 'он похитит', tuq̇i и tuq̇in-i 'пленник', 2) tu разночтение du от основы d (dw) 'класть', 'полагать': ɛaal t-u-bi meшini piei 'я изменил на другое имя', 'я дал другое имя'.

tuag-i — 'золото', см. идеогр. № 80.

tuluri — см. идеогр. № 49.

tumen-i — 'селение', 'страна', 'край', см. стр. 186.

turin — 'гневаться'; сослаг.-повелит. turin-i-ni 'да разгневается', 'да разгневаются'.

tuq̇i, tuq̇in-i — 'пленник', см. tu 1.

qarulu — 'одолевать'; qarulu-u-bi 'я одолел', см. rulu.

qarbi — 'камень', см. об'ясн. к идеогр. № 65.

qiurani — (разночтение qirani) — 'стены', 'берега'? qiurani quldini manu 'стены (берега) крепкие сделав'?

qirani — разночтение qiurani.

quldi — 'крепкий'? quldi-ni 'крепкие'? см. qiurani.

шal-i — 'год', фонетическое чтение идеограммы года (№ 14).

шatu — 'полонить', 'забирать в плен', от основы tu (tuh); шatu-u-ni 'он забрал в плен', 'он полонил'

(аорист), ш a t u - a - l i 'полонив' (полная причастная форма).

ш ė —окончание родит. падежа логического суб'екта.

ш e r - i—'ряд', 'строка'.

ш e q̇ i e r ı—'живой', см. об'ясн. к идеогр. № 16.

ш i —1) 'верх'; ш i - d i 'в верх' (с суффиксом направления, см. ш i d), ш i - d u - u - b i 'верх я положил', 'я соорудил', ш i d a - u r - i 'верхний', 2) 'переводить' в значении 'переселять'; ш i - i - b i 'я переселил бы', 'я хотел переселить', 'пусть переселю я' (сослаг.-будущее); ш i - a - b i 'я переселял', 'я переселил' (прошедшее длительное); ш i - u - b i 'я переселил' (аорист).

ш i d —'верх', см. ш i 1; ш i d a - u r - i 'верхний'; ш i d i - i ш t - u - b i 'верх я выстроил', 'я достроил', по контексту также 'я восстановил'.

ш i d ı - i ш t u b ı, ш i d i - i ш t u n i—см. ш t.

ш i - d u—ш i - d u - u - b i 'верх я положил', 'я соорудил', см. ш i 1.

ш i n —1) 'внутри'; s u - i - ш i n - i 'внутри неба', 'в центре неба', 'небесный', a l s u - i - ш i n - i 'высоко небесный', 'высоко небожитель'; впрочем возможно, что s u - i - ш i n i имеет основу s u i ш i и суффикс дат. падежа n i, так как обычно оно стоит в построении Q a l d i n - i - n i a l s u i - ш i - n i 'богу Халду выше небесному', см. стр. 195, 2) 'строить'; ш i n - i 'построено', 'построенный' (усеченная причастная форма, совпадающая по построению и с именем существительным), u - ш i n - i - l i 'выстроенный' (полная причастная форма и прилагательное), см. об'ясн. к идеогр. № 56.

ш i t u —'строить', ср. i ш t u под ш t. возможно, что здесь разночтение ш i - d u, см. ш i 1, ср. варианты ɛ a a l d u - u - b i (ɛ a a - l d - u - b i) и ɛ a a l t u - u - b i (ɛ a - a l t - u - b i); ш i t u - u - n i 'он выстроил', 'он воздвиг' (аорист); ш ı t u - a - l i 'воздвигнув', 'воздвигнутый' (полная причастная форма и прилагательное).

ш u —'творить'; ш u - a - i e 'я сотворил', 'я соорудил' (прошед. время); q a r q a r ш u - u - b i (ш - u - b i) 'раз-

рушение я сотворил', 'я разрушил'; ku-шu-u-ni 'он воздвигнул'.

шujin-i (шusin-i)—'один', 'первый'; шujin-i шal-i 'в один год', 'в первый год', фонетическое чтение идеограммы I ANNUS.

шuki (шoki)—'как', 'каким образом'; шuki ^{d}DEUS Q̇aldi-ше u-bar-du d-u-ni 'как бог Халд веление положил (повелел)'.

шul? - 'побарывать', см. ашul.

шur-i—'милость', эквивалент e-ur-i; majin-i-e giш шur-i-e 'великою к нам милостью' (в род.-твор.), ср. Qaldi-e e-ur-i-e 'бога Халда милостью'.

шusini—см. шujin-i.

шше—'овца', всегда с предшествующею идеограммою № 85.

шt —'строить', отсюда 1) iшt 'строить'; шidi-iшt-u-bi 'верх я выстроил', 'я достроил', по контексту часто 'я восстановил' (разрушенное строение); шidi-iшt-u-ni 'он выстроил' (аорист); шidi-iшtu-a-li 'выстроив' (полная причастная форма), см. iштini, 2) шit 'строить', разночтение первого; шidi-шit-u-ni 'он выстроил' (аорист).

ṫi —'глава'; eir-ṫi и ir-ti 'глава народа', 'вождь племени'.

ṫu —'вода' 'море', 'озеро'; tu-i-ni 'морской', 'озерный'; ṫui-ni-a 'приозерная страна' (название коллектива четырех стран у озера Гокча).

q̇a —'захватывать', 'завоевывать'; qa-u-bi 'я захватил', 'я покорил', q̇a-u-ni 'он' захватил', 'он покорил' (аорист); gunuша q̇a-u-bi 'добычу я захватил', 'добычу я взял'.

q̇ayalani—'правитель страны'.

q̇arqar—'разрушение', м.б. 'куча камней'; q̇arq̇ar шu-u-bi 'разрушение я сотворил', 'я разрушил', ('кучу камней сделал', т. е. разрушил).

qat—'отделять'; q̇at-u-bi 'я отделил' (аорист), q̇at-u-bi pari ^{d}REGIO Urtaq̇ini 'я отделил от страны Уртахини', ср. kutu: kut-u-bi pari ^{d}REGIO Uduri-etini 'я отделил от страны Удури-Этиуни.

q a ш —'побарывать', 'одолевать'; q a ш - u - b i 'я поборол', 'я одолел' (аорист), q a ш - i 'побарывая', 'одолевая' (усеч. причаст. форма наст. времени).

q a ш i a l - m e—'да соблаговолят мне (боги)', 'да пошлют мне успех (боги)'? см. стр. 196.

q i n —1) 'рождать', отсюда q i n - i 'сын' (усеченно q i), см. об'ясн. к надп. № XII, 2) 'рождать, производить, творить, сооружать', отсюда q i n - i - l i 'сооруженный' и q i n - a 'сооружение'; A r g i ш t i - q i n - i - l i имя населенного пункта, буквально 'сооруженный Аргиштием', R u - s a - q i n - a тоже имя населенного пункта, буквально 'Русово сооружение', см. об'ясн. к стк. 5 надп. № III, 3) вторая составная часть в топонимических названиях, часто усеченно q i, см. стр. 140.

q i r u j i (q i r u s i)—мера емкости, см. об'ясн. к надп. № XXIV.

q u —'низвергать'; q u - u - b i 'я низверг', 'я поборол', 'я одолел' (аорист), q u - a - l i 'низвергнув', 'низвергнутый' (полная форма причастия и прилагательное), q u - u - l i - e (q u - u - l i) 'он низвергнет' (будущее).

q u r a d i (полная форма q u r a d i n - i) — ^{i}GENS q u r a d i 'воины', ^{i}GENS q u r a d i n - i - l i 'народ воинский', 'воины', см. об'ясн. к идеогр. № 70.

q u t i —'отправляться на поклонение'; q u t i - a - d i 'отправившись на поклонение' (причастная форма с суффиксом направления, всегда с именем бога в напр. падеже на d i): q u t i - a - d i ^{d}DEUS Q a l d i - e - d i 'отправившись на поклонение к богу Халду'.

q u t - i (q u t - e) -'царь', см. об'ясн. к идеогр. № 79.

q u ш u -см. идеогр. № 61.

ɛ a a l - d u—'изменять'; ɛ a a l - d - u - b i 'я изменил', вариант ɛ a a l - t - u - b i, см. под p i и p i n i.

ɛ a l - i—см. идеогр. № 29.

ɛ a r - i —'укрепленный' и 'крепость'; ^{i}DOMUS ɛ a r - i 'сооружение укрепленное', 'замок', 'крепость', иногда и без идеограммы, просто ɛ a r - i, в том же значении.

ᵴ а ш е—'мужчина'. Обыкновенно встречается в перечне добычи перед женщинами ᵴ а ш е ⁱ F E M I N A l u t u p a-r-u-b i 'мужчин (и) женщин я увел', но когда приводятся цифровые данные, то ᵴ а ш е обычно заменяется ⁱ G E N S-t i, см. под u n, см. об'ясн. к идеогр. № 30 и 33.

XXI. Глиняная таблетка из раскопок в Топрах-Кале.

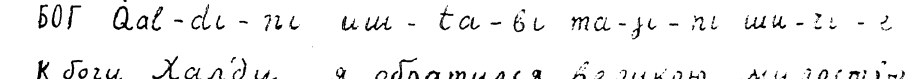
Халдские клинописные тексты.

IV. Надпись из Захалу (Сардур III).

1.

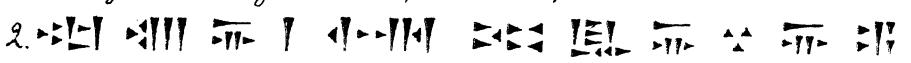
БОГ Qal-di-ni ши-ta-bi та-ji-ni ши-ги-е

к богу Халду я обратился, великою милостью

2. 

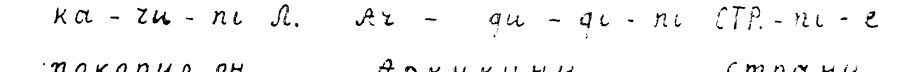
ка-ги-ni Л. Ач-qи-qi-ni СТР.-ni-е

покорил он Аркукини страну

3. 

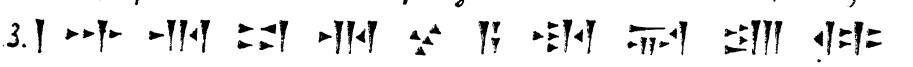
Л. БОГ SAR-du-ги-ше а-bi ши-ta-di

Сардур говорит: направившись (в поход)

4. 

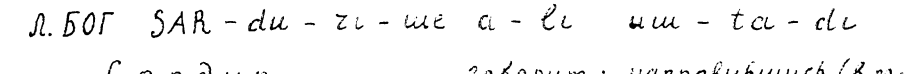
qа-и-bi Л. Ач-qи-qi-ni СТР.-ni-е

я захватил Аркукини страну,

5. 

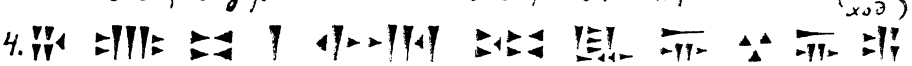
qа-ṭи-bi ра-ги СТР. Ич-ṭа-qi-i-ni

отделил от страны Уртахини

6. 

БОГ Qal-di-ni-ni al-su-i-ши-ni

для бога Халда небожителя,

7. 

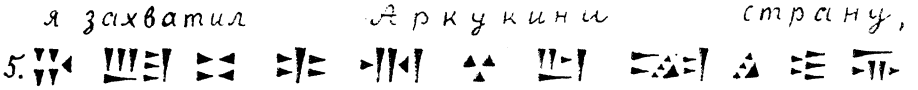
Л. БОГ Sач-du-ги-ni. Л. Ач-диш-ti-qi

для Сардура сына Аргишти,

8.

ЦАРЬ МОГУЩЕС. Ц. ВЕЛ.-ni Ц. СТР. СТР. Ц. Ц. МН.

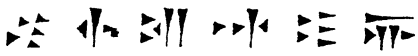
царя могуществ., царя великого, царя стран, царя царей,

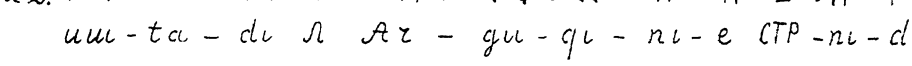
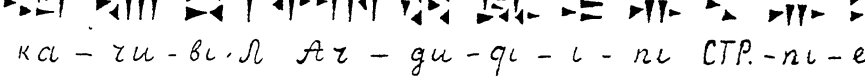
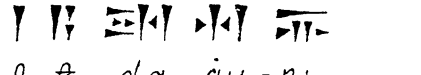
9. 

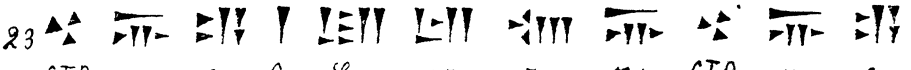
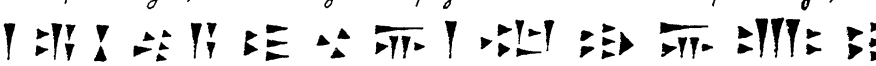
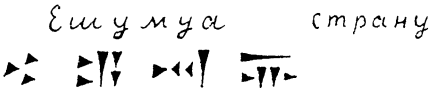
а-bи ju ГОРОД Ṭи-ши ра-а-е ГОРОД

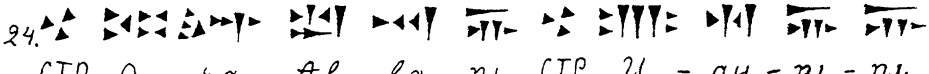
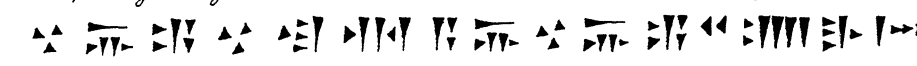
пребывающего в городе Тушпы - граде

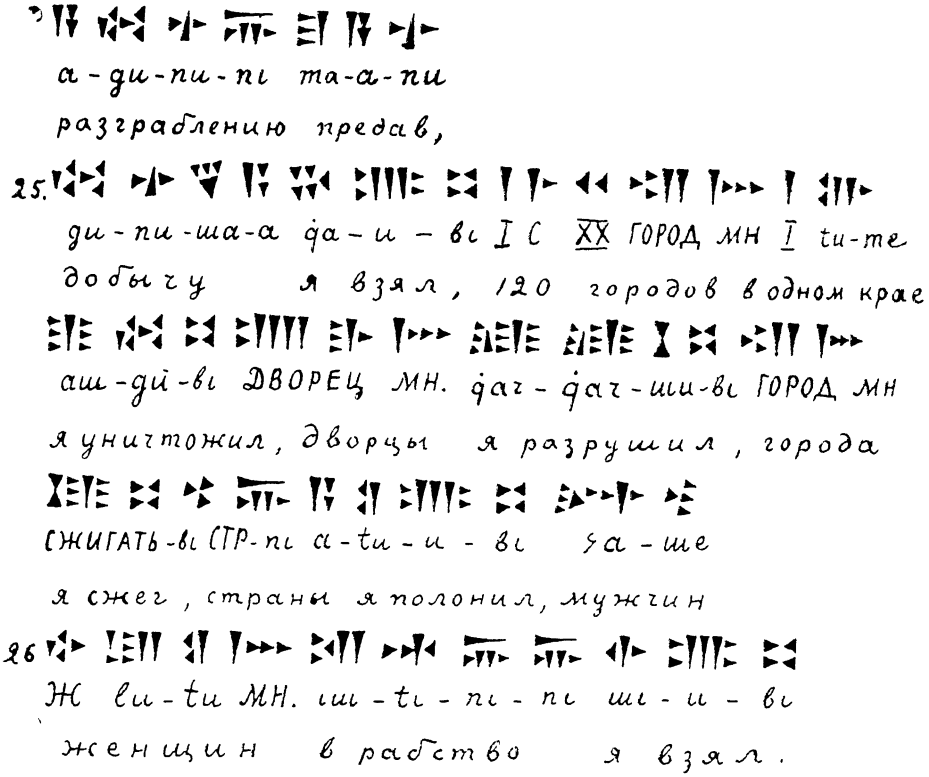
V. Летопись Сардура III (5-ый столбец, на постаменте).

21.
Л БОГ SAR-du-ʒi-ше a-li-e i-ки-ка-a-ni
Сардур говорит. вслед за тем

ГОД ши-iш-ti-i-ni
весною

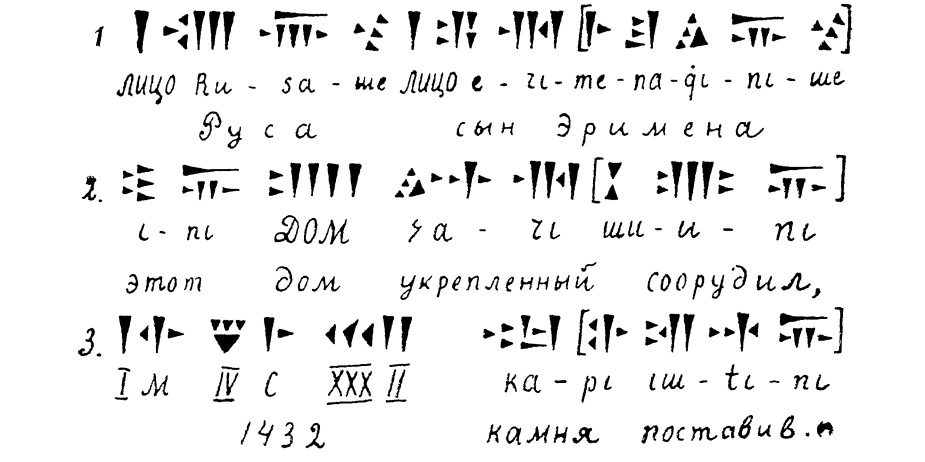
22. 
ши-ta-di Л Ач-ди-ди-ni-e СТР-ni-di
направившись в Аргукини страну,

ка-ʒи-ви Л Ач-ди-ди-i-ni СТР.-ni-e
я покорил Аргукини страну,

Л А-da-ди-ni
Адахуни

23 
СТР.-ni-e Л Ли-ир-ʒи-ni СТР.-ni-e
страну, Луипруни страну,

Л Е-ши-ти-а-i СТР-ni Л Ка-ат-ni-ш-i
Ешумуа страну, Каминиу

СТР. e-ва-ni
страну,

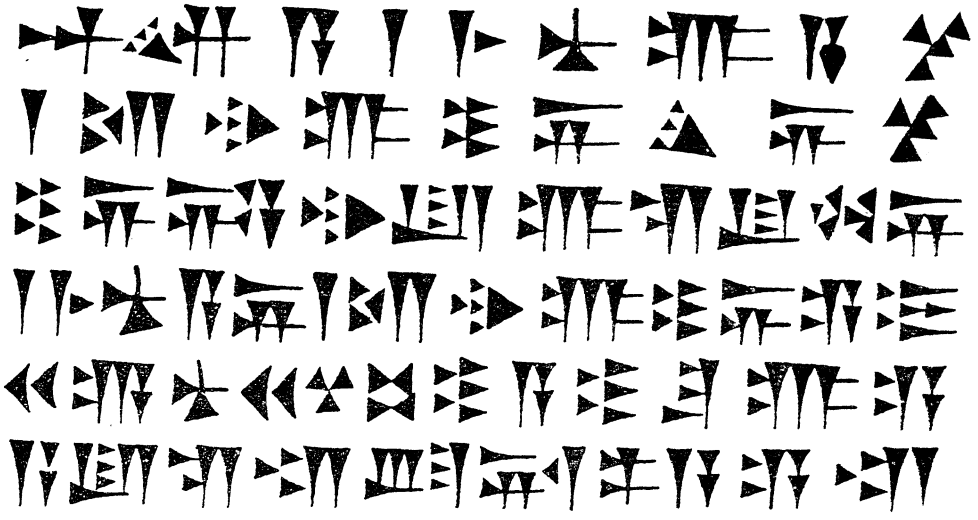
24. 
СТР. Qи-ya Ae-ва-ni СТР. И-ди-ni-ni
страну Куна Албани, страна Ухуни

СТР ni-e СТР. Те-ʒi-a-ni СТР ni-e Ц ДВОРЕЦ МН.
область, страны Териа область, царские дворцы



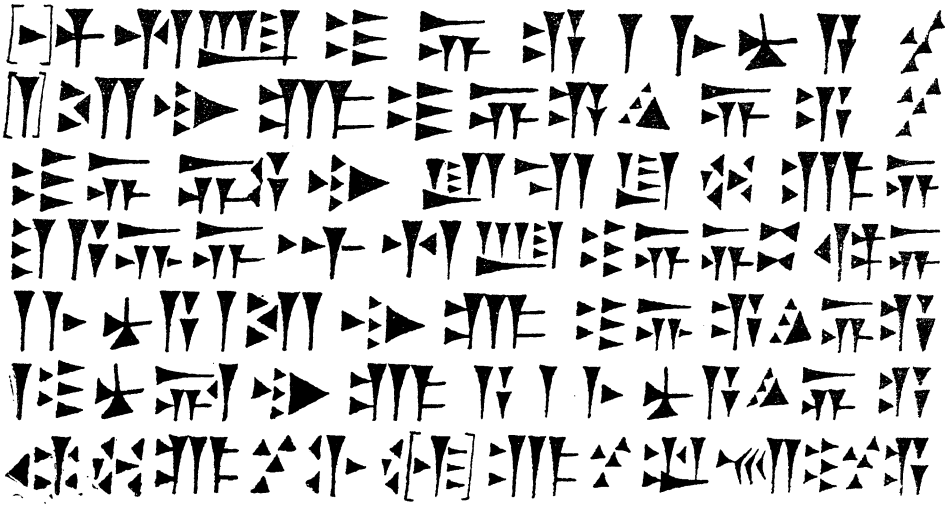
VI. Надпись из Армавира (Руса III).



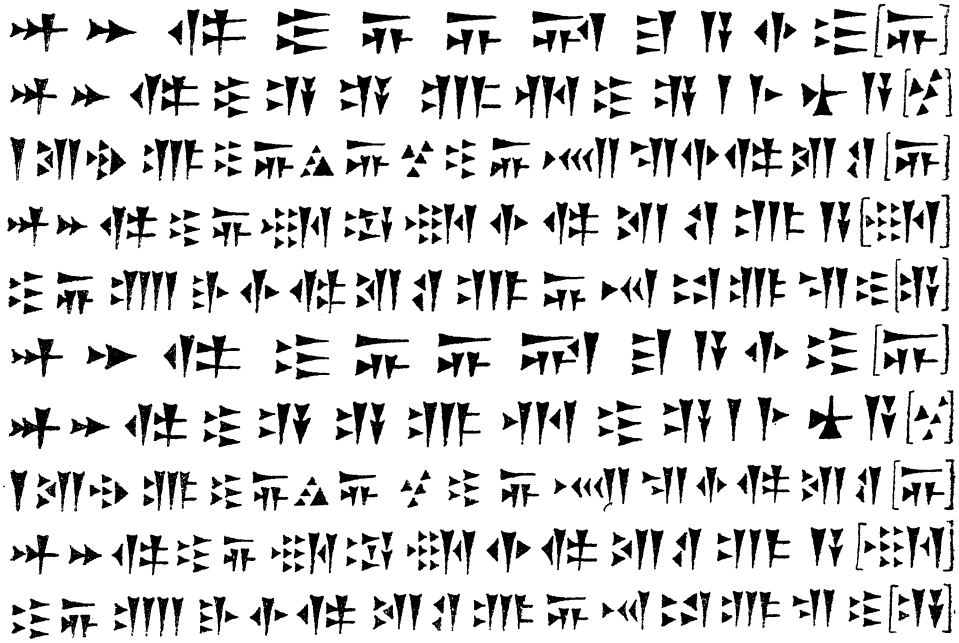
VII. Надпись из Варага (Менуа).



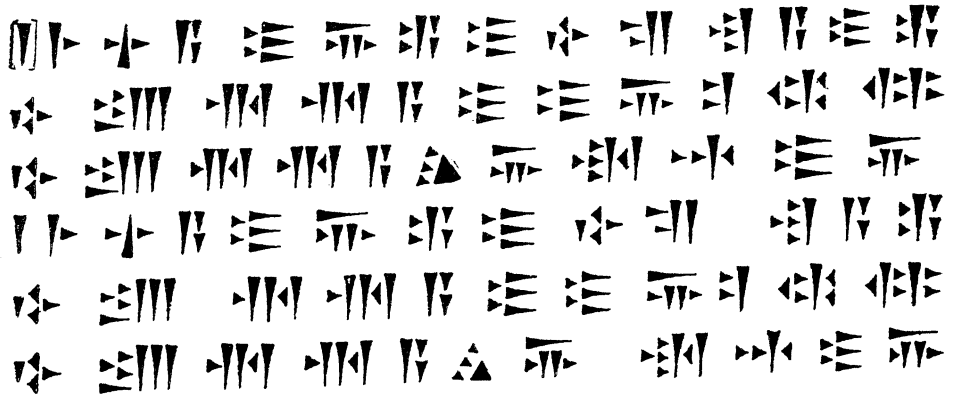
VIII. Надпись в мечети Хосров-Джами в Ване (Менуа).



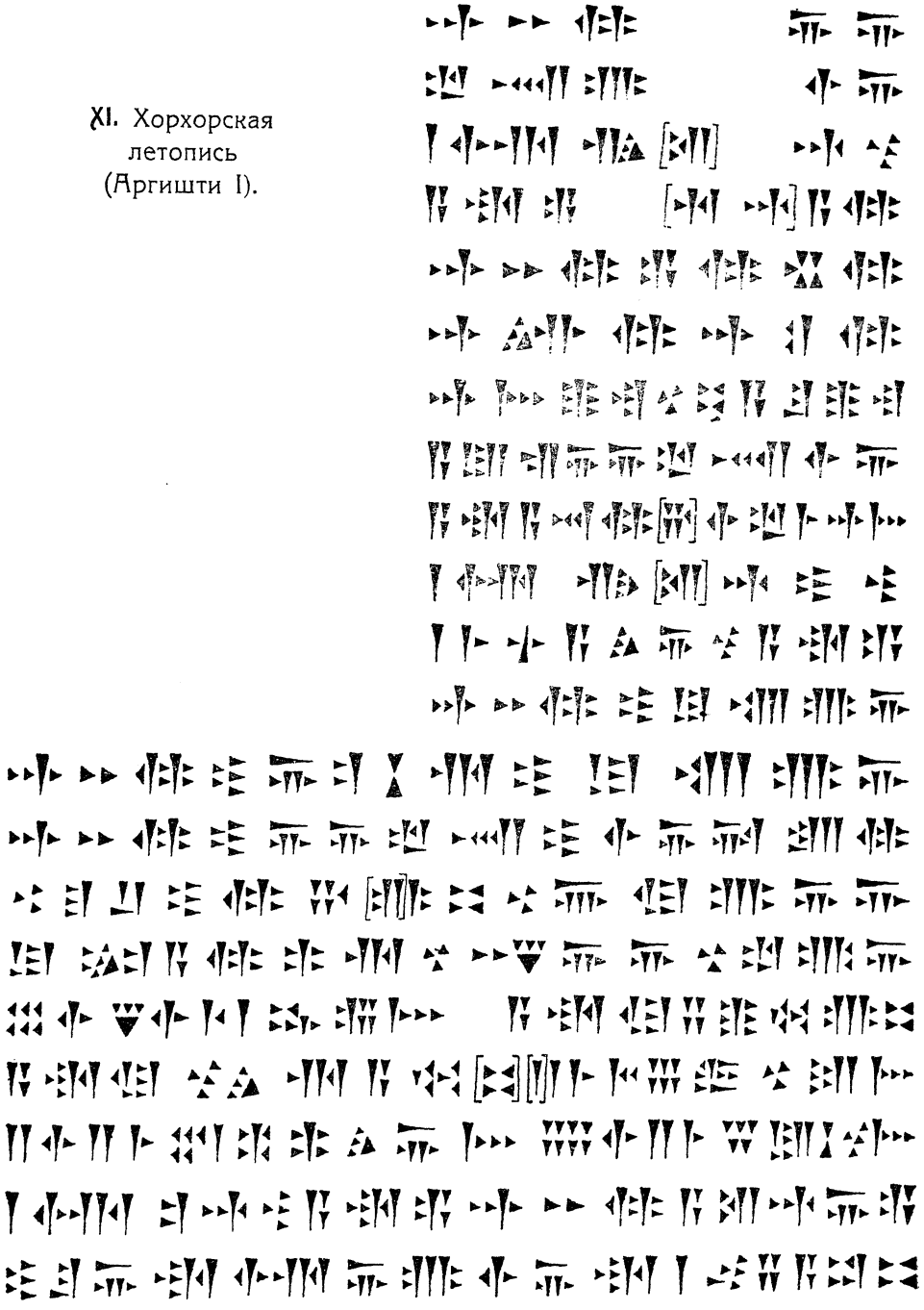
IX. Надпись из Варага св. Сион (Менуа).

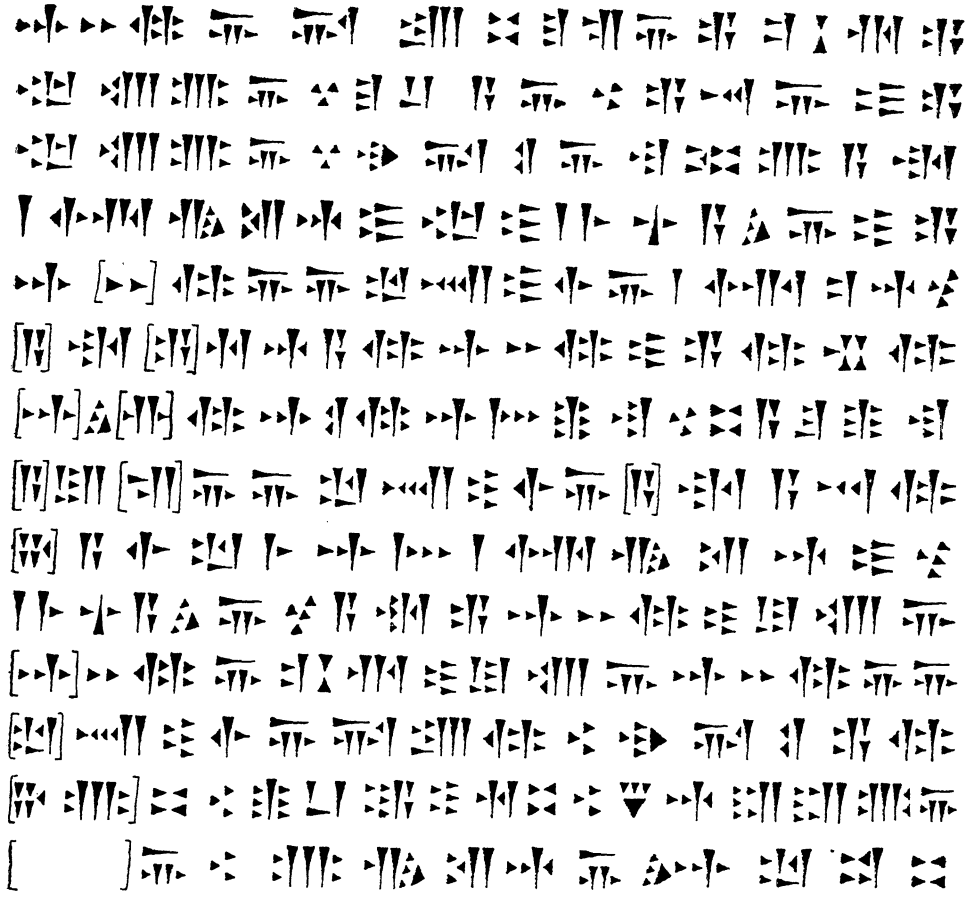


X. Надпись близ селения Ардамед (Менуа).



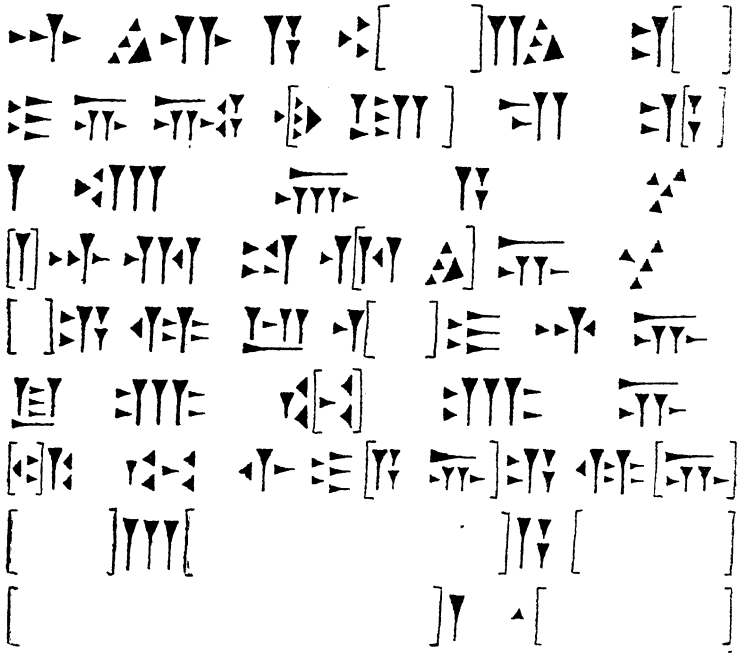
XI. Хорхорская летопись (Аргишти I).



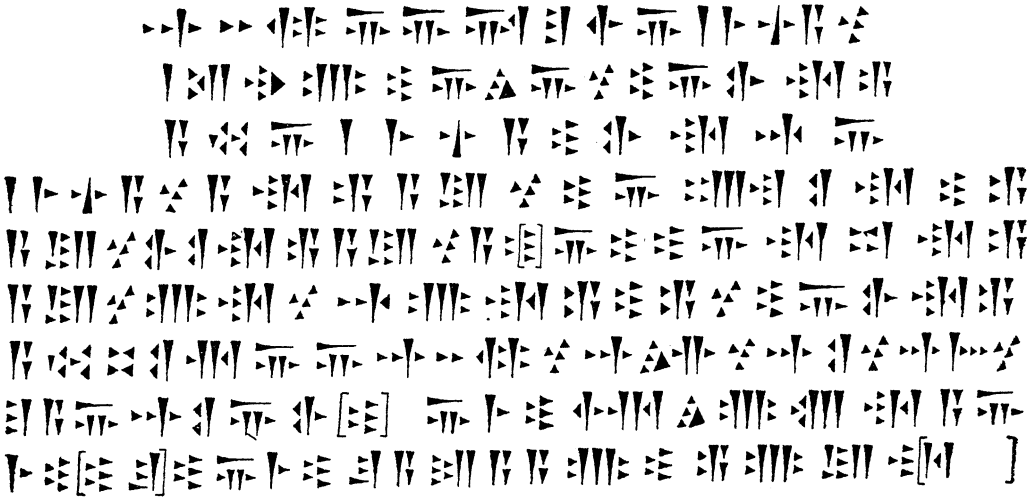


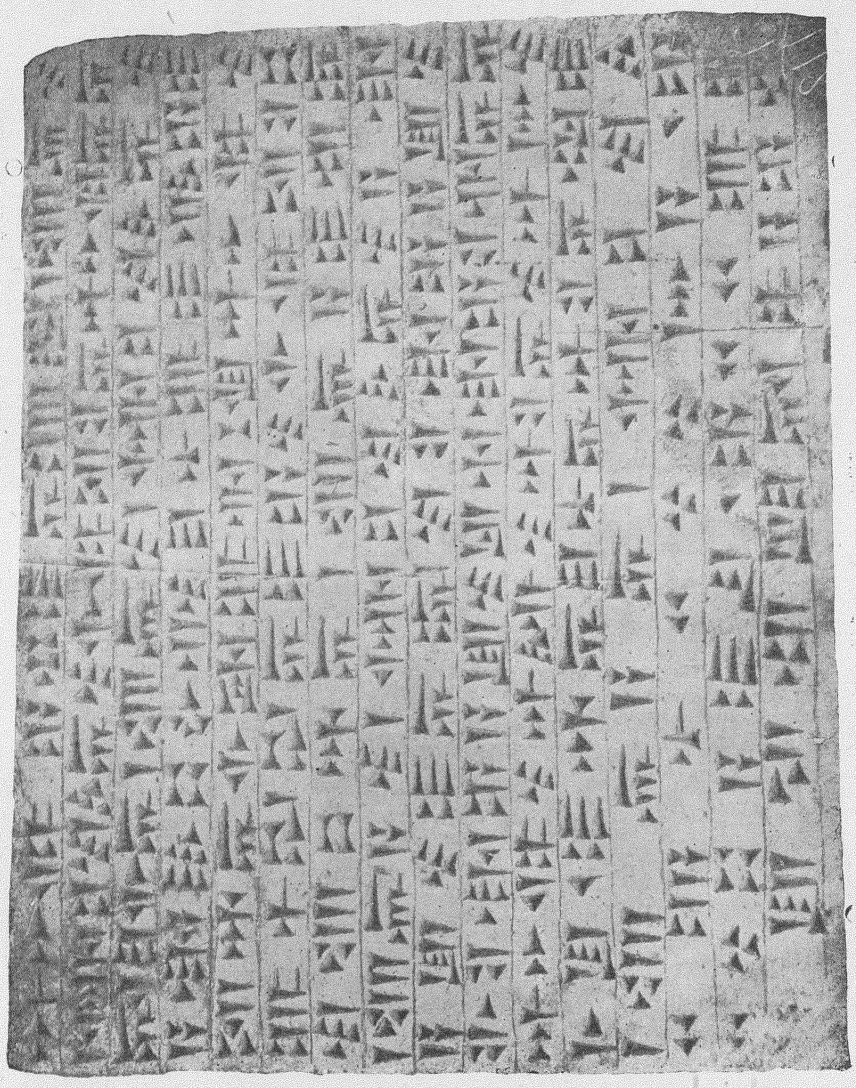
XII. Надпись из селения Дзвистан (Ишпуин).

XIII. Надпись из Вана, Айгестан (Руса I).



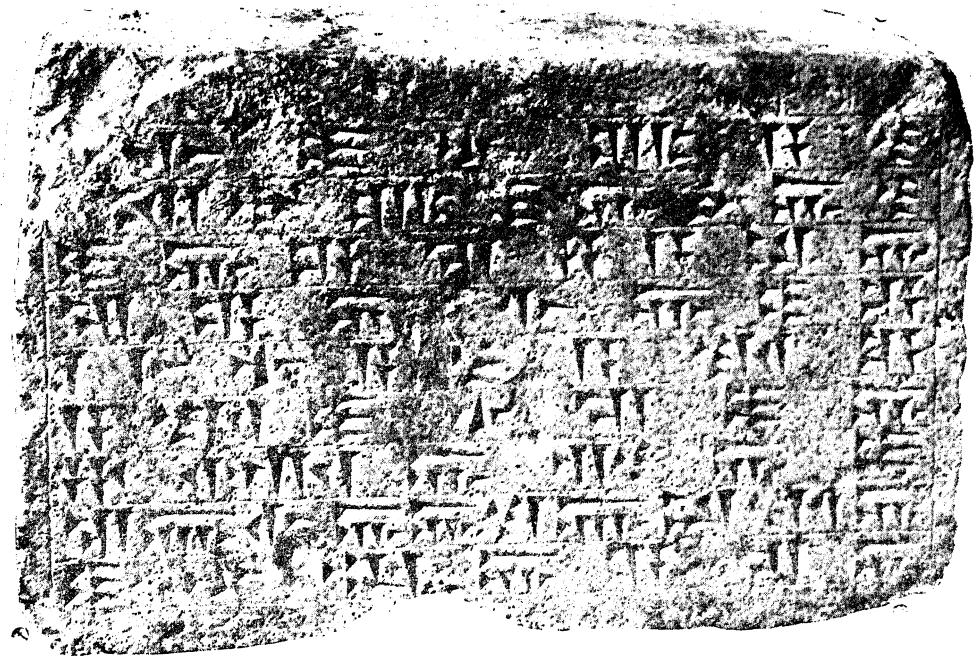
XIV. Надпись у Шамирам-Су близ Ардамеда (Менуа).





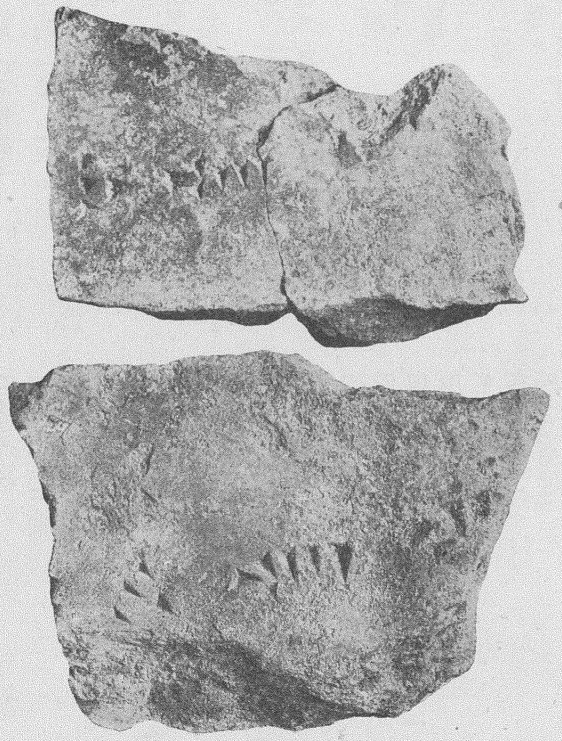
XVII. Надпись из Маку (Руса II).

XVIII. Надпись из Ванской крепостной стены (Менуа).

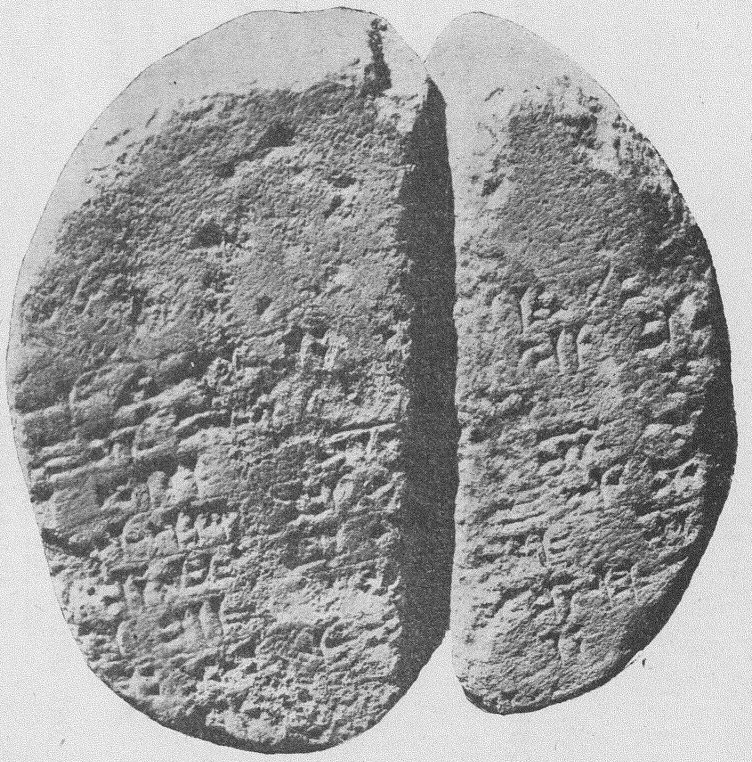


XIX. Надпись из Варага (Ишпуин).

XXIV. Фрагменты глиняных сосудов с клинописью из Хайкаберда.



XX. Надпись из Вана, Айгестан (Руса I).



Указатель упоминаемых в тексте географических названий

Абдадана 21.
Абилиани(хи) 30, 31, 33, 140, 147, 165—166, 184, 217, 219, 222.
Абуни 23, 26.
Адаус 9, 10.
Адахуни 33, 38, 186.
Аддури 15.
Адрана 52.
Азамеруни(ни) 39.
Аидаманиуни 39.
Аиди 21.
Акуани 39, 199, 219.
Алабира 42.
Албани см. Куха-Албани.
Алга 194.
Алзи 8—10, 18, 22.
Алзирани 39.
Алкани 33, 135.
Аллапри 21.
Альниуну 205.
Амадиа 41.
Амани(ни) 39.
Амат 42.
Амиди 8, 14, 17, 18, 25, 47.
Анди 21, 43, 45.
Анини 35.
Апуни(ни) 33, 152.
Арамали 220, 221.
Арба 44.
Арбаха 18, 24, 25, 37.
Аргиштихинили 26, 27, 64, 166, 167, 177, 192, 193, 219, 223.
Аргукини, см. Аркукини.
Ардини 20, 26, 39, 40.
Арзани 52.
Арзаск 15.
Ариди 15, 17.
Арими 14.
Аркукини 31—33, 38, 39, 166, 167, 185, 186, 217, 218, 222.
Армарили 37.
(Армаурна) 223.
Армеа 34, 225.
(Армяне) 225, 226.
(Арпад) 35.
Аруши 35.
Арха(и) ? 25, 31.
Аршиани 52.
Ассирия 8—63, 194, 196, 197, 215, 221, 222, 225.
Атазааини 39.
Аткании 52.
Ахуриани 26.
Ашкалаши 27.
Ашкайа 194.
Ашурикиша 35.
Бабани 23—25, 35.
Бабилу 30, 36.
Бала 42.
Бамни 25, 34.
Бари 44.
Баруата 24, 30.
Биаина 12, 20—63, 127—129, 135, 146, 152, 168, 171—175, 181, 188, 194, 203, 215, 217, 221—223.
Биани 23.
Бизана 48.
Бикура 20, 25.
Бит-Замани 14—16.
Бит-Капси 36.
Буини 30.
Буратту 36.
Бушту (Пушту) 24, 36, 194.
(Вавилон) 47, 49, 51, 59.
Вели-Кухи, см. Уели-Кухи.

Гамгум 36.
Гана 42.
Гизилбунда 18, 21, 44.
Гупа, см. Цупа.
Гургу, см. Курхи, 26.
Гуриаини 39.
Гушуни 52.
Даи 47.
Даиналатиши 26.
(Дамаск) 42.
Дарани 26, 161, 171, 173.
Дарбани 30.
Дзапша см. Запша.
Дидини 27.
Дирра 13, 14.
Дурдукка (Зурзукка) 40.
Дурубани 26, 48.
Едиани 30.
Екаршу 22.
Елаини 39.
Ератали 25.
Ерах (Ериах) 23, 26, 30—33, 142, 152, 207, 217, 219, 222, 228.
Ериаини 39.
Ериелтуаини 39.
Еринуи 21.
Етиуни (Етиухини) 20, 23, 24, 26, 30, 32, 39, 128, 140, 141, 152, 162, 171, 172, 217, 219, 222, см. Удури-Этиуни.
Ешумуа 33, 186.
Забаха 23.
Замани, см. Бит-Замани.
Замуа (Мазамуа) 15, 18, 24, 25, 37.
Запша 35.
Зикирту 40, 42, 43, 45.
Зуаини 21, 27, 39.
Зурзукка, см. Дурдукка.
Ибирани 26.
Иганини 23.
Изирту 16, 42, 52.
Ийани 25.
Инзи 17.
Ину (Инуази) 20, 36.
Иониа 29, 31, 32.
Ирданиуни 24, 26, 207, 228.
Ирдуани (Ирниани) 30.
Ири 8.
Иритиа 60.
Ириштиани 52.
Иркимаини 39.
Иркиунини 194.
Ирниани, см. Ирдуани.
Ируйани 30.
Ишкигулу 26, 29, 54, 55, 207, 210, 216, 224, 228.
Иштатти 52.
Иштелуани 33.
Иштикуни 26, 48.
Кади 33.
Калини 27.
Калрахи 26.
Камани(ни) 24, 31, 35.
Камниу 33, 186.
Карала 42.
Карду (Курахини) 8—10, 13, 20, 47.
Карниши (Теаниши) 34, 35.
Касиари 8, 14, 15.
Каскаши 50.
(Каски) 9, 10, 47.
Катарцае 26.
Каури 34.
Киехуни 26, 48.
(Киликия) 35, 36, 63.
(Киммерийцы) 41, 48, 50, 51, 53, 56, 58, 59, 63.
Кинабу, см. Синабу.
Кирури 18, 24, 25.
Кирху, см. Курхи.
Кисаши 50.
Кистани 36.
(Комагены), см. Кумаха.
Кубиарлини 55.
Кукуна 13.
Кулаши 24.
Кулбитарри 35.
Кулиаини 48.
Кулме 22.
Кулха (см. Курхи?) 30.
Кумаха (Кумаха-хали, Кумаха-алхи) 11, 29, 31, 32, 36, 47, 48, 165.
Куме-Рухи 31, 38.
Курахини, см. Карду.
Куриани 32.

Курхи (Кирху, Гурги, Карду?) 8, 10, 11, 13, 14, 26, 35, 45, 47.
Кути 221.
Куха-Албани 29, 33, 218, 219, 222.
Кухи, см. Уели-Кухи.
(Лидия) 53, 56, 58, 59, 63.
Лики 30.
Липлиуни 32.
Луеруни 31.
Луипруни 33, 186.
Лулу(ина) 26, 32.
Лухиунини 21, 151, 157, 195.
Луша 26, 157.
Мазамуа, см. Замуа.
Мака 194—197.
Макалтуни 23, 32.
Мана (Манна) 16—18, 21, 22, 25, 30, 40—45, 47—50, 52, 194, 221.
Манину 35.
Мармуани 24.
Маруани 35.
Матни 13.
Мелааини 39.
Мелита 22, 24, 34, 36, 167.
Мелуйани 35.
Менуахина 21.
(Мидия) 50, 51, 56—59, 63, 226.
Мусасир 16—20, 25, 28, 38—41, 43—46, 61, 62, 200, 202.
Мусри 8, 9, 11, 13, 51, 52.
Муша(ни) 34, 35, см. Мушки.
(Мушки) 8, 9, 22, 34, 36, 43, 46—48, 57.
Наири (Нара, Нири) 8—63, 204, 220—223, 226.
Низиб? 25.
Никзама 42.
Нимми (Нумми) 11, 13.
Ниниши 35.
Нирбу 13.
Нири, см. Наири.
Нириб 23.
Нихириани 34.
Нумми, см. Нимми.
Паддири 52.
(Палестина) 29, 57.
Паралани 32.
Парда 44.
Парсуа 16—18, 21, 25, 36, 42, 56.
Пилаи 23.
Пируаини 39.
Питура 13.
Пузуни 33, 135, 166.
Пулуа(ди) 32.
Пурукуци 8—10.
Путериа 22, 124.
Пути 23.
Пушту (Бушту) 24, 36, 194.
Риар 37, 44.
Ридуани? 38.
Ришуаини 39.
Руишиани 31, 39.
Русахина 55, 61, 177, 192, 197, 210, 228.
Рухи, см. Уихи-Рухи и Куме-Рухи.
Сарум 47.
Симаси 15.
Синабу (Кинабу) 8, 14.
(Сирия) 15, 17, 29, 35, 36, 41, 42, 57.
(Скандахул) 40.
(Скифы) 29, 49—54, 56—59, 63, 226.
Субари 8, 9.
Субнат 11, 15.
Сугуниа 15.
Супа 124.
Суприа 51, 54.
Сургадиа 42.
Сууни, см. Цуиниа.
Таирцуби 23.
Тариуни 10, 15, 21, 23, 27, 140.
Тархигамани 22.
Теаниши, см. Карниши.
Териани 33, 39.
Териуишаини 39.
Тиду 8, 14.
Тикулраиташе 35.
Тилушина 43.
Туаиади 43.
Туараши 26.
(Тубалы) 43, 46, 57.
Тулихуни 31, 34,
Туме? 165, 166.
Тумишки 34, 35.
Тумурри? 47.

Тушпа 17—19, 21, 33, 36, 37, 60—62, 87, 144, 157, 168, 171, 172, 174, 175, 188, 195, 199, 220, 226, 228.
Тушхан 13, 25, 47.
Убимени 38.
Убурда 24.
Угишти 24, 194.
Удури-Етиуни, Уедури-Етиуни, (Удури-Етини) 31.
Уели-Кухи (Уели-Куни) 29, 33, 34.
Уелида 38.
Узинабитарна 23.
Уитани 32.
Уихи-Рухи 31.
Уишди 43.
Уишушини 24.
Уки 47.
Улуани 26, 161, 171, 173.
Улуба 35, 36.
Улуки 23, 26.
Улху 46.
Умеше 35.
Умилди 42.
Урайани (ср. Ируйани) 31, 157.
Урарту (Уруатри, Уратри) 11—63, 213, 220—227.
Уратри (см. Урарту) 221.
Урахи 35.
Урейуни 23.
Уриейуни 23.
Урме 30.
Уртахини 32.
Уруатри (см. Урарту) 221.
Уруми 9, 10.
Урурдан 34, 114, 115, 139, 152.
Утарухини 20.
Утуха 21.
Ухиме 32.
Ухуни 33, 186.
Ушедуини 39.
Ушини 20.
Ушкиани 34.
Хазани 35.
Халдириул-хи(ни) 21.
(Халды) 225, 226.
Халпани 32.
Халпи 36.
Халцидипха 8, 9.
Хани-раббат (Кумуха) 48.
Харсишади 52.
Хартам 50.
Хата (см. Хетты) 168.
Хатхана 20.
Хахиаени (Хахиауе) 24.
(Хетты) 9, 10, 22, 23, 29, 42, 227.
Хирсина 18.
Хубускиа 13, 15, 16, 18, 21, 40, 43, 45, 50, 51.
Хузани 22, 124.
Хушани (Хуша, Хуша-алхи) 23, 30.
Цудала 33.
Цуиниа (Сууни) 26, 38, 48, 153, 154, 219.
Цупа (Гупа?) 22.
Шанатуаини 38.
Шатирарага 194.
Шашилу 21.
Шериази 23, 128.
Шешетина 21.
Ширимутара 23.
Шукки 42.
Шура 12, 17, 19, 20, 34, 222.
Шуришили 22.
Э. см. Е.
(Элам) 50, 51, 53, 227.

Указатель собственных имен.

(За исключением имен ассирийских и халдских царей).

Абиани 30.
Абилиани, см. в геогр. назв.
Адахуни 33.
Аза 25, 41, 42.
Алабира, см, в геогр. назв.
Алиат 58, 63.
Амбари(с) 43, 46.
Аммибал 14.
Ардара(ки) 26.
Ардис 53, 56, 58.
Аркукини, см. в геогр. назв.
Ахсери 52.
Аштуахи 26.
Ашурли 42.
Ашуррисуа 41.
Багбарту (богиня) 45.
Багдатти 42.
Бартатуа 50, 51.
Гигес 53, 56.
Гулута (имя династ. и страны) 26.
Гушташпи, см. Куштаншпи.
Дайани, см. Диаухини.
Дайукки 42.
Диа, см. Диаухини.
Диаухини (Диа, Дайани) 10, 15, 21, 23, 27, 140, 148.
Диуцини 31.
Еридуа(хи) 21, 195.
Ешумуа 33.
Ианзу 40, 43, 45.
Илани 14.
Инушпуа 22, 189—191, 216.
Иранзу 40, 41.
Иркуа 21, 195.
Иркуаини 30.
Итти 42.
Ишлубура 24.
Ишпакаи 50, 51.
Камани 31.
Капурини 32.
Катарца 20.
Каштарити 50.
Киаксар 56, 59, 63.
Кулуаини (имя династ. или племени) 26.
Куштаншпили 32, 36, 165.
Луерини 31.
Луехи 31, 34.
Луипруни (имя династ.) 33.
Маниаи 47.
Маруба (Муруба) 23.
Матиилу 36.
Мита 43, 46.
Митатти 40—44.
Муруба (Маруба) 23.
Муталу 47.
Набополассар 59.
Навуходоносор 63.
Нидини 33.
Рашуни 31.
Сардур (жрец) 45.
Сашки . . . 26.
Саху 34, 167.
Сихили 52.
Сулумал 36.
Таририа 22, 192.
Тархулар 36.
Тиушпа 50.
Туалахини 24.
Уалли 52.
Уани 37.
Удаки 16.
Уенида 30.
Уитару 26.
Улусун 42—45.
Урзана 13, 38—41, 43, 44.
Утубурши 21, 27.
Фраорт 56.
Хахани 30.
Хитеруада 23, 34, 35, 167, 168.
Хутуин (бог) 189—191, 216.
Хушташпили, см. Куштаншпили.
Циналиби 31, 34.
Шагаштара 210, 216, 217, 224, 228.
Шадалие-хини 22.

Примечания и исправления.

Стр. 3. В основе очерка „Халдоведения“ лежит краткий курс, читанный мною в Азерб. Гос. Унив. в 1925 г. В настоящее время, в процессе печатания, представилась возможность дополнить его содержание, и, в результате, работа моя вышла за пределы „Краткого очерка“, каковым она характеризуется в начале Предисловия.

Стр. 8 и сл. Довольно обширная литература по халдскому вопросу разобрана мною в недавно вышедшей моей работе „Выдвигаемые яфетическим языкознанием вопросы в области изучения ванской клинописи“ (Яфетический Сборник, IV, 1926 г.), к каковой и благоволят обратиться желающие с нею ознакомиться.

Опечатки в географических названиях и личных именах исправлены в помещаемом в конце книги указателе их, где пользующийся книгою и может их проверить.

Стр. 14. Надписи Сардура I на ассирийском языке находятся в кладке урартской стены в Ване, назначение которой понимается исследователями различно, см. стр. 204.

Стр. 17. Перенесение урартской столицы в Тушпу обычно приписывается Сардуру сыну Лутипра, который отождествлялся с Сардуром отцом Ишпуина. Такое отождествление двух Сардуров едва ли верно, перенесение же им столицы в Тушпу, тем более в 828 году, вызывает также ряд сомнений, см. стр. 220.

Стр. 20. На стк. 11 снизу следует вместо Этуни читать Этиуни.

Стр. 21. На стк. 2 сверху имеются в виду жертвенные, а не „царственные“ животные. В стк. 3 упоминается Ишпуин, а не „Ишпуни“.

Стр. 22. Чтение имени страны, упомянутой на стк. 14 сверху, скорее всего Цупа, а не Гупа (см. Сэйс XXXIII). Двумя строками ниже следует читать „Кулме“, а не „Килме“.

Стр. 23. На стк. 10 снизу: „Таиршуби“ следует исправить на „Таирцуби“, а 3-мя строками ниже „Маруба“ на „Муруба“.

Стр. 24. Более правильное чтение страны, упоминаемой на стк. 14 сверху, будет „Хахиауе“ (см. Хорхор. лет., II 43).

Стр. 26. На 20-й строке сверху упоминается Эйляр.

Стр. 31. На 8-й стк. снизу следует читать „Луеруни“, а не „Луерини“.

Стр. 32. На 4-й стк. снизу упомянуто „Куриани“, а не „Куриаини“.

Стр. 33. Относительно чтения „60 селений“ на стк. 7-й снизу, см. стр. 186.

Стр. 36. Строка 17 снизу имеет в виду страну „Кумух“ а не „Кимух“, а на стк. 3 снизу следует читать „Бабилу“.

Стр. 37. На стк. 14 сверху чтение женского имени Уани (Ууани), хотя и восстанавливается некоторыми исследователями (напр. Сандалджианом), но все же спорно в виду дефектности двух Армавирских надписей, в которых оно встречается.

Стр. 39. На стк. 1 сверху следует читать „Ришуаини“, на стк. 3 „Атазааини“ и на стк. 4 „Азамеруни“.

Стр. 40. На 19-й строке снизу имеются в виду три больших надписи Русы, а не все, ему приписываемые, о которых см. на стр. 199.

Стр. 44. Строка 15 сверху говорит о „Биайне“.

Стр. 45. Относительно стк. 6 снизу см. прим. к стр. 40. На 1-й стк. снизу в скобках следует читать (Теишбы).

Стр. 48. На стк. 15 сверху следует читать „и о“ (напечатано „по“).

Стр. 53. Строка 25 сверху имеет в виду „предсмертные“, а не „посмертные“ судорги.

Стр. 54. Строка 18 сверху говорит о реке Карса чае.

Стр. 55. Строки 10—19: содержание Макинской надписи может иметь и другое толкование, см. об'ясн. к тексту ее на стр. 174 сл. Письмо Шагаштара послано им Русе, а не наоборот, поэтому моя фраза о том, что „таблетка м.б. до него и не дошла“ совершенно излишня. Таблетка адресована вовсе не Шагаштаре, следовательно, и „дойти до него“ не могла, см. стр. 210.

Стр. 61. На стк. 8 снизу и сл. приводится мнение немецких руководителей раскопок, возбудившее некоторое сомнение у членов экспедиции Рус. Арх. Общ. 1916 г., считающих возможным видеть в затронутых раскопками местах остатки не храма, а дворца.

Стр. 67. Об упоминаемой на стк. 5 сверху таблетке Ишкигульского царя, см. прим. к стр. 55.

Стр. 68. Строка 17 снизу: Бельком и Леманном найдена еще третья, весьма дефектная, надпись Сардура на ассирийском языке, о чем см. стр. 204.

Стр. 70. На стк. 14 снизу следует читать „общею характеристикою“.

Стр. 80. Строка 17 снизу говорит о „вилярном“ звуке.

Стр. 105. Строка 5 снизу имеет в виду не первую, а пятидесятую надпись Сэйса.

Стр. 110. В дальнейшем изложении упоминаются работы Н. Я. Марра и мои без обозначения места их издания, поэтому считаю не лишним повторить их здесь полностью.

Работы акад. Н. Я. Марра специально по халдской клинописи: 1) Халдская клинообразная надпись из леса Леска Ванского округа (Изв. Ак. Наук, 1915), 2) О халдском pul—i 'камень' || pil—i 'камень, каменная труба, водопровод, канал' (Изв. Ак. Наук, 1917), 3) Материалы по халдской эпигра-

фике из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению (Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., XXIV, 1917), 4) Обломки Делибабинской халдской надписи (Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., XXIV, 1917), 5) Надпись Сардура II сына Аргиштия в Даш-керпи на Чалдирском озере (Зап. Кав. Музея, B—I, 1919), 6) Фрагмент халдской надписи из Алашкерта (Изв. Ак. Ист. Мат. Культ., I, 1920), 7) Надпись Русы II из Маку (Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., XXV, 1922), 8) Надписи Сардура Второго из раскопок ниши на Ванской скале. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван (изд. Рус. Арх. Общ., 1922), 9) заметки по яфетическим клинописям: 5. K a l—r a q̇ i в халдских надписях, 6. Из халдских названий времен года (Изв. Ак. Ист. Мат. Культ., III, 1924).

Перечень моих работ по халдскому языку: 1) По поводу Макинской надписи Русы сына Аргиштия (Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., XXV, 1922), 2) Указатель слов встречающихся в летописях Сардура (Приложение к работе Н. Я. Марра, отмеченной под № 8), 3) Числительные и их согласования в халдских надписах (Яфет. Сборн., I, 1922), 4) Изображение числительных в надписях Сардура (Яфет. Сборн., II, 1923), 5) Идеограммы и детерминативы в халдских надписях (Яфет. Сборн., II, 1923), 6) Шураа и Урурдан в клинописных памятниках Ванского бассейна (Докл. Ак. Наук, 1924), 7) Ионизмы в халдском (Яфет. Сборн., III, 1925), 8) Географические названия в бассейне Аракса по халдским клинописным памятникам (Изв. Ак. Ист. Мат. Культ., IV, 1926), 9) Предположительные сведения о движении халдов в пределы Азербайджана (Изв. Азерб. Арх. Ком., II, 1926), 10) Выдвигаемые яфетическим языкознанием вопросы в области изучения ванской клинописи (Яфет. Сборн., IV, 1926), 11) Древне-ванский бог Халд-Халдин. Этимология (Вост. Зап., I, 1927, изд. Ленингр. Инст. Жив. Вост. Язык.), 12) Халдоведение (Труды Общ. Обс. и Изуч. Азерб., 1927), 13) Числительные в халдском (Сборн. Числит., изд. Яфет. Инст., печатается), 14) Имена древне-ванских богов и царей (Яфет. Сборн., V, печатается).

Стр. 127. Строка 17 сверху: форма род. падежа логического суб'екта на i ш возбуждает некоторые сомнения, о чем, см. стр. 106.

Стр. 129. Строка 14 снизу, см. прим. к стр. 127.

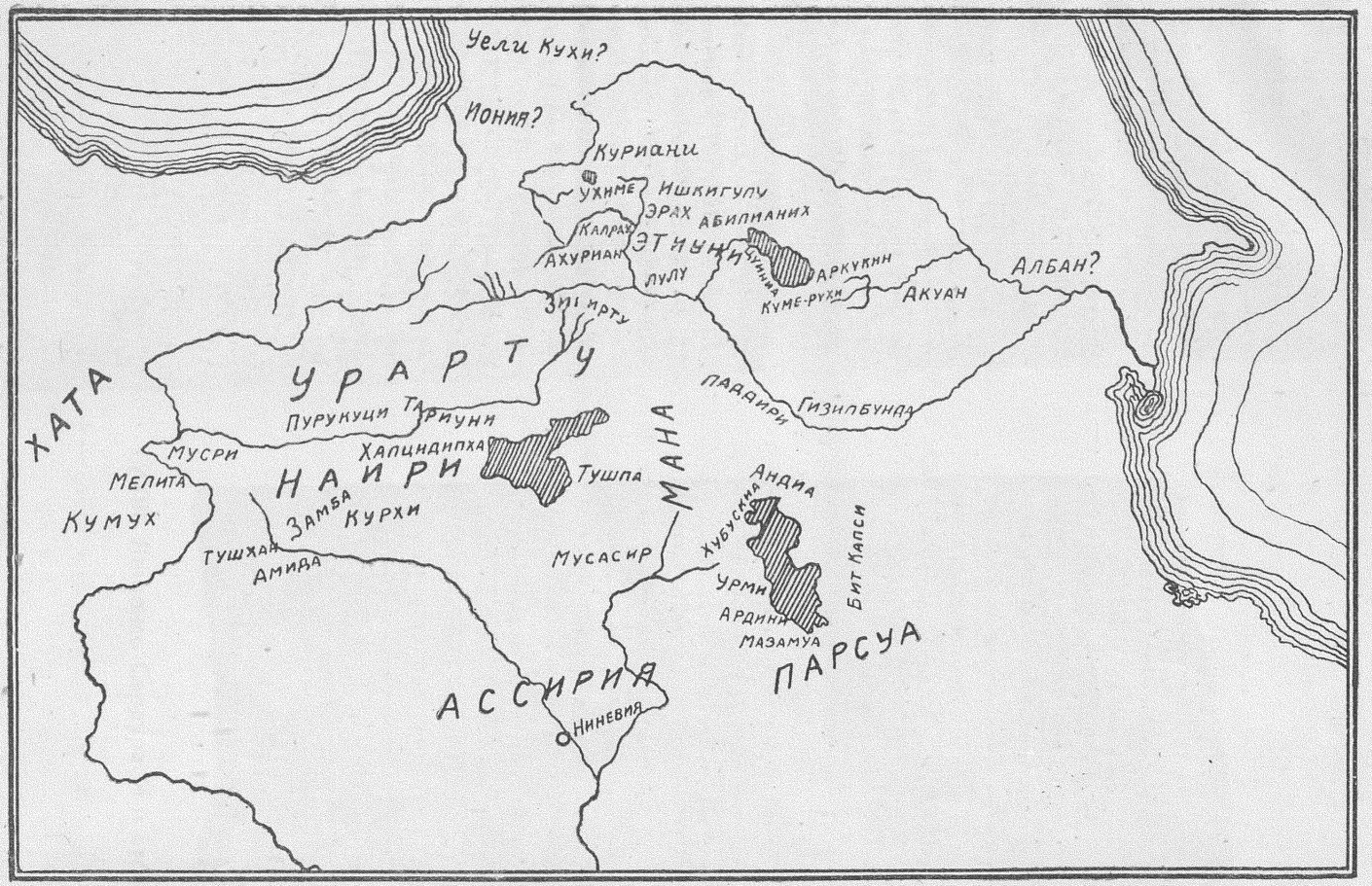
Стр. 134. Строка 4 снизу: о „БОГЕ АРДИ—n i k a i“, см. также на стр. 204.

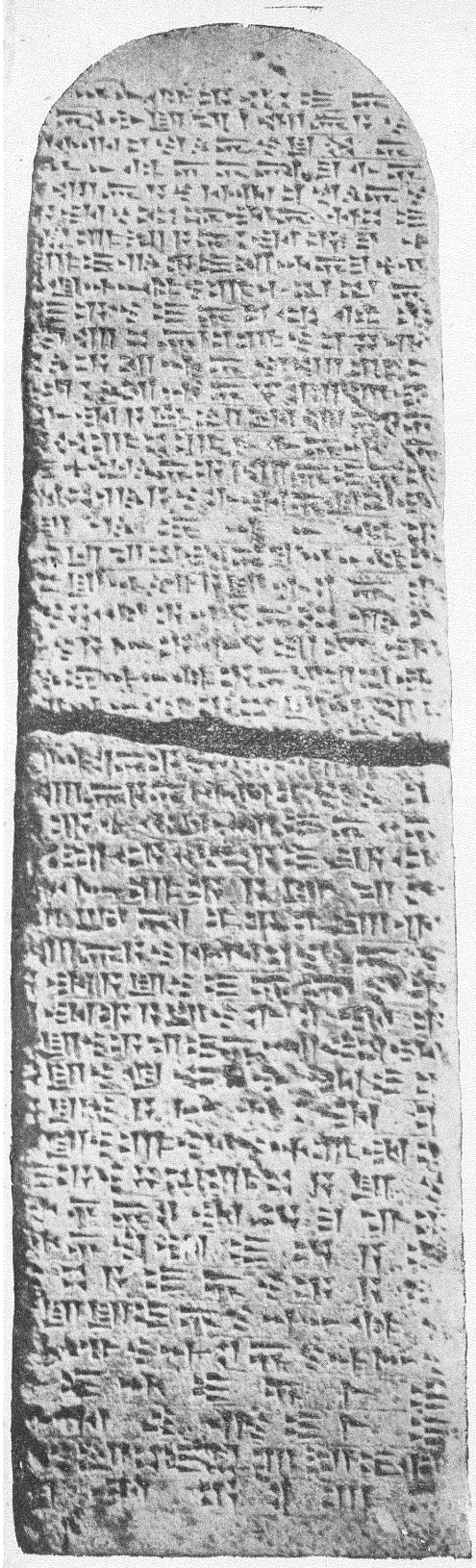
Стр. 137. На стк. 4 сверху следует читать не „g w g“, а „g w g“.

Стр. 140. На стк. 9 сверху следует читать „Eti-u-qin-i“.

Стр. 152. На стк. 21 сверху следует читать „h e/h i“. Относительно aшguni строки 9-й снизу, см. на стр. 186—187.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ


Уелги Кухи?
Иония?
Куриани
Ухиме
Ишкигулу
Эрах
Абилианих
Калрах
Ахуриан
Этиуни
Лулу
Зиимрту
Аркухин
Куме-рухи
Акуан
Албан?
Хата
Урарту
Пурукуци
Тариунн
Мусри
Мелита
Кумух
Наири
Хапцидипха
Тушпа
Замба
Курхи
Тушхад
Амида
Мана
Ладаири
Гизилбунда
Андиа
Хубускина
Мусасир
Урми
Ардини
Мазамуа
Бит Капси
Парсуа
Ассирия
Ниневия



XXII. Надпись из Звартноца (Руса II).

XXIII. Летопись Сардура (4 й столбец).